

НОЧНОЙ ТЕАТР

ВИКРАМ
ПАРАЛКАР

Vikram Paralkar

NIGHT THEATRE

STONE HEDGE

Викрам Паралкар

НОЧНОЙ ТЕАТР

Перевод с английского
Юлии Полещук

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2021
STONE HEDGE

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)6-44
П18

Издано с разрешения VIKRAM PARALKAR c/o Rogers,
Coleridge and White Ltd.

На русском языке публикуется впервые

Паралкар, Викрам

П18   Ночной театр / Викрам Паралкар ; пер. с англ. Ю. Полещук. —
Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2021. — 224 с.

ISBN 978-5-00169-444-1

С наступлением сумерек хирург закрывает свою ветхую клинику в Индии. Его день, как и все предыдущие, был непростым. Медикаменты не поступают вовремя, проводка грозит сгореть в любую минуту, а супервизор — коррумпированный правительственный чиновник — вымогает взятки. Работа неблагодарная, но хирург давно потерял надежду на вознаграждение в этой жизни.

Однажды ночью его кабинет посещает семья — учитель с беременной женой и маленьkim сыном. Дело обычное, если бы не один факт: как незваные гости могли выжить с чудовищными ранами?

Теперь до рассвета ему предстоит вернуть семью к жизни.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00169-444-1

© Vikram Paralkar, 2019

First published in India in 2017 as The Wounds of the Dead by Fourth Estate, an imprint of HarperCollins Publishers

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

STONE HEDGE

ОДИН

В день, когда хирурга посетили мертвецы, воздух в лечебнице был пропитан формалином. Аптекарь налила раствор в мензурку и оставила на ночь в операционной, чтобы прочистило все углы. Как только открыли дверь, едкая вонь хлынула в коридор и смерть простила сквозь стены. То была самая обычная, заурядная смерть — насекомых и грызунов.

***

Накануне один крестьянин рассек другому руку серпом. Пятеро крестьян взбежали на взгорок, оставляя кровавый след, и столпились в лечебнице; рана была перехвачена замызганной тряпицей.

Хирург снял повязку и увидел рваную рану от локтя до запястья.

— Как это случилось?

Раненый прохрипел сквозь зубы:

— Этот пес меня.

Обвиненный пояснил понуро:

— Я пшеницу жал, доктор-сагиб. И не заметил, что он наклонился поднять сноп. Пожалуйста, зашейте ему руку, я заплачу.

Хирург прижал повязку к ране.

— Не так-то это просто.

Аптекарь стояла рядом с ним, уже в перчатках. Хирург велел ей отвести пациента в операционную и пошел следом, переступая через капли крови на полу. Прочие крестьяне остались в коридоре. Один из них вытащил из кармана кисет с табаком.

— Только не плюйте на стены, — предупредил хирург и закрыл за собой дверь.

Аптекарь застелила операционный стол простыней, хирург велел крестьянину сесть на табурет и положить руку на стол. Натянул перчатки и снова снял повязку. Рана кровила. Хирург взял крестьянина за руку, потянул, и тот ахнул.

Разрез был длинный, неровный, но неглубокий: пострадала в основном кожа. В одном месте серп вошел чуть глубже, но артерию не задел. Солнце стояло высоко, света в операционной хватало. Хирург смазал кожу йодом, капнул немного в рану, провел вдоль разреза ватой, пропитанной спиртом, который, как обычно, разлился, точно нефтяное пятно по воде, проник в рану. От йода крестьянин закряхтел, а после спирта запрокинул голову и помянул недобрый словом чью-то мать и сестру.

— Замолчите, — велел хирург. — Вы мешаете мне работать.

— Жжет, сагиб.

— Я знаю. Но без этого не обойтись. И учтите, обезболивающего у меня очень мало, всего две ампулы. Я сделаю вам укол, но всю руку обезболить не смогу. Если вы сейчас так орете, что же будет, когда я начну зашивать?

— Я буду молчать, сагиб.

— И не дергайте рукой. Или идите в другую лечебницу, пусть вас штопают там.

Хирург уколол в края раны лидокаин и, пока анестезия не подействовала, приготовил иглу и нить. Потом начал шить. Крестьянин сунул в рот уголок тюрбана, постанывал, но не проронил ни слова до самого конца операции.

Краем глаза хирург заметил, как у дальней стены что-то прошмыгнуло. У самого плинтуса шевелил крыльями таракан, покачивал усиками, словно чувствовал себя в лечебнице полноправным хозяином. Хирургу захотелось на кого-нибудь напортачить, но аптекарь ушла выдавать лекарство старухе с остеопорозом, которая наведывалась в лечебницу раз в неделю, и жалобам ее не было конца-краю; крестьянин сидел, сжав зубы и вытянув окровавленную руку. И некому было прокричать: почему у меня в операционной таракан? Мне что, прикажете оплачивать еще и дезинсекцию? Самолично заделывать трещины? Засовывать в них отраву?

Пальцы онемели, и хирург осознал, что чеснок сильно вцепился в щипцы. Он старался не срывать злость на игле с ниткой, но чем дольше сновал таракан, тем громче стонал крестьянин. После укола, показавшегося самому хирургу неоправданно жестоким, крестьянин ахнул и распахнул слезящиеся глаза. Хирург швырнул инструменты на стол и подошел к стене. Таракан бросился прочь. Хирург топнул раз, другой, третий, но не попал. Тогда он занес ногу над полом, дождался, пока таракан замрет, и, улучив момент,

раздавил его каблуком. Больше от операции его ничто не отвлекало.

Не свалилась ли аптекарь часом в колодец, подумал сагиб, но та уже вернулась, чтобы перевязать рану. Хирург выписал рецепт на антибиотики и вакцину от столбняка. Крестьяне ушли, только один сидел на kortochkax в коридоре; завидев хирурга, он проворно вскочил.

— Это ведь вы его ранили?

— Я не специально, матерью клянусь. Мне так стыдно, что я не заметил...

— Езжайте в город и купите в аптеке вот это. Через четверть часа должен быть поезд.

— Как скажете, доктор-сагиб. — Крестьянин поклонился и выбежал из лечебницы.

Помощница закончила перевязку, и хирург крикнул ей:

— Простерилизуйте инструменты и продезинфицируйте операционную.

— Сейчас?

— Да, сейчас.

— Но ведь завтра дети придут, сагиб. На вакцинацию от полиомиелита.

— А они здесь при чем? Я убил таракана, и бог знает, сколько их еще прячется в трещинах. В моей операционной таракан. Позор. Не лечебница, а гадюшник.

Хирург хлопнул дверью, и аптекарь вздрогнула. Должно быть, у сагиба снова болит спина. Девушка соскребла с железной кюветки чешуйку ржавчины, собрала использованные инструменты, сняла простыню со стола. От таракана осталось лишь мокрое пятно, и отскести его аптекарю удалось не сразу. К влажному пятнышку уже тянулась вереница муравьев, так что пришлось подмести и вымыть пол во всей операционной.

Потом аптекарь заклеила все отверстия в окнах, все щели в рамках, а заодно и места вокруг их тупых скругленных углов. Из шкафчика под раковиной достала большую мензурку, поставила в центре комнаты. Налила формалина до половины — если налить до краев, назавтра в лечебницу невозможно будет войти. Проверила, не оставила ли чего в операционной (особенно свою мангалсутру¹), и добавила в мензурку несколько ложек марганцовки. Смесь забулькала, аптекарь поспешила вышла из операционной, затворила за собой дверь и заклеила щель под ней скотчем.

— Вакцины уже привезли? — крикнул хирург из приемной.

— Нет еще, сагиб. Должны были сегодня.

— И как тогда прикажете прививать детей от полиомиелита? Брызгать на них розовой водой? От этих чинуш одна морока. Какая-нибудь

¹ Мангалсутра — драгоценное ожерелье, которое жених во время свадебной церемонии надевает на невесту. Здесь и далее прим. пер.

ленивая бестолочь уехала в гости к тетке жрать жареного баражка, вместо того чтобы везти нам вакцины. Если завтра утром он не явится, клянусь, я каждую неделю буду слать жалобы в их контору, пока его не уволят.

Хирург вышел в коридор, сжимая в руке свернутую трубочкой газету, точно полицейскую дубинку.

— Я ухожу. Придут пациенты, скажите: если не помирают, пусть приходят завтра.

— Хорошо, сагиб.

***

Полный мочевой пузырь разбудил хирурга, а уснуть снова не удавалось, потому что вентилятор на потолке тарахтел и поскрипывал. Негромко поскрипывал, но до одури монотонно. Сагибу вспомнились узники, которые сходили с ума, не выдержав пыток — капающей водой ли, другими звуками. Неизвестно, правда ли это, но в этот ранний час такие истории вызывали доверие.

Минуло почти три года с тех пор, как он приехал в эти места. Три года в этих комнатушках, в крохотном домишке по соседству с лечебницей. Окна за это время практически не изменились, разве что еще больше обветшали, воробы проеклевали дырки в сетках от комаров. Да и проку от этих сеток: разве они защитили его от тропической лихорадки? Болезнь как пришла, так и ушла, а вот слабость не проходила. Порой он опасался, что лихорадка затронула и мозг. Водворившись

в лечебнице, он дал себе слово всегда находить работу для ума, как бы трудно ни было. Перевез сюда всю свою библиотеку: у кровати высились три книжных шкафа, его бastiон посреди неграмотной деревни. И когда он в последний раз брал книгу в руки? Страницы желтели, с обложек смотрели бессмысленные предложения.

Грязная рутина: вскрывай гнойники, лечи понос и кашель, вырывай гнилые зубы, а теперь еще и новая напасть — тараканов дави. И все для чего? Чтобы жить вот в этой лачуге?

Можно встать и выключить скрипящий вентилятор, но нет смысла. Все равно уже не уснуть. Заложив руки за голову, хирург наблюдал, как лопасти преследуют друг друга, описывая серые круги.

***

На рассвете аптекарь надела хирургическую маску и шагнула в окутавшее лечебницу облако формалина. Глаза слезились; девушка раскрыла все окна, выставила во всех четырех комнатах блюдочки с нашатырем, но пары формалина никак не рассеивались. Тогда она попыталась включить вентилятор.

И во весь дух помчалась домой.

— Вставай, вставай, — выпалила она, задыхаясь, — в лечебнице нет света. Холодильник греется. Доктор-сагиб ругаться будет.

Ничего не соображая спросонья, ее муж поднялся на взгорок, вошел в лечебницу, вдохнул едкую

вонь, и сон тут же слетел с него. Аптекарю было жаль так его мучить, но кто еще в деревне знает, как устроена проводка в лечебнице?

— Пробки, — сказал он. — Третий раз за месяц.

Пусть себе ворчит, подумала аптекарь. Глаза красные, волосы всклокочены, лицо повязано платком — в этаком виде его можно было принять за бандита. Он приставил стремянку к двери операционной, полез к щитку, а когда открыл дверцу, даже аптекарь заметила черные усики, торчавшие по бокам от пробок, — оплавились от частых замыканий.

— Дай отвертку. И вон тот провод.

Она порылась в ящике с инструментами.

— А ты не можешь сделать так, чтобы их больше не выбивало?

— Я поговорю с сагибом насчет той штуки, как ее бишь: сдавилизатор? Никогда ее не видел. И придется переделать всю проводку, чтобы ток шел по одной цепи.

— Только не сегодня, пожалуйста. Сегодня будет трудный день. Уж поверь.

Он отсоединил провода, подтянул и соединил заново, как надо, и зашелся таким кашлем, что аптекарь испугалась, как бы он не упал со стремянки. Каждые пять минут он наклонялся, и жена вытирала ему глаза тем же платком, что и себе. Наконец он скрутил вместе последние проводки, вставил пробки, включил — и лампы, вентилятор, холодильник ожили, затрещали, загудели.

Он убирал стремянку, когда в лечебницу вошел хирург.

— Что случилось? Почему вы плачете?

— Я не плачу, сагиб. Это все дезинсекция.

Хирург словно и не заметил формалиновой вони. Наверное, приноровился за годы учебы, подумала аптекарь. Говорят, студенты-медики трупы режут. Доктора — отважные люди. Она бы от этакого зре-лища грохнулась в обморок.

Сагиб подошел к своему столу.

— Вакцины привезли?

— Еще нет. — Аптекарь попыталась туже заяв-зать маску, но та была ей велика.

— И чем только занимаются эти мошенники?

Вы им не звонили, не спрашивали, почему опаз-дывают?

— Звонила, но там трубку никто не берет.

— Ну и ладно. Так, значит, так, мне плевать. Не я же призывал народ прививаться. Мне-то тे-рять нечего.

Вскоре в лечебницу начали стекаться матери, садились на kortочки во дворе, прикрывали нос и рот, обмахивали детей. Если бы не вонь, они набились бы в коридор, расселись на скамейках по двое-трое. Может, оно и к лучшему, что вся ле-чебница пропахла формалином. Ведь еще и неде-ли не прошло, как муж аптекаря приколотил но-вые доски взамен сломанных.

Последнее время по крошечному телевизору на деревенской площади беспрестанно крутили

одно и то же объявление на маратхи² — кругло-лицые матери в сари и паранджах улыбались, пожимали друг другу руки, а добрый грудной голос за кадром говорил: «Сделайте подарок вашим детям. Защитите их будущее. Всего две розовые капли». Потом на экране появлялось милое детское лицико, и на глазах аптекаря наворачивались слезы: она знала, что покажут дальше — короткая сухая ножка, костыль под мышкой, закат. «Приходите непременно, — говорила аптекарь каждой встречной женщине. — С утра пораньше. И соседок предупредите».

Судя по количеству матерей, заполонивших двор лечебницы, совета аптекаря послушались деревень десять. А вакцину никак не привезут: скорее уж она упадет с неба.

Девушка закрыла окошко аптеки и принялась переставлять лекарства на полках, хотя в этом, говоря по совести, не было никакой нужды. Перевалило за полдень, аптекарь понесла хирургу еду и воду со льдом, стараясь не смотреть в глаза недовольным женщинам.

Сагиб положил на язык таблетку и запил водой.

— Значит, так. Если в ближайшие полчаса вакцину не привезут, отправьте женщин по домам. А будут кричать, скажите, пусть идут прямиком в контору и устраивают там голодную забастовку. Лишь бы меня не донимали. Я не варю вакцины у себя на кухне. Все поняли?

---

² Маратхи — один из индоарийских языков, распространен в Индии и на Маврикии.

— Да, сагиб.

— И скажите им, пусть ведут себя потише. А то у меня голова лопнет. Дайте человеку пообещать спокойно.

— Да, сагиб.

***

Хирург подбирал с тарелки последние куски, когда к нему постучал муж аптекаря.

— Привезли.

Хирург выглянул в окно. На взгорок, пыхтя, поднимался толстяк в линялой синей куртке-сафари. Пышноусый, в квадратных очках, с шестью большими пенопластовыми коробками. Море сидевших на корточках женщин расступилось, пропуская его.

Хирург вымыл руки, вышел в коридор. Толстяк поставил ношу на пол.

— Я вакцину принес.

— Вы должны были явиться еще вчера, — каждое слово хирурга сочилось ядом.

— Я задержался.

— Вот, значит, как? Задержались? А нам что прикажете делать? Ждать, как побиушкам, пока вы соизволите нам милостыню подать?

Чиновник взглянул на женщин, которые хлынули за ним в коридор и сейчас прикрывали от него лица краешками сари.

— Задержался и задержался, вас забыл спросить. Пришел же.

— Вопиющая безответственность. Вам, между прочим, платят не за это. У вас, чинуш, каждый второй день — выходной. На доктора вам плевать, пусть как хочет, так и выкручивается: наберет святой водички из Ганга, да и капнет детишкам в глотку.

— Не кричите на меня, сагиб. Я вам не мальчик на побегушках.

— Думаете, я вас боюсь?

— Меня поставили надзирать за этой деревней и этой лечебницей. Я старший над вами. Не советую портить со мной отношения.

— Да ну? И чем же мне это грозит?

Чиновник погладил усы, осмотрел пальцы, словно опасался, что они окрасились.

— Я не хотел говорить об этом при всех, но, по нашим сведениям, в вашей лечебнице допускаются нарушения. Возникает вопрос о трате бюджетных средств.

Хирург рассмеялся, вложив в этот смех всю издевку, на которую был способен:

— Вы о каких деньгах? Не о тех ли, которые до нас даже не доходят? О деньгах, которые обращаются в дым, как только попадут в руки к вам и вашим товарищам?

— Послушайте, сагиб, к чему тратить время на подобные разговоры? Вам вакцину раздавать пора.

— Не учите меня делать мою работу. Если бы не ваша лень, я раздавал бы ее с восьми утра. Но раз уж вы заикнулись о нарушениях, давайте

о нарушениях. Подождите, я вам сейчас в подробностях расскажу о материальном положении лечебницы.

Хирург вцепился в руку чиновника, впился так, что тот аж глаза выпучил, потащил его за собой в приемную и толкнул в кресло. Потом отодвинул дверцу настенного шкафчика (стекло противно заскрежетало), достал оттуда потрепанный зеленый гроссбух и плюхнул на стол.

— Вот наша счетная книга. Обратите внимание вот на этот раздел, со страницы пятьдесят второй и далее, где я перечислил суммы, которые мне пришлось потратить на лечебницу, чтобы она окончательно не развалилась. Впрочем, на такое нарушение вы наверняка закроете глаза.

Чиновник точно прилип к креслу.

— Я работаю без медсестры. Я не раз просил контору выделить мне помощницу, разместить объявление в окружной газете, но прошло несколько месяцев, а заявке моей так и не дали ход. Мне нужен новый автоклав — наш старый того и гляди взорвется и нас покалечит. Мне нужен новый аппарат ЭКГ и отсос в операционную... В таких условиях невозможно работать. Морг еще туда-сюда, но не лечебница. Я каждый месяц трачу деньги из собственного кармана, чтобы она худо-бедно функционировала. Я покупаю антибиотики и нити для шивания ран. И керосин для генератора. Я знаю, сколько средств выделяют нам из государственного бюджета, но их подъедают ваши посредники, жирные свиньи. Посидите-ка здесь,

проверьте счета. Проведите собственное расследование. Подготовьте подробный отчет для начальства. Я подожду.

Давненько хирург не видел зрелица приятнее, чем выражение брыластого чиновничьего лица. Посетитель скрипел зубами, барабанил пальцами, словно пытался выбраться из глыбы льда. В коридоре захихикали. Чиновник нахмурился, выудил из кармана брошюрку, принялся сравнивать записи с цифрами из гроссбуха. Несколько раз порывался сделать пометку, но ручка его так и не коснулась бумаги. Наконец формалиновая вонь совершенно его доконала, и он прижал к носу платок.

— Мне нужно осмотреть лечебницу.
— Сколько вам будет угодно. В ней всего четыре комнаты, так что не спешите. Лупу дать?

Чиновник развернулся и вышел в коридор. Женщины шарахнулись от него, как от змеи.

Хирург фыркнул. Этот еще новичок. Опытные-то разыгрывают партию половчее. Уж они умеют подловить простодушного, пошатнуть уверенность колкими замечаниями, грозными гримасами, знают, когда цокнуть, когда хмыкнуть, давят медленно, постепенно усиливая нажим: всей этой премудрости они выучились у своих начальников-сволочей, а те — у бесконечной вереницы своих начальников-сволочей. И как только запущенная жертва обмолвится о ничтожнейшей ошибке, малейшем расходе государственных средств на личные нужды, готово дело. Чиновничья

мразь спокойненько произносит свой монолог: «Ну что вы, не стоит беспокоиться, в конце концов, все ошибаются. Если вы один раз остутились, это еще не значит, что вы плохой человек. Разумеется, правительство строго следит за соблюдением законов. Это его долг перед обществом. Но я не позволю замарать ваше доброе имя. Уверен, мы обязательно договоримся. И всё останется в этих четырех стенах».

Да скорее моря закипят, чем он потерпит в своей лечебнице этакую чушь.

Хирург разбирал принесенные коробки, раскладывал ампулы с вакциной в холодильнике.

— Смотрите! — крикнул кто-то.

Он поднял глаза и увидел, как чиновник пробирается сквозь толпу во дворе. Хирург приставил ладони рупором ко рту и крикнул ему вслед:

— В следующий раз не надо вакцины, принесите нам воды из Ганга!

Куртка-сафари припустила прочь.

***

Если бы на том все и закончилось. Но нет: еще предстояло разобраться с заполонившими взгорок женщинами и их отпрысками.

В коридоре муж аптекаря, точно регулировщик, выстраивал собравшихся в очередь и направлял кого к хирургу, кого к своей жене.

Хирург выдавил две розовые капли на язык малышке. Та закашлялась, разревелась, на губах

закипела розовая слюна, мать подхватила девочку, погладила по спине.

— Готово. Следующий.
— Спасибо вам, доктор-сагиб. Благословите мою дочь.

— Проходите, проходите. Следующий. Я вам не священник. Пациенты ждут.

Молодая мать, сама еще совсем девочка, ушла, а на ее место встала другая, похожая на нее как сестра-близнец. Эта привела трехлетнего сына в оборванной коричневой рубашонке. Мальчишка хныкал, тер глаза.

— Глазки щипет.
— Что поделать, потерпи, — мать удерживала его, чтобы стоял спокойно. — Сейчас примешь лекарство, и пойдем.
— Щипет. Глазки болят.
— Сагиб ждет, сынок. — Она попыталась раскрыть сыну ротик, но мальчишка вертелся, мотал головой.

Хирург стиснул зубы. Что они о себе возомнили? Хотят прививаться, пусть прививаются, а нет, так скатертью дорога, ему все равно. Они же понятия не имеют ни о его квалификации, ни о навыках. Он даже обрадовался, что формалин ест глаза им и их соплякам: пусть знают, что он хирург, а не какой-нибудь там коновал. Пусть им хоть совсем глаза выест.

Матери с детьми тянулись нескончаемой вереницей, хирург принимал их молча. День клонился к вечеру, и толпа во дворе лечебницы редела.

***

Когда ушли последние пациенты, формалиновая вонь выжала все слезы до конца и испарилась, хирург плюхнулся в кресло. Солнце, точно мешок с кровью, распоротый горизонтом, пятнело приземистые кирпичные домишкы. Насколько хватало глаз, тянулась пересохшая земля в сыпи пожелтевших сорняков.

Эти деревенские виды выдавливали из него жизнь. Его вдруг охватила жгучая ненависть ко всему — и к пыли, густо покрывавшей землю, и к белым, точно кости, деревьям, с нелепым упорством цеплявшимся за небо, даже к бродячим псам, ковылявшим от порога к порогу в поисках мясных обрезков. Если бы все это исчезло, мир стал бы намного лучше.

Он запустил пальцы в волосы — те немногие, что остались; на лачугах вдали гасло солнце, на угрюмую деревню дегтем сочился мрак. «Больше никогда, — зевнул хирург. — Никогда». Отныне он не потратит на это место ни пайсы³ собственных денег. Соберет все, что удалось скопить, и уедет. Самое позднее через два месяца. Подыщет себе жилье. Где угодно. А чинуша пусть возьмет себе этот гадюшник и угробит его окончательно.

---

³ Пайса — индийская монета, сотая часть рупии.

ДВА

Хирург выписывал в журнале учета длинный ряд цифр, как вдруг его окликнули:

— Доктор-сагиб!

Перо замерло; под ним на дешевой бумаге расплылся чернильный кружок. Цифры вылетели у доктора из головы. Он поднял глаза.

В дверях стояли посетители. Он не слышал, как они вошли в лечебницу.

— Вакцинация от полиомиелита закончена. Вакцин не осталось. Ни одной.

Хирург указал ручкой на мальчика с овальным лицом и непослушными вихрами за ушами.

— Сколько лет вашему сыну?

— Восемь, — ответил посетитель.

— Тогда ему прививка не нужна. Она для тех, кому пять лет и меньше.

— Мы пришли не на прививку, доктор-сагиб.

Хирург снял бифокальные очки, протер захваченные стекла и водрузил обратно на нос. Этих людей он явно видел впервые. Мужчина тощий, с овальным, как у сына, лицом, поросшим щетиной. Стоящая за мальчиком женщина вроде бы чуть моложе мужчины. Наверное, его жена. Шея и подбородок так укутаны шалью, что не видно мангалсутры.

— А зачем же тогда? — Хирург снова уткнулся в ведомость. Сперва общаясь с чинушей, потом

сили здесь в четырех стенах, вливай капли в рот опущим ребятишкам: все это вымотало его донельзя. И еще его неуместный перфекционизм, неспособность заполнить журнал учета прививок бессмысленной писаниной и забыть об этом. Эти журналы свалят в каком-нибудь государственном архиве и никогда не откроют, но все равно будь добр выписать на счета-фактуры серийные номера с коробок и проследить, чтобы номера коробок совпадали с пробирками и числом привитых детей. Он почти закончил. Еще бы пятнадцать минут, да чтобы никто не беспокоил, — и все было бы сделано.

Что себе думает аптекарь? Вроде бы она была на складе, рассовывала по шкафам картонные коробки, предварительно сложив их в несколько раз, чтобы поместились. Вместо того чтобы заниматься оригами, эта девчонка должна была остановить посетителей на пороге и сказать, мол, поздно уже, лечебница закрыта, приходите завтра.

Аптекарь не показывалась. Придется ему разбираться с ними самостоятельно.

— Вы оглохли? Что вам надо?

Посетители вздрогнули.

— Нам нужна ваша помощь, — сказал мужчина. — Возможно, наша просьба покажется вам странной.

— Странная просьба? Что вы несете? Говорите, зачем пожаловали, или уходите.

Тут в кабинет влетела испуганная аптекарь.

— Что вы здесь делаете? Сагиба нельзя беспокоить. Ждите снаружи, ждите снаружи, — с этими

словами она попыталась выпроводить незваных гостей в коридор.

Мальчик шагнул в сторону, хирург заметил выпятившийся живот женщины и поднял руку.

— Ваша жена рожает? Воды уже отошли?

— Нет. То есть ей действительно скоро рожать, но мы пришли не поэтому. Ну или не только поэтому.

Мужчина замолчал, вытер губы тыльной стороной ладони и, округлив глаза, пробормотал:

— Н-нас сильно ранили. Всех троих. Нас нужно прооперировать. Сегодня же.

Посетитель был явно не из простых: грамотная речь выдавала в нем человека образованного. Но зачем их оперировать? Может, хирург ослышался? Что он имел в виду...

— Покажите, — велел доктор.

Мальчик задрал майку, мужчина расстегнул рубашку, поднял правую руку над головой; оба действовали проворно, как лавочники, демонстрирующие покупателю свой товар. В боку у мужчины зияла рана, побелевшие края ее разошлись, точно губы, замершие на полуфразе. Хирургу даже показалось, что из раны торчат кости. У мальчишки распух живот. Слева, под ребрами, распахнулся крестообразный разрез с загнутыми вверх краями. Женщина размотала наконец длинную шаль. Не может такого быть, подумал хирург. Померещилось, не иначе. У женщины рассечена шея — но ведь это, скорее всего, обман зрения? Или в ране действительно

виднеются мышцы? А там еще что такое? Неужто и правда гортань?

И при всем при том ни капли крови, даже на шее. Никак, эти мошенники его дурачат? Откуда они вообще взялись?

Краем глаза хирург заметил какое-то движение. Аптекарь вздрогнула и застыла, точно на нее столбняк нашел. Он и забыл, что она все еще здесь. Мужчина с резаной раной в боку подскочил к ней сзади, одной рукой схватил за запястья, другой зажал девушки рот. Аптекарь принялась вырываться: совсем худышка, но нападавший никак не мог с ней справиться, морщась, выкручивал ей руки, наконец прижал спиной к своей груди, так что девушка не могла пошевелиться.

Воздух словно загустел, стал вязким. Хирург с силой проталкивался вперед, пытаясь добраться до аптекаря. Нечаянно задел рукой лежавшие на столе книги, и они упали на пол. Женщина со страшной раной на шее преградила ему дорогу, схватила за руку, прижала палец к губам.

— Ради бога, доктор-сагиб, ради бога, — произнес мужчина, — клянусь, я не причиню вам вреда. Мы порядочные люди. Нам просто нужна ваша помощь.

— Что... — начал было хирург, но осекся, не сумев подобрать слов. Он молча смотрел, как по знаку мужчины мальчишка бросился к окну, захлопнул раму, опустил шпингалет, закрыл дверь на засов, смотрел, как женщина подошла к аптекарю,

погладила по щеке, зашептала: умоляю, сестра, только не кричи.

Они его не дурачили. При виде женщины аптекарь выгнулась, точно лук, удерживавший ее мужчина пошатнулся и отступил на шаг, чтобы не дать ей вырваться. Аптекарь во все глаза таращилась на горло женщины. Хирург чувствовал, как мышцы его шеи завязываются узлом, того и гляди вырвут нервы из черепа. Он оперся ладонью на прохладное стекло, закрывавшее столешницу.

Мужчина с прорехой в боку открыл рот, но, если что и сказал, хирург не слышал ни слова. Женщина замолчала: она, должно быть, поняла, какое впечатление производят ее раны, а потому снова укутала горло шалью.

Хирург лихорадочно озирался. Можно ли использовать ручку как оружие, достаточно ли острое перо, не сломается ли? Ручка валялась на полу; перо отломилось. На плитках брызги чернил. Что еще? В ящике стола вроде были ножницы, но это надо рыться, искать.

Он вцепился в край стола, навалился на него:

— В чем дело? Что происходит?

Пришельцы стояли, как восковые фигуры. Женщина с мальчиком обернулись к мужчине; тот открывал и закрывал рот, как рыба, выброшенная на берег. Аптекарь перестала вырываться, обмякла, привалилась к нему спиной, зажмурилась и тяжело дышала. Мужчина закрыл глаза и вздохнул, словно собираясь с силами перед рывком.

— Я учитель, доктор-сагиб. А это моя жена и сын. Мы никогда и мухи не обидели. И всего лишь хотим жить спокойно.

— Мы были на ярмарке неподалеку от нашей деревни, — сказал мужчина, назвавший себя учителем. — Ушли оттуда уже на закате. На улице было темно. Лампы в фонарях перегорели. Тогда я не придал этому значения, даже не посмотрел по сторонам. Как же горько я теперь об этом жалею!

Аптекарь снова принялась вырываться, и мужчина затараторил:

— На нас напали четверо. Выскочили из темноты, забрали деньги и украшения. А потом изрезали нас ножом, доктор-сагиб, изрезали ножом и бросили валяться на дороге. Точно мешки с мусором. Бросили нас и ушли.

Пришельцы были бледны. Кожа их действительно имела нездоровы́й оттенок. Но каким же образом...

- Когда это случилось? — уточнил хирург.
- Сегодня вечером.
- Не было сегодня никакой ярмарки. По крайней мере, я ничего такого не слышал...
- Это случилось не здесь, доктор-сагиб. Мы из другого округа.
- Чушь какая-то. Как же вы сюда добрались? Солнце только-только село, и часа не прошло. И как вы остановили кровотечение?
- Никак.

У хирурга невольно поджались пальцы на ногах, упервшись в твердую кожу ботинок.

— Как же вы выжили?

— Никак.

Это уже ни в какие ворота не лезло. Можно говорить что угодно, нести несусветную чушь, называть буквы, как бусины на нитку. У хирурга мешался ум: он тщетно пытался отыскать в словах мужчины хоть крупицу смысла.

Он шагнул к пришельцам. Жена учителя, точно прочитав его мысли, сняла шаль, открыв рану, и запрокинула голову. Чудовищное зрелище; у хирурга подкосились ноги, он отшатнулся, упал в кресло. Как же прогнать эту галлюцинацию? Может, со всей силы ударить головой о стену или стол... раскроить себе череп. Да только поможет ли?

Тишина оглушала: казалось, еще немного — и у него лопнут барабанные перепонки. Ящик, в котором предположительно лежали ножницы, притягивал взгляд. Послышался всхлип; он не сразу понял, что плачет аптекарь. Она обмякла в руках пришельца.

— Отпустите ее, — хирург выпрямился в кресле.

— Н-не могу, доктор-сагиб. Она перебудит всю деревню. А я не могу этого позволить.

— Она будет молчать. Отпустите ее.

Учитель с женой тревожно переглянулись, он зажмурился и выпустил девушку. Та отпрянула от него, забилась в дальний угол комнаты, тихонько заскулила, но кричать не стала.

Хирург качнулся вперед, с силой надавил большиими пальцами на веки. В темноте плясали вихри и паутины.

— Вы нужны нам, доктор-сагиб. Нам больше не к кому обратиться.

— Что вы несете? Что вы...

— Без вашей помощи мы так и останемся мертвецами.

— Мертвецы не ходят. — У хирурга кружилась голова. — Мертвецы не говорят. У мертвецов нет другого выбора, как оставаться мертвецами. Вы лжете.

— Я понимаю ваши чувства, сагиб, поверьте. На вашем месте я бы тоже подумал, что это невозможно. При жизни я никогда не верил в рассказы о призраках, одержимых и домах с призидениями, во все эти байки, которыми старики страшат внуков. Я и ученикам своим говорил, мол, все это чепуха, не поддавайтесь суевериям. И я прекрасно понимаю, что вам нет никакого резона верить моим словам, доктор-сагиб. Но поверьте нашим ранам. Осмотрите их и сами скажите: можно ли с такими повреждениями оставаться в живых?

Хирург убрал пальцы с глаз. Вихри испарились, семейство же никуда не делось: тела их окутывала дымка, словно контуры фигур расплылись, стерлись. Как он ни старался, присельцы не исчезали. Хирург заморгал; с каждым мигом он видел их все четче, точно они становились плотнее.

— Может, вы просто воры? Если так, скажите прямо. У меня в сейфе есть деньги. Забирайте и уходите. Незачем устраивать этот изощренный...

— Ради бога, доктор-сагиб, послушайте. На рассвете мы снова станем живыми.

Но это же невозможно! Такого просто не может быть.

— Зачем вы пришли ко мне? Найдите себе священника, колдуна. А меня оставьте в покое.

— Зашейте наши раны. На рассвете наши тела снова наполнятся кровью, и мы уже не будем ходячими мертвецами.

— Как? Почему? Разве такое возможно?

— Трудно объяснить, доктор-сагиб, да и долго получится. Я и сам всего не понимаю. Могу лишь сказать, что ангел смилиостивился над нами. Я вам все позже объясню. У нас очень мало времени. Я ничего не смыслю в хирургии, но догадываюсь, что такие тяжелые раны, как наши, зашить не так-то просто: на это, чего доброго, уйдет вся ночь.

Холод сдавил хирургу душу.

— Вы с ума сошли? Вы хотите, чтобы я оперировал вас здесь? Вот в этой лечебнице? Тут нечем даже сделать репозицию⁴, не то что сшить лопнувшие кровеносные сосуды и прочие внутренние раны. Это безумие, вас нельзя здесь оперировать. Езжайте в город. Немедленно.

— Но доктор-сагиб...

---

⁴ Репозиция — сопоставление обломков кости при переломе.

— Поезд ходит каждый час. На нем вы доберетесь до города.

— Сагиб...

— Хотя что это я: какой поезд, лучше езжайте на автомобиле. Возьмите мою машину. Можете даже не возвращать: мне все равно. Водить умеете? Нет? Ладно, я сам вас отвезу в хорошую больницу. А вы объясните врачам, что с вами случилось. Они вам помогут.

Он подошел к аптекарю. Та вжалась в стену, словно хотела просочиться сквозь нее.

— Идемте, — хирург помог девушки подняться и повел ее к двери.

— Постойте, — в отчаянии окликнул их учитель. — Нельзя нам в город. Нас отпустили только сюда: что вы сумеете здесь сделать, тем нам и придется довольствоваться. Если же покинем деревню, ангел тут же отнимет у нас жизнь.

— Что? Бред. Зачем ангелу нужно, чтобы вы оставались в деревне?

— Клянусь, сагиб, это правда. Это было самое главное его условие.

— Но это же просто смешно. Вы, должно быть, ослышались или неправильно его поняли. Я сейчас отведу эту девушку домой, к мужу, и вернусь за вами. Не будем терять времени.

Хирург подошел к двери, потянулся к засову, но тут учитель произнес так тихо, что если бы в эту минуту подул легчайший ветерок, то слов его уже было бы не разобрать.

— Если мы поедем с вами, сагиб, то за пределами деревни наши тела онемеют, и остаток пути вам придется проделать с тремя трупами в машине.

Хирург замер как вкопанный. Голова его налилась свинцовой тяжестью: он вдруг остро почувствовал абсурд происходящего. Он представил, как пришельцы лежат на операционном столе, а он хлопочет над их бескровленной плотью, точно проводя вскрытие — душа его возмутилась против этого слова, но как еще назвать операцию на мертвецах? Ну и вечер, сплошная череда нелепиц.

— Пожалейте нас, — взмолился учитель. — Если наши раны не зашить, мы снова умрем, и смерть наша будет столь же страшной и кровавой, как в первый раз. Если мне вы ничем не поможете, помогите хотя бы моей жене и сыну. Умоляю, подарите жизнь им и моему нерожденному ребенку. У меня с собой нет ни денег, ничего, но я сделаю все, что скажете. Только не прогоняйте нас.

Пришелец бросился к ногам хирурга. Тот застыл столбом, повторяя, как дурак: «Нет, нет, не надо, не надо», — и даже не вздрогнул, когда мертвец вцепился в его ботинки.

— **П**одождите здесь, в этой комнате. Мне нужно время, — сказал хирург пришельцам и повел аптекаря в коридор. Девушка повисла на его руке тяжким грузом, лицо ее посерело: казалось, она вот-вот потеряет сознание.

Он закрыл за собой дверь, усадил аптекаря на скамью, прислонил к стене. Приподнял ее веки, проверил, реагируют ли зрачки, и плюхнулся рядом с ней.

Хоть на минуту избавиться от мертвецов и отчаянной надежды в их глазах — само по себе облегчение. В открытую дверь лечебницы веял теплый ветерок: за пределами комнаты с закрытыми ставнями, не видя обескровленных ран, хирург снова мог дышать. В окнах деревенских лачуг у подножья холма горели масляные лампы. Сельчане сейчас, наверное, моют тарелки, выбрасывают обедки на улицу, чтобы склевали вороны, тушат угли, раскатывают тюфяки. Словно это самый обычный вечер и завтра снова взойдет солнце.

Девушка застонала. Хирург понимал, что должен что-то ей сказать, как-то утешить, но слова не шли, и он обхватил свои колени, чтобы унять дрожь в руках. Его-то утешать некому, и лучше сразу с этим смириться.

— Невероятно, — произнес он наконец. — Не знаю, что и думать.

Девушка слегка сглотнула слезы и закашлялась.

— Это призраки, сагиб, — с трудом выдавила она, стуча зубами.

За порогом раздался шорох, и хотя хирург знал, что это всего-навсего крыса шмыгнула в траве, плечи и руки его напряглись. Аптекарь даже не заметила этого: слишком уж трудно ей было заставить себя говорить.

— В мою сестру вселился призрак, сагиб. Нам пришлось привязать ее к кровати. Она вертелась с боку на бок, пиналась. Говорила что-то, чего никто не мог понять. Лежала, закатив глаза, горячая, как раскаленный уголь: дотронуться было больно. Из рта шла пена, точно она мыла наелась.

Аптекарь впервые заговорила о своей сестре. Или она уже рассказывала, а он забыл?

— Отец позвал тантрика. Сказал ему, делай что хочешь, только спаси ее. И тантрик лупил ее метлой, чтобы изгнать призрака: тот вцепился в нее, точно краб. На третий день призрак оставил ее тело и вселился в кокос. Тантрик расколол орех, и оттуда хлынула кровь. Столько крови! Я думала, умру. Сестра очнулась, но никого из нас не узнала.

— Давно это было?

— Шесть лет назад. Нет, больше. Восемь. Она выжила, но что это за жизнь? Призрак сделал из нее слабоумную. Даже поесть сама не может. Мать до сих пор каждый день ее одевает. На такой никто не женится.

Хирургу доводилось видеть подобные спектакли: шарлатаны с костяными ожерельями, немытыми и нечесанными волосами прыгали, возносили мольбы богине Кали и разбрызгивали красную воду, так что казалось, будто комната залита кровью. Очевидный обман, но простаки верили в то, во что хотели верить. Курс антибиотиков помог бы несчастной куда больше, чем бесконечные песнопения и святая вода.

Но от этих троих, что ждали его за стенкой, в приемной, отмахнуться было не так-то просто.

— Надо бежать, сагиб. Уехать из деревни, пока не стряслась беда.

У настенных часов была всего одна стрелка. А нет, все-таки две: сошлись между восьмеркой и девяткой. Рядом с часами, точно приклеенная, сидела зеленая ящерка, неподвижная, как стрелки часов.

— Если бы этот человек хотел вас задушить, давно бы задушил, — сказал хирург. — Ему ничего не мешало. Он ведь уже зажал вам рот.

Одна стрелка, щелкнув, вышла из-под другой. Ящерка юркнула за угол. Если мертвецы сказали им хоть слово правды, некогда сидеть сложа руки и разговоры разговаривать.

— Надо зашить их раны. Уж не знаю, как я это сделаю, но нужно им помочь.

Аптекарь смотрела так, словно он обратился к ней на чужом языке.

— Если мы им не поможем, они умрут. То есть умрут еще раз: понимайте как хотите.

Дело-то не в том, верим мы им или нет. А в том... вышвырнем ли их за порог или все-таки попытаемся что-то сделать.

Аптекарь округлила глаза. Она явно догадывалась, что он сейчас скажет, и хирург произнес:

— Мне понадобится ваша помощь.

— Моя? Нет, доктор-сагиб, нет, — едва ли не вскрикнула она.

— Тише. Нам нужно вести себя тихо.

Девушка послушалась и прошептала хрипло:

— Что вы такое говорите, сагиб? Я никак не могу оставаться. Не могу, и все тут. Так нельзя. Уму непостижимо, такого не может быть, так нельзя, нельзя.

Он откинулся к стене. Страх и усталость, которые он чувствовал сейчас, к утру усилятся во сто крат. Наверное, аптекарь права и самое лучшее — прыгнуть в машину, уехать, куда глаза глядят, бросить деревню и все, что в ней. Утром сельчане обнаружат в лечебнице три трупа. А может, присельцы и сами поймут нелепость своих притязаний, уйдут из деревни и где-то упадут замертво. И то и другое куда лучше, чем участвовать в этой жуткой афере — воскрешении, нет, исцелении мертвцевов.

— Вы всегда выполняли все мои просьбы, — сказал хирург. — И если решите уйти, я не стану вам мешать. Будь все иначе, я бы и сам ушел. Но эта женщина беременна. А сыну ее всего лишь восемь лет. Мы обязаны хотя бы попытаться.

Сперва ему показалось, что аптекарь его не расслушала, но потом она понурилась. Ее трясло,

косичка вздрагивала между острых ее лопаток, отчего еще больше обычного казалось, будто аптекарь совсем ребенок. Хирург хотел было погладить ее по голове, но даже в такую минуту это оказалось выше его сил.

— Все будет хорошо, — только и выдавил он, вцепившись в собственные колени. — Все будет хорошо.

Но попросить ее не реветь у него не повернулся язык. В деревне один за другим гасли огни, хирург ждал, старательно отгоняя от себя тревогу, но это было все равно что отмахиваться от тумана. С чем бы ему ни пришлось сегодня столкнуться, он справится с этим неизбежным безумием. Сделает вид, что пациентов привезли к нему на каталках: на губах пена, голова бессильно свисает набок — жертвы таинственного происшествия. Он выполнит свой долг, а там уж как карта ляжет.

Аптекарь вытерла слезы. Хирург принял это за сигнал действовать и поднялся на ноги.

— Ваш муж, наверное, уже гадает, куда вы за-пропастились. Его помочь мне тоже понадобится. Я всё ему объясню. Но надо соблюдать осторожность. Если сельчане хоть что-то узнают, они обрушат небо нам на голову.

ПЯТЬ

Лампы в операционной, замигав, включились. Запах формалина ослабел, но так и не выветрился до конца. Стены на четыре фута от пола были выложены глазурованной плиткой в голубоватых прожилках. Многие плитки потрескались, раскололись. Как ни старалась аптекарь, как ни драила стены, в швы между плитками въелась грязь, а на некогда белой краске над облицовкой зеленели островки плесени.

С оштукатуренного потолка свисала основательная железная петля. На нее должен был крепиться большой зеркальный светильник, который так и не привезли: как и многое другое, он испарился в бюрократическом эфире. Вместо него операционную освещала люминесцентная лампа, закрепленная высоко на стене, и два складных торшера, купленные хирургом на собственные средства. Тусклого их света хватало на заурядные процедуры: зашить неглубокую рану, вытащить осколки стекла, — для серьезной же операции этого явно было недостаточно. Нужно быть сумасшедшим, чтобы отважиться проводить операцию в таких условиях, да еще среди ночи.

Хирург опасался, что за последние годы утрастил квалификацию. В хорошо освещенном помещении он еще, пожалуй, взялся бы оперировать. Но в этой комнатушке, где лампы отбрасывали

тень и больше скрывали, чем помогали рассмотреть, каждый нерв, кровеносный сосуд или петля кишечника, притаившаяся в темноте, грозили в любой момент попасть под лезвие скальпеля. Здесь оперировать попросту опасно. Аппендицит, холецистит, кишечная непроходимость — таких пациентов он направлял в городские больницы. Чем он им тут поможет? У него ни медсестры, ни банка крови, даже освещения толком нет. И если уж пациенту суждено умереть, пусть умирает от болезни, а не от операции.

Все хирургические инструменты — реликвии его прошлого — хранились в стеклянном шкафчике на стене. Аптекарь регулярно их стерилизовала и заворачивала в плотные зеленые полотенца. Инструменты блестели, как новенькие: пользовались ими редко. Хирург любил разворачивать зеленые свертки, перебирать всю коллекцию, раскладывать инструменты по величине и назначению, осматривать, поворачивая к свету, словно оценивая, можно ли еще ими оперировать, после чего, не в силах более игнорировать нелепость происходящего, говорил аптекарю:

— Прокипятите инструменты в автоклаве, — и швырял их на поднос.

— Да, сагиб.

Стерилизовали инструменты гораздо чаще, чем использовали, но аптекарь не жаловалась. Послушно заворачивала их в полотенца, помешала в сетчатые железные коробочки, которые клала в барабан автоклава и ждала, пока тот

со свистом выпускал пар. Потом, натянув стерильные перчатки, доставала содержимое автоклава и убирала инструменты в стеклянный шкафчик до следующего раза, когда хирургу придется охота их проинспектировать. Из-за таких вот бессмысленных регулярных процедур инструменты были в любой момент готовы к операции. И наконец они понадобились.

Инструментов, впрочем, было немного: лишь самые основные, для рядовых операций, ничего узкоспециального. Должно быть, мертвцы считают его волшебником, наделенным мистическими средствами и сверхчеловеческими способностями. Что ж, значит, их ждет мучительное разочарование.

И мучительная боль? Вот что тревожило его с самого начала. Будут ли они страдать? У него ведь никакой анестезии — ни пропофола, ни тиопентала. Но даже если бы была: как может анестезия подействовать, когда отсутствует кровоток? Ему придется вскрывать их, не погрузив предварительно в милосердный сон. Понимают ли они это?

На все эти сомнения учитель ответил:

— Наши раны не болят. Мы их даже не ощущаем. Таково наше состояние. Мы не будем чувствовать боли до самого утра.

— А утром?

— На рассвете к нам вернется жизнь и кровь, сагиб, — значит, очевидно, и боль. Ничего, потерпим. Мы вытерпим все, что придется.

Хирург постучал в дом к аптекарю. Девушка стояла рядом с ним и нервно потирала руки, точно пытаясь отчистить с них невидимую грязь.

Дверь открыл ее муж.

— Что-то случилось, сагиб? Вы здесь? В такой час? В чем дело?

— В общем, да, случилось. Можно и так сказать.

— Принеси сагибу стакан воды, — велел он жене, не сводя глаз с хирурга.

— Не надо воды, — отмахнулся тот. — Возможно, моя просьба покажется вам странной. — Его вдруг осенило, что и мертвые начали разговор с этой же фразы.

— Сагиб?

— Идемте со мной.

Лечебница на холме светилась, как маяк. Они молча прошли мимо деревенских домишек и лачуг; у подножия холма хирург наконец заговорил — медленно, аккуратно подбирая слова: некоторые ему пришлось отыскивать в словаре, которым он уже не надеялся воспользоваться. С каждым их шагом окна лечебницы сияли все ярче. Луна не взошла, и казалось, будто холм — окраина мира, а дальше ничего нет. Когда они добрались до вершины, хирург почувствовал, что задыхается, словно проделал длинный путь, и замолчал.

Муж аптекаря уселся на корточки в считанных метрах от входа, обхватил голову руками и принялся тревожно расспрашивать хирурга: что же

из этого выйдет? Ведь призраки являются с одной-единственной целью — изводить живых. Вдруг они вселятся в нас? Станут преследовать, сведут с ума? А то и убьют?

Хирург, устав от собственного недоумения, отвечал, как мог, но ответы не убеждали даже его самого. Какое он имеет право требовать преданности от этих двоих? Необходимость просить о помощи казалась ему унизительной, но иначе ему не спраться. Аптекарь присела рядом с мужем; на хирурга она старалась не смотреть.

Он убежит и ее с собой заберет, подумал врач. Бессмысленно рассчитывать на что-то другое. Что ж, они в своем праве: если уж мертвецы способны передвигаться, живые тем паче вольны располагать собой.

На пороге показался силуэт: сын учителя прислонился к дверному косяку. На поперек лежавшей на земле полосе света от лампочки чернела его длинная тень. А надо всем этим раскинулось чернильное небо с тонкими, как острие булавки, белыми точками. Поймав взгляд хирурга, мальчик попятился в коридор; лицо его оказалось на свету. Ребенок смотрел виновато, словно понимал, что по-хорошему его тут быть не должно — в этом месте, в этом мире. За его спиной появились родители.

— Что ты тут делаешь? Сагиб велел ждать внутри. — Учитель нервно покосился на мужа аптекаря, на хирурга, повел было сына вглубь коридора, но хирург жестом остановил их.

— Это они, это они, — аптекарь вцепилась в руку мужа.

— Да, это они, — подтвердил хирург. — Мертвецы. И они пришли вернуть свои жизни, а не забрать ваши.

Муж аптекаря отпрянул, потер глаза, вытаращился на мертвецов, снова потер глаза — наверное, пытался отогнать галлюцинацию, как совсем недавно хирург. Тот же, впервые увидев мертвецов за пределами лечебницы, разился, что они выглядят совсем как живые среди этих скамеек, лампочек и выцветших стен, словно в коридоре совершенно естественно сосуществовали обитатели того и этого света. Сейчас мир мертвых от мира живых отделял лишь дверной проем, и поди разбери, кто на какой стороне.

Аптекарь встала, помогла мужу подняться. Хирург отвернулся, стараясь не слушать, о чем они шепчутся. Вид мертвецов убеждал лучше любых слов.

— Раз вы считаете, что это можно сделать, — наконец побелевшими губами произнес муж аптекаря, — то мы вам верим.

— Если хотите уйти, уходите.

— Вы сделали для нас и для всей деревни больше, чем кто-либо другой, сагиб. Мы перед вами в долгу.

— Если вы решите уйти, я пойму, — повторил хирург, в глубине души надеясь, что они воспользуются случаем и убегут. — Правда пойму.

— Мы не можем бросить вас. Мы сделаем все, что вы скажете. А на остальное воля Божья.

Хирург кивком поблагодарил их: на большее его уже не хватило. На лице его застыло угрюмое, тревожное выражение. Он развернулся и направился к лечебнице.

Учитель встретил его на пороге:

— Быть может, не стоит больше никого вмешивать, сагиб? Чем меньше людей знает о нас, тем безопаснее.

— О вас никто не узнает, кроме этих двоих, — ответил хирург. — Без их помощи мне не справиться: тогда вас ждет вторая смерть.

С этими словами хирург шагнул в коридор. Теперь на нем лежала ответственность и за мертвых, и за живых. Учитель явно хотел сказать что-то еще, но хирург не желал его слушать.

ШЕСТЬ

— **П**осторожите здесь, — велел хирург мужу аптекаря. — Если что-то заметите, позовите меня и спрячьте их.

— Да, сагиб.

— Возможно, потом мне понадобится ваша помощь, пока же я должен определить, насколько тяжелы раны и как их оперировать.

— Как скажете.

— Вы не думаете, сагиб, что люди увидят в лечебнице свет и что-то заподозрят? — спросил учитель.

— Порой, когда не спится, я сижу тут ночь напролет, — ответил хирург. — В деревне к этому привыкли. Да, свет может привлечь внимание. Но это неизбежный риск. Ну что, кто первый?

Учитель похлопал сына по плечу.

— Сначала он, сагиб, потом моя жена. А мной займется, если останется время.

Женщина отвела глаза, и хирург догадался, что, пока его не было, учитель с женой спорили из-за этого и пришли к такому решению.

Хирург повел мальчика в операционную. Ребенок весь вечер вел себя спокойно, теперь же заволновался, замялся на пороге. Выложенная плиткой комната напугала даже его, хотя он побывал в таких местах, которые хирург и вообразить себе не мог.

— Заходи, сынок, — сказала его мать. — Это быстро. Так быстро, что ты опомниться не успеешь.

Учитель сжал руку сына.

— Не бойся, я с тобой.

Хирург приказал мальчику раздеться и лечь на стол, покрытый одной-единственной тонкой простынкой. Живот вздымался над худеньким тельцем, точно купол: можно было подумать, что и здесь внутри зреет новая жизнь. Разрез на животе казался затейливым гримом; хирурга так и подмывало содрать фальшивую кожу, обнажив настоящую. Он надеялся, что учитель прав и им действительно не будет больно. Хирург надел перчатки и пропальпировал рану, сжимал ее края, щипал кожу — сперва легонько, потом крепче, а в конце концов и вовсе сдавил ее со всей силы. Как и говорил учитель, мальчик ничего не почувствовал.

Хирург поставил торшеры возле стола, чтобы лучше осветить рану, с помощью аптекаря обработал кожу йодом. Затем привычно надел маску и халат, протер рану спиртовым тампоном, простерилизовал, накрыл простыней, — словом, принял те же меры предосторожности, что и с обычными пациентами. Даже если сейчас мертвецы не рискуют ничем заразиться, с рассветом все изменится. А рану простыней он прикрыл, чтобы мальчик не видел собственные кишки: такое лучше не видеть ни живым, ни мертвым.

Хирург занес скальпель над животом ребенка, обдумывая, где сделать первый надрез. Правда ли, что у мертвых нет души, одно лишь тело? Марионетки — в руках бога? Что, если все это лишь изуверское испытание, вынуждающее его заглянуть в сокровенные глубины собственной души и отыскать там неизвестно что? Вдруг бог решил во что бы то ни стало внушить веру своим творениям, пусть даже вот так жестоко? Быть может, если он возопит к звездам: «Я был неправ, я был неправ», — то незваные гости исчезнут без следа и перед ним откроются три мира⁵?

Скальпелем он удлинил рану: зрелице, открывшееся его глазам, вызвало у него одновременно восторг и отвращение. Больше всего тело ребенка походило на труп — еще без вони и пятен, но кровь уже сгустилась в сосудах и не потекла, когда он разрезал кожу. Хирург вспомнил, как работал в городском кабинете судебно-медицинской экспертизы. Хотя те трупы, конечно, не сами ложились к нему на стол.

Учитель сидел на табурете возле стола, что-то ласково шептал сыну, успокаивал, гладил по голове. Глаза мальчика были полуоткрыты, руки вытянуты вдоль тела под простыней. Наконец хирург сказал:

— Объясните, наконец, что происходит и как вы здесь оказались.

---

⁵ Три мира в «Бхагавадгите» могут иметь несколько значений: либо земля, небеса и воздушное пространство, либо небо, земля и подземный мир. В «Брихадараньяке-упанишаде» три мира — это мир людей, мир предков и мир богов.

Учитель поднял глаза, посмотрел на живот сына, который хирург как раз вскрывал, и тут же отвернулся.

— Может, не стоит, сагиб?

— По-моему, я имею полное право знать, — ответил хирург. — Вы так не думаете?

— Да, конечно. Я не это имел в виду. Просто... есть вещи, которых лучше не знать.

— Это еще почему?

— Загробная жизнь ведома только мертвым. Живым о ней знать не положено.

— Охотно верю, но сегодня происходит многое из того, чему быть не положено. К тому же, если мне предстоит вас лечить, хотелось бы понимать, с чем я имею дело.

Учитель посмотрел на лицо сына, перевел взгляд на пол.

— Едва мы умерли, как боль тотчас же прекратилась. Очень долго мы не могли пошевелиться, даже не знаю, сколько времени прошло. Не было ни света, ни звука, ничего. Потом постепенно мы снова начали слышать и видеть. К нам вернулись чувства, но не боль... слава богу, боли не было. Мы были на... на равнине. Без конца и краю. Куда ни глянь, все тянется она, во все стороны. Это и был загробный мир, доктор-сагиб, куда все попадают после смерти.

С нами вместе были мертвецы со всего света. Они говорили на множестве языков, но мы их, как ни странно, понимали, а они нас. Многие скончались от старости, кто-то от болезней и эпидемий.

Кто-то, как мы, был убит безвременно, несправедливо. Все когда-то умрут, но не так же. Нет ничего хуже, чем человеку убивать человека.

Мы встретили многих людей, и у каждого была своя история. Попадались очень интересные — из времен и стран, о которых я слыхом не слыхал. Я искал королей, исторических деятелей, но, само собой, большинство мертвцев оказалось из простых, вот как мы.

Учитель рассказывал, хирург же тем временем глубже надрезал живот мальчика, рассек тонкий слой подкожного жира. В брюшной полости блестели многочисленные сгустки крови. Если кровотечение было вызвано травмой крупного крононосного сосуда, пиши пропало: исправить это в условиях лечебницы не получится. Однако разрез чересчур мал: чтобы лучше осмотреть внутренности и понять, в чем дело, придется его расширить.

— Так, значит, на вас напали сегодня вечером, после заката? А потом вы оказались на равнине? Сколько же времени вы там провели?

— В загробном мире время определить невозможно, сагиб. Нет ни солнца, которое всходит и заходит, ни дней, ни недель. Там не темно, вовсе нет: тамошний свет... сияет и всё не становится ни ярче, ни слабее. И спать там тоже нет нужды. Когда мы только-только там оказались, были очень напуганы и цеплялись за то единственное, что было для нас естественно, как дыхание. Мы пытались заснуть, мы себя заставляли.

Закрывали глаза, ложились на землю, воображали, будто сейчас ночь, — и даже представляли, что видим сны: вдруг да помогло бы. Живые сначала засыпают, а потом им что-то снится, вот я и подумал: наверное, у мертвых наоборот, но увы. Забыться сном не получилось. Мертвым отдых не нужен — с тех пор мы бодрствуем.

Трудно описать, как там течет время. Здесь, на земле, нам о нем постоянно что-то напоминает — тиканье часов, наступление лета, приход сезона дождей, даже всякие мелочи вроде еды на плите. Снимешь пищу с огня слишком рано, и она останется сырой, слишком поздно — пригорит: чем не мера времени? И даже если запереться в комнате, выключить свет и сидеть в полнейшей тишине, услышишь, как бьется твое сердце. Там же ничего такого нет. Кто-то из обитателей загробного мира говорил мне, что живые так чувствуют время — или, скорее, безвременье — разве что в утробе матери, но кто же об этом помнит?

В общем, чтобы ответить на ваш вопрос, доктор-сагиб, предположу, что через неделю-другую я совершенно утратил ощущение времени. А случай вернуться представился нам позже, гораздо позже. И вот сейчас, после всех буджаний по равнине, для нас снова нет ничего важнее времени. Мне приходится напоминать себе, что часы снова тикают и все поменялось. Или вернулось на круги своя: тут уж как посмогреть.

Хирург взял зажим из рук аптекаря. Она старателен отворачивала от стола закрытое маской лицо, но прислушивалась к каждому слову.

— А потом мы встретили небожителя, можно назвать его ангелом, и рассказали ему о совершенном над нами злодействе. Не только о том, что нас ранили, доктор-сагиб, но о том, что нас убили. От удара ножом погибают не все. Кого удастся ножом, решают люди; кто выживет, а кто умрет, решается свыше. Этого не должно было произойти. Мы ни разу в жизни никому не причинили зла. Мой сын был достоин жить, вырасти, создать семью, которая будет заботиться о нем, когда он состарится. И ангел спросил, чего же мы хотим от него.

— Отправьте нас обратно, — попросили мы. — Позвольте нам вернуться к жизни.

— Некоторые законы нельзя нарушать даже нам, — ответил ангел. — Равнину между жизнью и смертью переходят только в один конец. Едва вы попадаете сюда, уже неважно, как именно вы погибли и была ли ваша кончина неправосудной. Все кончено.

— Но ведь можно родиться снова? — спросили мы. — Наши священники говорили, что так бывает. Неужели они нам врали?

— Родиться-то можно, — подтвердил ангел, — но не так, как рассказывают в ваших краях: мол, человек перевоплощается в насекомое или во льва — словом, каждый раз в кого-то другого. Переродиться вы можете только людьми,

из женской утробы. Выбирают для этого судя по добродетелям, по тому, как вы прожили жизнь. Не теряйте веры. Вам обязательно представится случай, хоть и не сразу.

Хирург рассек мальчика от грудины до пупка. Прорезал кожу, подкожный жир, волокнистую ткань посередине живота, между мышцами. В раскрытой брюшной полости багровело море застывшей крови. Хирург принялся вычищать сгустки. Происходившее сейчас изумляло его больше всего: мальчик в сознании, но на подносе растет гора сгустков его крови, обнажая внутренности.

На краю селезенки зиял глубокий разрез. Сейчас сухая розовая селезенка выглядела совершенно невинно, но можно было представить, как сильно рана кровила при жизни. Хирургу пришлось повозиться, но в конце концов он удалил всю кровь, скопившуюся под печенью, сальником и в складках вокруг кишок. Доктор внимательно осмотрел внутренности: нет ли других повреждений. Закончив, положил инструменты на поднос и глубоко вздохнул.

— Что случилось, сагиб?

— Ничего, все в порядке. Я выяснил, от чего умер ваш сын.

Учитель вздрогнул, и хирург пожалел, что выразился слишком резко.

— От чего?

— От раны на селезенке.

— Все остальное цело?

— Броде да.

— То есть если бы... если бы не задели селезенку, он бы выжил?

— Да. Скорее всего, да.

Лицо учителя исказила гримаса боли, он моргнул, поджал губы и отвернулся. Потом, чтобы хирург с аптекарем не видели его глаз, зарылся лицом сыну в волосы и вдруг заплакал — впервые за вечер, словно больше не в силах был сдерживать волнение.

Хирург дважды сухо кашлянул, чтобы справиться с чувствами, охватившими его при виде чужого страдания. Он со студенческих лет приучился владеть собой, даже, пожалуй, слишком преуспел в этом, поскольку уже давно не чувствовал вообще ничего. Порой, когда последние вздохи больного казались лишь поворотами колеса, раздавившего безжизненный предмет, который следовало вынести, сжечь, обратить в пепел и высыпать в реку, такое равнодушие пугало его самого.

— В общем, нам повезло, что это всего-навсего селезенка, — произнес хирург, стараясь хоть чем-то утешить несчастных. — Если бы нож задел печень, кишечник или, не дай бог, какую-то крупную артерию, мы бы ничем не смогли помочь.

Учитель поднял голову. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Зашивать селезенку бессмысленно: кровотечение возобновится. Нужно ее удалить: мальчик прекрасно будет жить и без нее. Я не могу дать вам гарантий, что утром не обнаружатся новые проблемы, но, скорее всего, других мер не потребуется.

Учитель с такой силой сцепил ладони, что побелели костяшки.

— Вы наш спаситель, доктор-сагиб, вы святой человек. Мы и за тысячу лет не сумеем отплатить вам за доброту. Умоляю, сагиб, спасите моего сына. Делайте все, что считаете нужным, — с этими словами учитель осыпал щеки и лоб мальчика поцелуями. — Сагиб тебе поможет. Он тебя вылечит.

Его восторг передался сыну, тот попытался приподняться на локте, но учитель шикнул на него, стараясь успокоить (хотя сам явно с трудом соблюдал спокойствие), и погладил по голове:

— Не надо, не шевелись. Ляг.

Хирурга вдруг тоже охватила непривычная радость. Ему не придется бороться с тем единственным, что способно помешать операции, — с неумолимым произволом кровотока. Однажды, еще в ординатуре, ему довелось удалять селезенку у молодого парня, который попал под автобус. Ошметки селезенки, точно брызги разбитого яйца, плавали в луже крови, которой не становилось меньше, как он ни пытался ее осушить. По сравнению с тем случаем предстоящая операция показалась ему пустяком.

— И что было дальше? — спросил он учителя.

— Ах да, на чем же я остановился? Мы попросили ангела вернуть нас к жизни, но он отказался. Мы умоляли его позволить нам родиться вновь, но он ответил, что наш черед еще не настал, и исчез. Тогда мы снова его вызвали.

— Как это?

— Нужно подумать о нем, представить его лицо, попросить о помощи, и ангел явится.

— И все?

— В общем, да. Но может и не явиться. Мне показалось, у ангелов есть любимчики: на просьбы одних они откликаются охотно, других не слушают вовсе. Наш почему-то являлся нам чаще, чем другие ангелы прочим умершим.

— Почему?

— Сам не знаю, сагиб. Вряд ли дело в нас: мы люди обычные, а вот ангел наш отличался от остальных. Обычно не мы его расспрашивали, а он нас. О семьях, о детстве, о свадьбе, о рождении сына. Его интересовал земной уклад — наши праздники, наша еда, то, как мы обмениваем деньги на вещи. Даже какие-то мелочи — как мы ведем хозяйство, как красим стены в домах, выращиваем во дворе растения в горшках. Он наблюдал за всем этим с того света, но не всегда понимал, что именно видит.

— То есть как это — не понимал? Я думал, ангелы знают все.

— Знать и понимать — разные вещи, сагиб. Вот вам простой пример: ангел знал, что живые обожают запускать воздушных змеев, но не понимал, почему эта забава так популярна, почему ради нее устраивают праздник, люди бросают дела и залезают на крыши домов любоваться змеями. В загробном мире никаких воздушных змеев нет и в помине. Там и ветра-то нет, даже неба как та-кового... только равнина. Я пытался объяснить

ему, как радуешься, когда жалкий клочок бумаги, растянутый меж двух палок, ловит ветер и взлетает ввысь... так высоко, что порой его и не разглядишь против солнца, так высоко, что там нет даже птиц. Я бился так и этак, но все мои объяснения казались ангелу сущей бессмыслицей.

И тогда я сказал ему: это все равно что играть со смертью. Ты словно обязываешь свою жизнь веревочкой, отпускаешь туда, куда сам бессилен дотянуться, весь день следишь за тем, чтобы она не потерялась, а потом, вечером, если повезет, притянешь к себе целую-невредимую, полюбувшись ее красками и до следующего раза спрячешь в надежное место. Тут ангел все понял. Потому что я объяснил ему на его языке, доктор-сагиб, на языке жизни и смерти.

История учителя звучала как диковинная притча, сродни тем, что рассказывают священнослужители во время религиозных обрядов. Но в операционной не было ни цветов, ни светильников, ни горящих благовоний — ничего, что смягчило бы нереальность происходящего. Хирург почувствовал ком в горле и несколько раз слегкотнул слону, чтобы отогнать это ощущение.

— На кого похожи ангелы?

— На самых обычных людей. Ни сияющих глаз, ни ослепительной ауры. Они не ездят верхом на зверях, не летают — ходят, как все. Наш ангел был ростом с меня, пониже вас, и полноват. Но мне кажется, их тела — лишь маски, которые они надевают для нас.

— И что было дальше?

— Мы стали видеться регулярно. Я звал, и ангел являлся. Я молил его отправить нас обратно, он с улыбкой отклонял мою просьбу. И расспрашивал меня обо всем. И пусть с каждой нашей встречей вероятность того, что нас вернут к жизни, уменьшалась, я все равно звал его, чтобы услышать новые вопросы. Я всегда стремился показывать людям разные точки зрения. Потому и стал учителем. И когда мои ученики не понимали того, что мне казалось очевидным, я старался выяснить, в чем загвоздка, и объяснить лучше. Я не говорю, что ангел стал моим учеником, — разумеется, нет. Я бы даже не осмелился назвать его своим другом. Но я дорожу временем, которое провел, отвечая на его вопросы.

А потом, в очередную нашу встречу, ангел неожиданно сказал, что может нам кое-чем помочь. Это в его власти.

Хирург высвободил селезенку из обрамления диафрагмы и прочих органов, осмотрел и подготовился перевязывать сосуды, по которым при жизни к ней поступала кровь. Учитель примолк, и доктор взглянул на него, давая понять, что по-прежнему слушает.

Учитель покосился на аптекаря:

— Ангел сразу же предупредил меня, что его слова должны оставаться в секрете. Вам, сагиб, я могу рассказать, вы имеете полное право знать, но умоляю, наша история не должна выйти за стены этой лечебницы. Нам велели по возможности

никому ничего не говорить. Нельзя допустить, чтобы о нас узнал не то что весь свет, а даже эта деревня.

Хирург кивнул, обернулся к аптекарю; та замялась, но все же кивнула.

— Ангел сказал, что возможности его ограничены. Каждый из них обладает особыми способностями. Да, ангелы могут творить то, что мы называем чудесами, но лишь совместными усилиями, вчетвером или впятером. Он предложил отправить нас обратно, но предупредил, что наши раны исцелить не сможет: плоть человеческая не в его власти. Нам придется вернуться вот в таком виде. Все мои надежды разбились. Как же нам быть? Снова истечь кровью и умереть? Пролить наши жизни в грязь? Тогда ангел сказал, что поможет нам только в одном: сделает так, что мы на какое-то время останемся мертвецами. Даст нам отсрочку, мы будем такими, какими явились к вам, — то есть обескровленными, — но лишь одну земную ночь, не более. Нужно, чтобы наши раны зашили, пока все спят. На рассвете кровь вновь потечет в наших жилах.

Можете себе представить, сагиб, что я подумал, когда услышал это. Предложение и без того казалось мне безнадежным, но у ангела были и другие условия. Он несколько раз повторил, что предлагает нам нечто абсолютно недозволенное. Видимо, ангелов тоже могут наказать, и наш навлек на себя опасность уж тем одним, что захотел помочь нам. Он сообщил, что власть его распространяется

на одну-единственную маленькую деревню — вот эту самую. И он не может допустить, чтобы слухи о нашем плане просочились за ее пределы. Никто из ангелов не должен нас видеть. Мы не имеем права уйти из деревни. А если попытаемся, тут же упадем замертво, и нас снова заберут на тот свет. В наш родной город путь тоже заказан: мы никогда уже не увидим родных. Но мы же хотим жить? Значит, придется смириться с условиями, что связали нас по рукам и ногам.

Но я скорее откусу себе язык, чем произнесу хоть одно злое слово в адрес ангела. Не поймите неправильно, мы очень ему благодарны, и я ни в чем его не виню. Он сделал для нас что мог. И все-таки очутиться здесь после заката, зная, что на исходе ночи мы снова умрем... я подумал, что ничего из этого не получится. Однако ангел сказал, что в этой деревне живет искуснейший врач.

У хирурга опустились руки.

— Ангел говорил обо мне? Ваш ангел имел в виду именно меня?

Получается, предчувствия ему не соврали? Волосы на затылке у него встали дыбом, по лицу и шее потекли новые струйки пота. Хирург сделал вид, будто расправляет плечи, покрутил головой туда-сюда, поднял лицо к потолку, чтобы никто не заметил охватившей его слабости.

Серый оштукатуренный потолок был совершенно пуст, лишь посередине торчала железная петля. Снизу, в тенях от ламп, петля походила

на глаз, одно-единственное зловещее око на землистом лице. Сейчас это неестественное клише хирургу даже понравилось. Почему бы и нет? Глаза могут примерещиться всюду. Даже в раскаленных немигающих лампах. Оценивают, запоминают. Что, если это и правда испытание, но не веры его, а врачебного мастерства? Что надеется разглядеть этот экзаменатор? И спустят ли потом с небес диплом, подтверждающий его способности? И какие способности?

— Да, сагиб. Он потому нам это и предложил. Не будь вас, он бы даже не заикнулся. Ангел велел нам тщательно все обдумать. Мы можем отказаться, но едва ли еще нам представится такая возможность. И мы согласились.

Пришла пора перевязать и по очереди отрезать каждый из сосудов, выходивших из селезенки. Тут важно ничего не упустить. Нельзя обманываться тем, что крови нет. Единственный неперевязанный сосуд — и конец: утром жизнь хлынет из него вон, как из открытого крана. А переполнявшие хирурга вопросы подождут.

Он лигировал сосуды, освободил селезенку, вынул из брюшной полости и положил на поднос. Мальчик приподнял голову, силясь разглядеть, что происходит, но отец уложил его обратно на стол и прикрыл ему глаза ладонью. Хирург осмотрел печень, желудок, кишечник, сосуды. Убедившись, насколько возможно, что нож убийцы их не затронул, хирург взял с подноса длинную тонкую полосу рифленой резины, одним концом

вставил в брюшную полость — туда, где была селезенка, — а другой вывел наружу: если утром соуды начнут кровить, это позволит осушить кровь, пояснил он.

Потом один за другим сшил слои плоти. Закончив и перевязав рану, прикрыл простыней лежавшие на подносе сгустки крови и селезенку, чтобы никого не пугать. Во время операции мальчик не произнес ни слова, теперь же занервничал: ему явно хотелось, чтобы все поскорее закончилось.

— Можешь сесть, но только не слишком резко. Швы тонкие, сейчас ты их не чувствуешь, но если будешь бегать, разойдутся. И повязку не трогай, а то запачкаешь.

Мальчик слушал вполуха, но отец его кивал.

Хирург начал было перечислять аптекарю инструменты, которые следовало простилизовать немедленно, но, взглянув на нее, осекся. Всю операцию она молчала, но лицо ее, прикрытое зеленой хирургической маской, было бледным, как луна.

СЕМЬ

Дожидавшаяся в коридоре жена учителя порывисто обняла сына и покрыла поцелуями. Впервые за вечер их отчаяние отступило. Хирург отвернулся, гадая, не зря ли в своем оптимизме обнадежил мертвецов. Ведь теперь их ожидания только возрастут. И кто знает, какие осложнения начнутся у мальчика утром?

Поддерживая аптекаря под руку, хирург вышел в ночь. Гравий хрустел под его подошвами.

К ним подбежал муж аптекаря, обнял ее, приговаривая: «Все хорошо, все хорошо», — погладил по голове, обнял. Девушка прижалась к нему, бледная, напряженная.

Муж аптекаря опасливо покосился на мертвецов.

— Что они с ней сделали?

Хирург поморщился, поджал губы, опасаясь, что незваные гости услышат этот неуместный ответ.

— Усадите ее где-нибудь. Это у нее с непривычки, вот и все.

Мужчина отвел жену к плоскому камню в нескольких ярдах от крыльца. Аптекарь села, обхватила себя руками.

За время работы в лечебнице аптекарю случалось помогать во время родов и мелких процедур, она выучилась менять повязки, обрабатывать раны, делать инъекции. Но ей ни разу

не доводилось ассистировать на операции, в процессе которой обнажают и вырезают внутренние органы. А он углубился в размышления о неземном и совершенно упустил из виду такую простую вещь. Пожалуй, впредь разумнее обойтись без помощницы: нечего ей делать в операционной.

Стояла абсолютная тишина, словно кто-то подкупил всех сверчков и передушил собак; лишь мертвые шептались в коридоре. Раскинувшаяся у подножия холма деревня застыла сонно, дома ее торчали полипами, проросшими сквозь землю. Взошедшая луна припорошила их белым тальком. Казалось, будто сразу же после заката лачуги попятались прочь от лечебницы, уступив ее потусторонним гостям.

Хирург вернулся в приемную. Достал из ящика стола шприц, иглу и две стеклянные пробирки размером с большой палец, заткнутые резиновыми пробками. Взял с полки банку с антикоагулянтом, отсыпал по чуть-чуть в каждую пробирку. Из другого ящика достал бумажные ярлычки, два надписал и приkleил на пробирки. Закатал левый рукав, обвязал бицепс жгутом и туго затянул его зубами, так что на предплечье вздулись синие вены. Воткнул иглу в вену, большим пальцем подцепил поршень и набрал полшприца крови. Поровну разделил кровь между пробирками, встряхнул их хорошенъко, чтобы растворился антикоагулянт. В одну из оставшихся после вакцинации от полиомиелита пенопластовых коробок насыпал кубиков льда из холодильника.

И принялся писать список. Торопиться нельзя: у него одна-единственная попытка, и он не имеет права ничего забыть. Он писал и стирал, вычеркивал, прикидывал, подсчитывал. Сколько потребуется вот этого — восемь штук или достаточно четырех? А того — хватит ли двадцати? Может, взять больше? Но всего не закажешь: всему есть предел. Нужно трезво смотреть на вещи.

Удовлетворившись наконец полученным результатом — или, скорее, просто закончив дело, — хирург жестом подозвал мужа аптекаря. Тот утешал жену и не сразу заметил, что хирург ему машет.

Если вся эта фантасмагория на самом деле правда и солнце растопит загустевшую кровь незваных гостей, то по сравнению с тем, что начнется на рассвете, испытания ночи покажутся детской забавой. А поскольку помогать мертвцам можно лишь в стенах лечебницы, мужу аптекаря придется съездить в город. Привезти внутривенные катетеры, трубы для капельниц, нити, иглы, шприцы, марлевые и эластичные бинты, антибиотики, вакцину от столбняка, лидокаин, успокоительные и опиаты. Сейчас, как никогда прежде, нужно обеспечить лечебницу всем необходимым. В аптеке найдется физраствор; этого, конечно, не хватит, так что придется докупить несколько литров — больше муж аптекаря вряд ли донесет. А если кончатся и эти запасы, придется рискнуть и использовать прокипяченную соленую воду из-под крана.

Но самым важным в списке была кровь. Как угадать, какие швы разойдутся, а какие уцелеют, откуда нежданно ударит струя?

Хирург убрал пробирки с кровью в коробочку и передал мужу аптекаря.

— Скажете в банке крови, что я пациент лечебницы. Попросите четыре пакета. Если дадут больше, значит, возьмете больше. Проследите, чтобы они проверили совместимость. Кровь должна быть моей группы и резус-фактора. Первая отрицательная. Я вам тут все записал. Ее можно переливать кому угодно.

С этими словами хирург достал из сейфа небольшую пачку перехваченных резинкой банкнот, пересчитал и протянул мужу аптекаря.

— Надеюсь, этого хватит на все.

Мужчина покосился на окно.

— И вот еще о чем я хотел вас спросить: разрешите ли вы ей остаться здесь, пока вас не будет?

Мужчина переступил с ноги на ногу.

— Мертвцы не причинят ей зла, — стараясь казаться убедительным, продолжал хирург, — уж это я могу вам обещать.

Муж аптекаря нервно почесал ухо, повертел в руках список покупок и обреченно кивнул, поскольку явно не привык к сложным поручениям.

— Мне пора, а то до рассвета не управлюсь.

Мужчина зашел в дальнюю комнату, взял из шкафа простыню, тихонько выскользнул в коридор, стараясь держаться подальше от мертвцев — настолько, что шарахнулся от учителя,

когда тот шагнул к нему, пытаясь поблагодарить. Во дворе лечебницы лежала гора старых бамбуковых палок. Муж аптекаря взял палку, помахал ею, чтобы убедиться, что она прочная, и привязал к ней простыню — получилась импровизированная сумка. Взял велосипед, подошел к жене, что-то сказал и уехал. Хирург проводил его взглядом. Железнодорожная станция была в нескольких милях от деревни. Даже если звезды встанут как нужно, до города на поезде около двух часов.

Хирург подошел к аптекарю, та по-прежнему сидела на плоском камне, куда усадил ее муж.

— Вы устали. Поздно уже.

Девушка таращилась в темноту. Хирург прогнал комара со своей шеи.

— Вы не обязаны дежурить со мной в операционной. Я прекрасно понимаю, как это трудно.

Тарахтенье велосипеда смолкло вдали.

— Но если вы все-таки готовы мне помочь, я буду очень рад. Я использовал половину инструментов и простыней, а ведь впереди еще две операции. Не могли бы вы постирать и прокипятить их, пока я буду оперировать пациентку? Вам совершенно необязательно всю ночь оставаться на ногах, я этого вовсе не требую. Запустите автоклав и поспите в дальней комнате. А я, как закончу, вас разбуджу.

Девушка ничего не ответила. Хирург сел рядом с ней на камень; суставы его привычно хрустнули.

— Как бы не пришлось поутру проводить четвертую операцию — менять себе колени на смазанные маслом шарниры.

Аптекарь слабо улыбнулась.

Он отдавал себе отчет, что ждет от нее слишком много. Нечестно требовать, чтобы она отринула собственные страхи и сомнения потому лишь, что он возомнил, будто бы сумеет воскресить мертвцевов. Лучше отправить ее домой.

Но не успел он заикнуться об этом, как аптекарь сказала:

— Что, если это ошибка, сагиб?

— В смысле?

— Тот человек сказал, что ангел запретил ему покидать пределы деревни. Вас это не смущает?

— Смущает, отчего ж. Даже если ваш муж привезет все, что я наказал, этого вряд ли хватит. Но что поделать? Приходится работать с тем, что есть.

— Простите меня, сагиб, но я не это имела в виду. Я о том... что все должно оставаться втайне. Вот что меня смущает.

— Что вы хотите сказать?

— Они нарушают закон. Мертвец, конечно, этого не говорил, но он прекрасно понимает, что происходит. Он знает, что мертвые не имеют права вернуться в мир живых. И вынуждает нас тоже преступить закон. Что, если их направил к нам какой-нибудь злой дух вопреки воле бога? И грешно помогать им? Мне страшно, сагиб. Я не имею никакого права задавать вам такие вопросы,

но все же: что будет с нами? Вдруг нас накажут вместе с ними?

Хирург посмотрел на небо. Оно казалось обугленным, словно там, в вышине, совершили жертвоприношение. В юности, ставя под сомнение все, чему его учили, он гадал, каким же образом астрологи разглядели средь звезд всех этих тварей — овнов, скорпионов и рыб. Ему виделась в звездах лишь немая угроза — в том, как эти крапинки светились в небе, обманчиво-неизменные из ночи в ночь, готовые в любой миг осыпаться на землю.

— Спросите любого священнослужителя, и он скажет, чего именно ждет от вас бог. Как молиться, как поститься, как одеваться, какие амулеты носить. А потом спросите другого — хоть имама, хоть пастора, — и послушайте, что он вам ответит. Многие прикидываются, будто знают, чего хочет бог. Вот только сам он молчит.

— Но тогда откуда нам знать, что делать, сагиб? Откуда нам знать, что мы не совершаем ошибку?

— Этого мы не знаем, — с ожесточением, удивившим его самого, произнес хирург. — И знать не можем. В том-то и загвоздка, и не только в такой ситуации, как сейчас, а вообще. Мы лишь надеемся, что, пока живы, найдем-таки истину, включим волшебную лампочку, и все неверные пути исчезнут. А до той поры нам остается лишь брести наугад сквозь тернии, стараясь не споткнуться.

— Так, может, лучше оставить все на волю случая, сагиб? Как будет, так будет. Зачем что-то менять?

У него разнылась икроножная мышца. Больше всего ему хотелось и дальше сидеть на камне, не тревожить больную ногу, отдохнуть, раздумывая над вопросами, которыми засыпала его аптекарь. Какая она все-таки еще молоденькая. Наверное, думает, что сомнения ее оригинальны; ну ничего, быть может, в один прекрасный день он, улучив минуту, объяснит ей, что они стары как мир и не имеют ответа.

Дело шло к одиннадцати. Хирург упер ладони в бедра, выпрямил сперва колени, потом спину. Он уже старик, кости приходится силой приводить в движение.

Они стояли на краю освещенного круга, который лампы лечебницы вырезали из темноты. Облако закрыло луну. В траве порхали беззаботные светлячки: им не было дела, что по склону холма поднимается странная тень. Хирург разобрал лишь, что это не животное, а человек, но без велосипеда.

Он прижал палец к губам:

— Тс-с-с...

Аптекарь недоуменно вскинула голову и тоже увидела приближавшуюся фигуру. На миг девушки окаменела, но быстро опомнилась.

— Я их спрячу, — сказала она и бросилась в лечебницу.

ВОСЕМЬ

Ну что за нелепость. Уже одно лишь то, что ему в голову закралась подобная мысль, свидетельствовало о помрачении ума. Да и к чему бы ангелу взбираться на холм? Он мог спуститься с небес и следить за ними сквозь стены. А не ковылять, припадая на ногу.

Но почему тогда он сам не решается шагнуть за пределы светящегося круга? Если это кто-то из сельчан — да и кому еще тут быть? — лучше перехватить его как можно дальше от лечебницы. А если и вправду ангел, то разве же тусклый круг света защитит? И все равно хирург не мог заставить себя двинуться с места. «Да я, похоже, боюсь, — догадался он. — Впрочем, неудивительно: час уже поздний, что, если это и правда какой-нибудь полуумный с ножом? Лучше оставаться там, где хоть чуточку безопаснее».

За спиной его что-то негромко произнесли, дверь медленно закрылась, скрипнув тихонько, как дерево. С той стороны, откуда приближался незваный гость, заглянуть в приемную будет невозможно. Хоть что-то.

— Доктор-сагиб.

Язык у говорившего заплетался, и хирург мгновенно понял, кто перед ним. Простой смертный, да еще и самого последнего разбора. Кровь ударила ему в голову.

— Чего тебе? Поздно уже.

Человек подошел ближе; первым в круге света показался его красный нос. Незваный гость подволякивал ногу, словно проверял, не подведет ли колено, можно ли делать следующий шаг.

— Нога, доктор-сагиб.

— Что нога?

— Кровь хлыщет, жуть.

Пришедший закатал дхоти⁶ до середины бедра; ноги его были по щиколотку в грязи. Ветерок дул ему в спину, и хирург издали учゅял вонь: блевотина, перегар и прочая гадость.

— Где кровь? Не вижу.

— Вот же, сагиб.

— Стой, где стоишь. Не подходи.

Хирург оглянулся. В коридоре было пусто. Девушка успела спрятать мертвых. Сельчанин обогнул его и направился прямиком в лечебницу. Хирург хотел было схватить пьяничку за руку, но побрезговал.

— Домой иди. Поздно, некогда мне с тобой.

Сельчанин тоненько заскулил.

— Кровь, доктор-сагиб, сделайте что-нибудь. Помираю.

— Тише ты. Что за чушь? Обычная царапина. Иди домой.

---

⁶ Дхоти — традиционная мужская одежда в Индии, полоса ткани длиной до 5 м, которую обматывают вокруг бедер и носят как шорты или шаровары.

— Не пойду. Чего я там забыл? Она меня выгнала на ночь глядя, доктор-сагиб, что же это за жена такая...

В любой другой день хирург приставил бы ладони рупором ко рту, крикнул погромче — и из деревни тут же прибежали бы крепкие мужики, утащили пьяницу. Ишь, уже в лечебницу прется, пес!

— Что тебе нужно? Деньги? На, возьми и убрайся отсюда.

Сельчанин уставился на банкноты, которые хирург достал из кошелька, раз-другой попытался их схватить, но промахнулся и вновь прикинулся мучеником:

— Не надо мне ваших денег, доктор-сагиб. На что они мне? Деньги для образованных, таких, как вы. А наш брат как жил, так и подохнет в канаве.

Хирург наконец разглядел, что пьяница и правда в крови: на его икре виднелся порез.

— Сядь тут, во дворе. Я тебя перевяжу, и ты сразу уйдешь, договорились?

— Как скажете, сагиб. Уйду, клянусь пеплом матери, пеплом отца. Оба ведь того. Клянусь прахом родителей, уйду, — и с этими словами пьяница шагнул в коридор.

Хирург догнал его, протиснулся вперед. Двери аптеки, дальней комнаты и операционной закрыты. Надеюсь, она заперла их изнутри на засов, подумал хирург, и, если пьянчужка, покачнувшись, на них навалится, они не распахнутся. Открыта

была только дверь в приемную. Хирург окинул взглядом комнату — никого.

Сельчанин повалился на скамью. Доктора так и подмывало схватить его за шкирку и вышвырнуть из лечебницы. Ну, упадет на гравий, может, даже сломает себе ребро-другое, кому какое дело? Даже от этих мертвецов, от трупов, так не воняет, как от этого забулдыги.

На свету хирургу удалось как следует разглядеть порез на ноге визитера. Может, перевязать, да и дело с концом, подумал он, но понял, что так не получится. Повязка пропитается кровью, и пьяница заявится снова.

— Придется шить. Не дергайся. Понял?
— Да, сагиб, — сельчанин поднял на него глаза в паутине красных прожилок.

Все необходимое хранилось в операционной. Хирург подошел к двери, дернул ручку — дверь оказалась заперта изнутри.

— Кажется, здесь, — громко сказал он, якобы сам себе, и тихонько постучал по дверной раме.

Скрипнула задвижка. Хирург оглянулся — пьяница по-прежнему сидел на скамье, вытянув перед собой ногу и чуть клонясь вбок, точно куль с крупой. Кажется, он ничего не заметил. Доктор вошел в операционную и запер за собой дверь.

Лоб аптекаря усеивали капли пота.
— Где они? — еле слышно произнес хирург, и она указала на дальнюю комнату.

Лампы не горели, лишь призрачный свет луны сочился сквозь толстые матовые стекла. В темноте

хирург надел перчатки, взял иглу, нить, вату, бинт, лейкопластырь, пузырек йода и небольшой поднос. Захватил и последнюю ампулу с лидокаином. Не из жалости, нет: он не мог допустить, чтобы крики пьяницы привлекли внимание сельчан. Во-круг операционного стола по-прежнему стояли подносы, как он их оставил: инструменты, селезенка, сгустки крови под окровавленной простыней. На выбеленной луной простыне играли серебристо-серые блики. Ему ужасно не хотелось оставлять аптекаря одну в операционной, но что поделать?

Она поняла его без слов и прижалась к стене. Хирург открыл дверь.

Пьянички на скамье не оказалось: он пытался открыть дверь дальней комнаты.

— Что ты вытворяешь? Я же велел тебе сидеть смирно! — Хирург схватил его за плечо, протащил за собой по коридору и силой усадил на скамью.

— Я вас искал, сагиб, — промямлил пьяница, — не знал, куда вы ушли.

Хирург опустился на колени, поставил поднос на пол. Он забыл захватить щипцы. Оторвал кусочек ватки, смочил йодом, обработал рану. Набрал шприц лидокаина.

— Сейчас будет немножко больно, — предупредил он и ввел иглу в край раны.

— Господи боже, — взвыл пьячуга. — Помогите, умираю, как же больно, ох, смерть моя!

Хирург скрипнул зубами. Давно он так не злился. Он делал уколы — сперва слева от раны, потом

справа, пока не кончился лидокаин. Сельчанин орал благим матом. Наконец доктор не выдержал и рявкнул на него:

— Заткнись, или я тебе зубы выбью.

Пьянчужка сжался от страха, пробормотал что-то неразборчивое. Десны его почернели от табака, который он жевал, наверное, всю жизнь. Хирурга едва не стошило.

Но лидокаин подействовал. Пьяница даже не заметил, что доктор начал накладывать шов, жалея, что у него нет такого средства, чтобы у поганца отнялся язык.

— У, стерва. Направо-налево путается. Потаскуха чертова. Впору с соседей деньги брать — пятьдесят рупий поглазеть, пятьдесят облапать, еще пятьдесят, чтобы раздвинула ноги...

— Разве можно так говорить о жене? Совести у тебя нет! Проживи ты хоть десять жизней, лучше нее тебе не найти. Ты ее бьешь каждый вечер, а она все равно тебя не бросает, уж не знаю, почему. Любая другая на ее месте давным-давно вернулась бы к родителям.

— Да их на свете нет. Все перемерли. В конце концов мы все превратимся в пепел, доктор-сагиб. Что человек, что дрова для костра, на котором его сожгут. Я ведь до свадьбы-то к бутылке не прикладывался, поверьте честному слову. Спросите кого угодно, хоть самого сарпанча⁷. Это все она, ведьма: все началось после того, как она вошла в мой дом. Это она виновата, из-за нее я стал таким.

---

⁷ Сарпанч — руководитель панчаята (совета деревни).

Хирург попытался его перебить, но не тут-то было.

— Мне такая жизнь даром не нужна. Лучше сдохнуть, чем так жить.

— Заткнись и не мешай мне работать.

— Попомните мое слово, сагиб: приду домой, возьму бутыль с крысиным ядом и выпью всю до капельки. Не хочу так жить.

Пьяница уже трижды проделывал эту штуку — театрально пытался покончить с собой. В последний раз наглотался ДДТ, вышел на деревенскую площадь и, колотя себя в грудь, объявил во всеусыпашение о том, что сделал. Его притащили в лечебницу, борода побелела от порошка — больше просыпал, чем проглотил. Но хирург выполнил свой долг — сунул забулдыге в нос трубку, промыл желудок и напоил активированным углем. Пьяница заблевал всю лечебницу, матрасы пропоняли насквозь: стирай не стирай, запах не выветривался. И теперь этот полудурок вознамерился повторить свой жалкий фарс. Нечего сказать, выбрал время. В соседней комнате мертвые ждут воскрешения, а он тут грозится лишить себя жизни. А ведь уже половина двенадцатого.

— Если решил покончить с собой, зачем тогда пришел ко мне? Зачем просил зашить тебе рану? Иди домой, пей свой яд. Но только запричь хорошенько, чтобы тебя, полуодохлого, не волокли потом в лечебницу. Надеюсь, когда тебя найдут, ты уже испустишь дух и кости твои заледенеют.

Эти слова пробрали даже отупевшего от выпивки пьянчужку. Он прислонился к стене, уставился на хирурга широко раскрытыми глазами и наконец-то замолчал.

Доктор закончил обрабатывать рану, связал концы нитей. Ни капли крови не просочилось сквозь шов. Он перебинтовал икру и голень, закрепил лейкопластырем.

— Вставай, — не снимая перчаток, хирург поднял пьяницу с лавки. Тот оттолкнулся от стены, пытаясь вырваться из рук врача.

— А я знаю, кого вы прячете.

Неужели он их заметил?

— Что ты несешь?

— Что скажут в деревне, сагиб? Нехорошо.

— Не тяни. Говори или проваливай.

— Не пристало вам, в вашем-то положении, путаться с этой девчонкой. Я ведь видел, как она шмыгнула внутрь. Вы ей в отцы годитесь, да и замужем она.

У хирурга перехватило горло от ярости.

— Убирайся прочь. И если ты еще хоть раз придешь сюда, клянусь, я тебе все кости переломаю.

Тут пьяница испугался по-настоящему: наверное,протрезвел. Проворно спустился с низенького крыльца, едва не упав на землю, и поковылял вниз, в деревню, на ходу пару раз обернувшись. Хирург стоял в дверях лечебницы, скрестив руки на груди, точно хранитель тайной пещеры, куда простым смертным вход заказан.

— Ушел. Можете выходить.

Из дальней комнаты высыпали мертвцы. Мальчик жался к матери; стоило хирургу взглянуть на него, как он тут же юркнул ей за спину. Хирурга снова охватило раздражение. А чего они ждали — что он всю ночь будет изображать прекраснодущие? Всему есть предел. Он же не монах в оранжевых одеждах. И если их коробит от его манер, то он никого не удерживает.

Ах да, вспомнил хирург, они как раз беседовали с аптекарем, когда явился этот забулдыга. Девушка осталась в операционной.

Он открыл дверь. Аптекарь убирала подносы. Она уже сняла со стола грязные простыни и вытряхивала мусор в полиэтиленовый мешок.

— Идите домой, спать, — махнул ей хирург.

— Нет, сагиб. Чтобы вы всю ночь работали в одиночку? Что скажет мой муж, когда вернется? Я простерилизую инструменты.

ДЕВЯТЬ

Водушевление, которое хирург позволил себе ощутить после сделанной мальчику операции, испарилось — отчасти из-за неослабевающей злости на пьяничку, но куда больше оттого, что придется зашивать раны женщины. Он чувствовал горькую обиду на весь тварный мир за то, что тот поставил его в это положение. Почему шея создана именно такой? Множество сосудов, и все так близко к коже. С тех самых пор, как человек наточил первый камень, перерезали не одну шею, а ее строение как было, так и осталось слабым и неуклюжим.

Раны женщины скрывались под шалью, да и вообще все трое выглядели на удивление целыми и невредимыми, самая обычная семья. Если не обращать внимания на их бледность, нипочем не догадаешься, с какими испытаниями им довелось столкнуться, какой проделать путь, чтобы попасть сюда, и что не так с их телами.

— Идите сюда, — скомандовал хирург, и женщина машинально пригладила волосы и расправила юбку. Видимо, привычки остаются с нами и после смерти. — А вы двое ждите здесь, — добавил он, обращаясь к учителю с сыном.

Женщина попыталась высвободить пальцы из сыновней ладошки, но мальчик не выпускал ее руку, хватался за нее все выше

и выше — за запястье, за локоть, сперва с одной, потом с другой стороны. Учитель попытался его удержать, мальчик уперся; никто из них не издал ни звука. Казалось, будто отец с сыном разыгравают пантомиму; наконец большие ладони обхватили маленькие кулачки, словно объединившись в молитве.

Аптекарь еще убирала в операционной; хирург вышел на крыльцо, посмотрел, нет ли новых не прошеных гостей. «Что бы ты ни сделал, хуже уже не станет, учитывая, какие у женщины раны», — уговаривал он себя. Ни дать ни взять, аптекарь с ее фатализмом. Так и подмывало вслед за ней сказать, мол, будь что будет... или как бишь она выразилась. Утешиться афоризмом о бесконечном круговороте жизни.

— Операция продлится несколько часов, — не оборачиваясь, сообщил он мертвцам. — Наберитесь терпения. — Он в последний раз окинул взглядом взгорок, но никто не шел — ни пьянчужка, ни муж аптекаря.

Очутившись наконец в операционной, хирург с удивлением осознал еще один аспект физиологии необычных своих пациентов — разумеется, если слово «физиология» вообще применимо к трупам. Перед операцией он прослушал грудь мальчика стетоскопом, скорее по привычке, нежели с определенной целью, — да и что бы он сделал, если бы обнаружил какие-то аномалии? Вся эта ситуация — одна сплошная аномалия. Сердце у мальчика не билось: неудивительно, учитывая,

что и кровь не текла по венам. Хирург даже удивился бы, услышав привычный стук. Однако же мальчик дышал: грудь его поднималась и опускалась. Стетоскоп подтвердил, что в дыхательные пути пациента входит и выходит воздух. Но к чему дыхание, если нет нужды насыщать кровь кислородом? Очевидного ответа на этот вопрос не было, а поскольку мальчика ранили только в живот, хирург сосредоточился на операции, отогнав ненужные мысли.

Но в случае с женщиной, учитывая природу и расположение ее травм, он поневоле задумался о том, как именно она дышит. Судя по разрезам на гортани, скорее всего, задеты голосовые связки. Воздух наверняка поступает в образовавшееся отверстие: внутренняя и внешняя части глотки сообщаются напрямую. Как же она при таком ранении умудряется говорить?

Эти рассуждения привели его к неожиданному открытию — феномену не менее поразительному, чем молчание ее сердца. Звук рождался не в гортани, а в заднем отделе ее ротовой полости, где-то за миндалинами, — сам собой, из ниоткуда. Хирург понятия не имел, как это происходит. Получается, для того, чтобы говорить, женщине не требовались ни легкие, ни гортань, и хотя слова ее согласовывались с дыханием, но, похоже, совершенно от него не зависели. Он пришел к выводу, что она практически без усилий способна преодолеть врожденные телесные привычки и говорить, не умолкая, как на выдохе, так

и на вдохе. И даже, что самое удивительное, задержав дыхание.

Анатомия мертвецов вызывала у него недоумение. Одни органы у них работали, другие нет, и все равно пришельцы выглядели как живые. Если бы его старенький электрокардиограф не сгорел после очередного скачка напряжения, он бы исследовал их грудные клетки. Что за кривую нарисовал бы аппарат? Зубцы и волны? Ровные линии? А может, что-то совершенно иное? Узоры, буквы, послания каким-нибудь древним нечитаемым шифром. Уравнения, заключающие в себе сокровенные тайны смерти. Он бы ни на секунду не выключал аппарат, увешал бы электрокардиограммами все стены. И много лет, если не десятилетий, спустя, когда ум его ослабеет и память станет подводить, вернулся бы к хроникам этого вечера, устилавшим комнату от пола до потолка. Может, тогда пережитое прояснилось бы.

Отсутствие связи между голосом и дыхательным горлом пациентки решало для него чисто практическую задачу. Он опасался, что после операции женщина не сможет говорить. Даже подумывал сообщить об этом — предложить ей сказать мужу и сыну все, что хочет, пока еще в состоянии говорить. Но теперь этот страх показался ему неоправданным. Что бы он ни сделал, говорить она все равно сможет. По крайней мере, до рассвета.

Однако же оттого, что он это понял, открывшееся его глазам зрелище не стало менее диким. Хирург скрипнул зубами, поджал губы и, стараясь

ничем не выдать своих чувств, начал осмотр. Мочки у женщины были порваны, руки в ссадинах, с запястий содрана кожа. Грабители обобрали ее до нитки, сорвали серьги и браслеты, но рана на шее... Тот, кто перерезал женщине горло, жаждал не только денег. Его возбуждало насилие, пьянила сама возможность вонзить лезвие в плоть. Это не просто ограбление с непредумышленным убийством.

До этой ночи хирург легко и непринужденно заполнял паузы на приемах шутливой болтовней, подтрунивал над пациентами, распекал за легко-мыслие; сейчас от этого навыка ему не было никакого толку. Приходившие на ум слова утешения не имели ни веса, ни смысла. Перед такими травмами любые речи казались кощунством. Краем глаза он видел ее огромный живот. И об этом тоже не хотелось говорить. Она-то сама, разумеется, ни на минуту не забывала о своей беременности, но к чему сейчас напоминать пациентке, что жизнь еще одного существа тоже висит на волоске?

Много лет назад, когда он работал в кабинете судебно-медицинской экспертизы, ему поручили вскрывать беременную молодую женщину, которая повесилась, узнав, что муж зачастил в бордель. До родов оставались считанные недели; в предсмертной записке женщина объяснила, что не может смириться с несправедливостью этой жизни и забирает дитя с собой. И действительно, на столе у судмедэксперта лежало худенькое

тело с непомерно раздувшимся животом. Согласно стандартному протоколу вскрытия, хирургу предстояло вырезать из нее холодный неподвижный плод, который не знал жизни вне утробы и уже никогда не узнает.

А позже в тот день к нему в дверь постучали неожиданные посетители.

— Доктор-сагиб.

Подняв глаза от бумаг, он, тогда еще совсем юноша, увидел двух подслеповатых стариков.

— Вы сегодня вскрывали девушку... мы ее родители.

— Морг налево. Вам нужно будет подписать кое-какие документы, и сможете забрать тело для похорон. Это недолго, — небрежно ответил он, надеясь, что рутина хоть немного поможет им пережить бессмысленность смерти. Что скорбящие забудутся в хлопотах о похоронах. «Вторая дверь налево. Подпишите здесь, здесь и вот здесь, и этот бланк тоже. Вот адрес крематория».

Но от этих стариков, похоже, так просто было не отделаться. Они стояли и чего-то ждали.

Тогда он снял очки, положил на стол, и этот банальный жест помог ему выразить банальные соболезнования.

— Ужасно, что так вышло. Ужасно, что вам выпало такое испытание. Примите мои соболезнования.

— Она правда покончила с собой? — спросила мать.

У него пересохло в горле. Он заметил, что на полу за посетителями стоят два выцветших потрепанных баула. Наверное, старики только что приехали из какой-нибудь глухой деревни на первом же автобусе, который шел в город. Несколько часов тряслись в давке среди незнакомцев, которые и не подозревали, что у этих двоих жизнь разбилась вдребезги. Скорее всего, с вокзала они поехали сразу в морг и очутились в его кабинете. И о смерти дочери знают только то, что им сообщили по телефону, перекривая помехи.

— Она правда покончила с собой? — повторила женщина.

И как на это отвечать? Разве что коротко и честно:

— Да, правда.

Из-за дверей донесся приглушенный смех: час был обеденный, и в общей комнате, наверное, травили байки.

— Но зачем? — воскликнула женщина. — Почему не приехала к нам? Неужели боялась, что мы ее не примем?

На это ему сказать было нечего; он вертел в пальцах авторучку.

— Это был мальчик или девочка? — спросила женщина.

Ее слова достигли его слуха, но он не понял, что она имеет в виду.

— Это был мальчик или девочка? — повторила она.

— Мальчик или девочка? — переспросил он, и до него наконец дошло. — Почему вы спрашиваете? Зачем вам это знать?

Женщина молитвенно сложила руки:

— Простите, доктор-сагиб, мы понимаем, что вы заняты. Мы больше не будем отнимать у вас время. Умоляю, скажите, это был мальчик или девочка, и мы уйдем.

— Мальчик, — замявшись, ответил он, и поправил себя: — Это был бы мальчик.

Женщина зажала себе рот худенькими ладонями, точно после этих его слов она увидела, как живые, крохотные ручки, ножки и ротик своего нерожденного внука. И распухшее лицо дочери, и глубокую полосу от веревки, отнявшей ее жизнь. Он зажмурился и отвернулся. Дверь со скрипом открылась, потом закрылась, старики вышли, но до его слуха все равно доносились сдавленные рыдания.

Впредь он старался ожесточить сердце, отстрадаться, подавить в себе жалость к телу, что безмолвно лежало у него на столе. В конце концов, если раскапывать подробности участи каждого умершего, недолго и умом тронуться. Лучше думать о трупах как о часах, что остановили свой ход, а о себе — как о часовщике, которому предстоит составить опись вышедших из строя спиралей и пружин. Чинить ничего не нужно. Он занимался этим уже два года, но потом работа стала его тяготить, захотелось чего-то большего. Сейчас он понимал, что это были пустые юношеские амбиции. И вот до чего они довели.

— Мне придется побрить вам голову, — сказал он жене учителя.

— Всю? — испугалась она.

— Нет, только шею сзади и немного затылок. Вы не против?

— Что вы, сагиб, я и не думала спорить: делайте, как вам нужно.

— Наденьте халат.

Он подумал было выйти из комнаты, оставить женщину одну, чтобы она спокойно переоделась, но тогда бы пришлось перемещать каталки и подноссы, которые он втиснул в крохотную операционную. Хирург откашлялся, отвернулся к стене. Женщина разделась до пояса, натянула поношенный хирургический халат.

— Я готова.

Он взял новую бритву, обрил пациентке шею и затылок. Тонкие пряди сыпались ей на плечи. Волосы мертвых ничем не отличались от волос живых. Он стряхивал локоны на поднос. Оставшиеся помог спрятать под хирургическую шапочку. Усадил женщину, велел запрокинуть голову на деревянный брускок — так, чтобы в скучном свете лучше были видны раны на шее. Живой человек, способный чувствовать боль, не выдержал бы в этой позе и секунды, но женщина не жаловалась, сидела, как манекен. Обработав ее раны йодом и спиртом, он укутал ее простыней, так что видна была только шея. И лишь накрыв ей лицо, глаза, сумел хоть немного расслабиться. Не хватало еще, чтобы она во время операции

смотрела на него. Невозможно было вынести неразумную надежду в ее взгляде.

На шее виднелись две глубокие раны и нескользко мелких. За свисавшими клочьями искромсанной кожи прятались ткани, разрезанные под зубчатыми углами. Кое-где на мышцах тоже были порезы — даже на той, которая поворачивала голову. То, что женщина, несмотря на это, держала голову, удивляло его не меньше, чем ее сохранившая речь.

На гортани зияли разрубленные хрящи, жуткое зрелище. Сейчас, когда голова была запрокинута, из этой дыры с каждым выдохом выходил воздух. Из рваного месива торчали кровеносные сосуды с тусклыми сгустками крови. Основной сосуд, сонная артерия, пострадал сильнее всего: его пересекали два глубоких надреза, и с одного боку даже висел лоскут ткани. Через это-то отверстие, должно быть, и хлынула кровь, причем с такой силой, что женщина отмучилась быстрее мужа и сына. Даже странно, подумал хирург, что за время, которое женщина провела в лечебнице, висевший на тонюсенькой ниточке лоскут ткани не оторвался. В противном случае в артерии осталась бы дыра, запить которую не получилось бы, как ни пытаешься.

Его не учили зашивать такие раны — на шее, на гортани. Как ни силился, он не мог вспомнить даже названия фасций, мелких мышц, расположение нервов. Где-то в его шкафу стоял анатомический атлас в потрепанной обложке, изданный

лет тридцать назад, если не больше. Надо было хотя бы перелистать, с сожалением подумал хирург, но теперь уже поздно, да и вряд ли это помогло бы. Придется изобразить мастерство, которым он в действительности не обладал, и постараться как можно тщательнее связать оборванные нити ее жизни.

Он открыл футляр, пинцетом достал из него тончайшую иглу, нить и принялся зашивать снизу разрез на сонной артерии. Игла проделала слишком большую дыру в паутинно-прозрачной ткани, по сравнению с которой нить казалась грубой и неуместной, точно джутовый трос в шелковом полотне. Он вытащил иглу в верхней части сосуда, попробовал свести края разреза, но один из краев спрятался между мышц шеи, и нить натянула край сосуда, угрожая его порвать. Первый стежок, и уже предвестие неудачи. Медленно, напряженно, стежок за стежком игла продвигалась вдоль извивов сосуда.

Время шло, хирург, склоняясь над пациенткой, продолжал работу; в конце концов у него разломило спину, и он с трудом выпрямился. С начала операции прошло никак не меньше часа, а женщина не издала ни звука, не пошевелилась, даже не дышала — наверное, задерживала дыхание, чтобы облегчить ему труд, но на всякий случай он решил проверить, тут ли она, жива ли. Хотя какое «жива»? Для такого казуса и слова-то нет.

— Все в порядке? — нашелся хирург.

Простыня зашевелилась, под ней обозначились губы, женщина напрягла мышцы шеи, открыла рот и ответила:

— Да, сагиб.

Была ли нужда в этом усилии? Неужто мертвые не могут разговаривать с закрытым ртом, как чревовещатели?

— Вам не больно? Удобно? Если хотите, можете сесть по-другому.

— Нет, сагиб, не беспокойтесь за меня.

Что самое странное, привыкаешь даже к такому. Хирург уже не чувствовал жгучей досады и не повышал голоса на женщину, в чьей разверстой ране, меж мышцами и хрящами, он сейчас орудовал щипцами. Все словно подернулось пеленой фантасмагории, и зрение будто навеки изменило ему.

Он покосился на стену справа, но та была пуста. Сам же менял батарейку в часах и забыл повесить их обратно. А наручные оставил на столе в соседней комнате. Тут уж либо, забыв о стерильности, выйти из операционной и посмотреть, сколько времени, либо кликнуть аптекаря, которая, скорее всего, сейчас спит, как он и предложил. Он на миг зажмурился, пытаясь сосчитать все сделанные стежки, помножить на время, ушедшее на каждый из них, и коварный сон зацепил якорем его веки. Хирург мгновенно распахнул глаза и с силой наступил самому себе на ногу, так что пальцы простирили боль. Ночь еще не закончилась. Он должен бодрствовать.

Решительно отогнав посторонние мысли, он снова взялся за работу. Столько времени провозился и так мало сделал. Всего-навсего пришел на место верхний край оторванного лоскута сонной артерии и принялся за нижний. Артерия щетинилась стежками. Получилось коряво, не так, как он умел когда-то: нить стянула артерию, обозначила на ней острые грани. Так слесарь-неумеха силой прикручивает друг к другу кривые трубы разного диаметра. Дыру в сонной артерии он не сумел зашить: любая попытка закрыть рану грозила ее, наоборот, расширить.

Лампа дневного света негромко трещала; раньше он этого не замечал. За окном каркала одиночная ворона — крик бессонницы и желания, если обитателей животного мира мучат те же страсти, что и людей. Хирург взглянул на железную петлю под потолком, наклонил шею в одну сторону, потом в другую. Петля уже не походила на глаз: обычный неодушевленный предмет. Никто на него не смотрит — ни с потолка, ни с неба. Мертвых швырнули к его ногам и забыли.

Что он скажет им? Как сообщит, что женщина не выживет?

Лоб щипало от пота; хирург вытер его рукавом, стараясь не дотрагиваться перчатками до нестерильных поверхностей, решил пока оставить сонную артерию и наложить шов на трахею.

— У вас повреждена та часть горла, через которую воздух поступает в легкие. Если оставить все как есть, утром вам будет трудно дышать. Поэтому

мне придется проделать отверстие вот тут, по-ниже. Чтобы вам было легче дышать.

Хирург объяснил, что собирается сделать, со всем воодушевлением, на которое был способен; женщина кивнула под простыней. Неизвестно, поняла ли она хоть слово из сказанного. Впрочем, она согласилась бы с любым его предложением.

Он провел пальцами по коже, прикрывавшей хрящи под гортанью, и выбрал место посередине шеи, чуть выше той точки, где ключицы сочленяются с грудиной. Придется сделать отверстие ниже обычного, да. Нанесшего ей удар убийцу не заботило, будет ли хирургу удобно работать. Доктор аккуратно разрезал кожу, скальпелем и пинцетом развел тонкие обескровленные слои ткани, отодвинул полоски мышц по обе стороны трахеи. Неожиданность — увеличенная щитовидная железа скимала и прикрывала переднюю часть трахеи. Он взрезал железу, обнажил трахеальные кольца и рассек их. И хотя сейчас можно было не опасаться, что пациентка умрет у него на столе, сердце его по старой привычке гулко ухнуло. Трахеостомической трубки у него не было, но в старых запасах обнаружилась интубационная. Он вставил ее в трахею и принялся шивать кожу. Конец трубки торчал из горла, и хирург стежок за стежком прикреплял его к коже. Нить скользила по гладкому пластику, некоторые петли провисали. Все-таки интубационная трубка не приспособлена для таких процедур. Он постарался закрепить ее как можно надежнее.

Потом снова принялся за гортань, стал зашивать разрезанные хрящи. Работа медленная, кропотливая: быстрее не получится, как ни пытайся. А ведь еще предстояло зашивать другие вены и артерии. Он брался за них бережно, обнадеживая себя мыслью о том, что главное сделал и теперь доводит до ума второстепенное. Жизнь и смерть женщины зависели от того, уцелеет ли шов на сонной артерии, в этом он даже не сомневался. Он чувствовал себя каменщиком, который промазывает глиной тончайшие трещины в пробитой плотине, словно его усилия каким-то чудом помогут восполнить ущерб от зияющей посередине бреши. Хирург часто моргал, отгоняя сон, один за другим сшивал кровеносные сосуды, какие-то соединял, какие-то перевязывал, оставляя слепые обрубки.

Наконец работа была закончена, осталось лишь наложить шов на оторванный лоскут сонной артерии. Завязывая последний узел, хирург невольно поежился. Но выбора у него не было: можно, конечно, не зашивать, оставить все как есть, но ни в одном из двух миров этот выбор нельзя было бы назвать лучшим. Дело собственных рук вызывало у него жгучую досаду: куда испарилось былое мастерство? Артерию перекосило. Хирург подумал, что, наполнившись кровью, она сразу же лопнет — или, чего доброго, в ней образуется тромб.

Он соединил разорванные мышцы и ткани. Разрез изначально не отличался аккуратностью, так что пришлось зашивать, как есть, по контуру,

начертанному убийцей. Неровные ряды стежков выглядели точно железнодорожная колея, проложенная свихнувшимся инженером, швы пересекались под причудливыми углами. Если артерия порвется, этой штопке нипочем не сдержать напор крови.

Может, хоть мужа ее удастся спасти, чтобы мальчишка не остался один.

Хирург на миг позволил себе мысль, показавшуюся ему самому неприемлемой: наверное, было бы лучше напортачить, и пусть бы все трое погибли. Тогда, по крайней мере, они соединились бы на том свете. И с рассветом все было бы конечно. Мертвые вернулись бы туда, где им и место, живые оплакали бы их и со временем позабыли. А он бы заснул, сомкнул веки и заснул, и мир его погрузился во мрак и тишину. Ведь это так просто: разрез-другой, пара-тройка поврежденных судов. Столько народа мрет каждый день, трупом больше, трупом меньше, какая разница? И он еще сделал бы им одолжение, избавив от агонии. В конце концов они были бы ему благодарны, да и, по-хорошему, нечего им тут делать. Этот мир для живых, и мертвцам не следовало в него соваться, отравлять живым дни и ночи, мешать работать и отдохнуть. Надо было выгнать их в темноту, уговорить уйти из деревни, обмануть, если уж на то пошло, и пусть бы упали замертво. Тихий безболезненный конец. Между прочим, не всем везет уткнуться в невидимую стену, совлечь с себя кожу и броситься в объятия смерти, которая с радостью примет

усопших, чтобы живые и дальше жили, спали, отыхали.

Страшно даже представить, на какие мысли и дела он, оказывается, способен, чтобы умилостивить демонов усталости.

Операция завершилась. Хирург снял простыню, помог женщине сесть, поддерживая ее затылок, чтобы швы на горле не разошлись. Пе-ребинтовал ей шею, закрепил лейкопластырем трубку для интубации, так что горло выглядело теперь почти вдвое толще, чем прежде. Трубка торчала, точно хобот, прыгала с каждым движением подбородка. Хирург прикрутил к трубке дыхательный мешок, сдавил его, запуская внутрь воздух, выслушал стетоскопом легкие пациентки, чтобы убедиться, что они наполняются с каждым вдохом.

— Страйтесь как можно меньше двигаться. Я наложил швы, чтобы закрепить трубку; выпасть она не должна, но все равно будьте осторожны. От нее зависит, будете ли вы дышать.

Хирург принялся собирать и вытирая инструменты, лишь бы не встречаться взглядом с женщиной, которая после его слов не двинулась с места. Он чистил подносы, она же сидела так смирно, что дольше отмалчиваться было для него немыслимо. А поскольку предугадать, как станут развиваться события, и обнадежить пациентку было невозможно, сказал лишь:

— Операция закончена. Идите. Я сделал что мог.
Лицо ее окаменело.

— Я не боюсь смерти, доктор-сагиб, — ответила женщина. — Только спасите моего сына и еще не-рожденного ребенка.

Хирургу показалось, что стены операционной, из желта-серые в призрачном свете, вот-вот его задавят. Усилием воли он отогнал приступ клаустрофобии: хотелось света, воздуха, дуновения ветерка, но все это было не в его власти — впрочем, как и остальное. Он помог женщине спуститься с операционного стола.

ДЕСЯТЬ

Аптекарь выстирала простыни, вымыла инструменты после мальчика и сунула в барабан автоклава. Закрутила винты на крышке, нажала выключатель на стене — загорелась красная лампочка. Датчик температуры сломался, стрелка застыла на пятидесяти градусах, и аптекарь, послюнив кончик пальца, несколько раз потрогала барабан, чтобы проверить, нагревается ли. Наконец из барабана с шипением повалил пар, и она вытерла палец о платье.

Больше ей делать было нечего. Сагиб велел ей пойти отдохнуть, пока он будет оперировать мать мальчика. Аптекарь ушла в дальнюю комнату, затворила дверь, подумав, заперла задвижку, но осторожно, чтобы не услышали мертвецы.

В комнате стояли две койки — простые железные рамы с проржавелой сеткой и слежавшимися матрасами. Простыни протерлись до дыр. Аптекарь поискала в шкафу белье поновее, но все оно было ветхое. Тогда она выбрала простыню, которая казалась чище других, застелила матрас. Вытащила одеяло снизу из стопки в шкафу. Оно было довольно-таки шершающее и пахло нафталином, но аптекарю не раз доводилось отстирывать их от всех мыслимых человеческих выделений, и она знала, что это — самое чистое.

Она легла на койку. Рама громко скрипнула в тишине, и аптекарь испугалась, что железная

сетка того и гляди порвется. Девушка закрыла глаза, стала дышать медленно и глубоко, чтобы скорее заснуть. Но время шло, а ей все не спалось: наверное, из-за ветра и луны, подумала она, приподнялась на локте, захлопнула окно, закрыла ставни и спрятала голову под одеяло.

Все тело болело. Аптекарь ворочалась с боку на бок, чувствуя каждый бугорок в матрасе. Колесики в голове и не думали останавливаться. Чем крепче девушка зажмурировала глаза, тем больше ей казалось, будто она выжимает из них сон; мешал и запах нафталина, исходивший от одеяла. В конце концов она сдалась, откинула одеяло и уставилась на стену в изножье кровати.

Там висел календарь с изображением богини Дурги над днями месяца. Когда аптекарь только-только начинала работать в лечебнице, она подумывала попросить мужа прибить к этой стенке полочку, расставить на ней статуэтки Ганеши и маленького Кришны, повесить изображение Витхобы и, может, Саи Бабы. Но сагиба раздражало малейшее упоминание о религии, и девушка отказалась от этой затеи. Однако отсутствие в лечебнице богов ее беспокоило: ей казалось, что там, куда людей сгоняет страх смерти, обязательно должен быть источник надежды. И в один прекрасный день, когда она ходила по местному рынку, ее осенило: нужно купить календарь с изображением различных божеств на каждый месяц. Двенадцать богов по цене одного. Да и сагиб не сможет против этого возразить.

Она села в изножье кровати и, приблизив лицо к самому календарю, уставилась на изображение Дурги. Даже в темноте можно было разглядеть десять рук богини с оружием в каждой, ее большие глаза и льва, на котором она восседала. Копье богини вонзилось в живот корчившегося у ее ног демона, кровь его хлынула льву на лапы. Жестокая картина, но лицо богини излучало умиротворение: казалось, она и не замечает свою жертву. Наверное, таковы все боги: они вершат кровавую расправу, сохраняя абсолютное спокойствие.

Календарь висел неровно на гвозде. Аптекарь выпрямилась, огляделась. Сквозь дыру в двери, где некогда была ручка, сочился свет. Девушке еще не доводилось видеть дверь вот так, когда в палате темно, а в коридоре горит свет. Она встала с койки, прокралясь к двери и осторожно выглянула в дырку, стараясь, чтобы мертвые ее не заметили.

Мальчик сидел на скамье, привалившись к отцовскому плечу. На колене у ребенка, чуть ниже края шортов, виднелся шрам — давний, заживший, не то что раны, с которыми семейство пришло к сагибу. Отец укачивал сына, мурлыкал себе под нос мотив колыбельной, иногда произносил вслух слово-другое. Зачем ему колыбельная, ведь мертвые не спят? Может, так они проводили время на той загробной равнине — укачивали друг друга, напевая, не в силах заснуть, но не в силах и перестать мечтать о сне?

Аптекарь встала с койки, снова посмотрела на календарь, сложила ладони перед губами, пробормотала короткую молитву, после чего отодвинула засов и толкнула дверь. Мужчина замолчал. Мальчик убрал голову с отцовского плеча и выпрямился, словно боялся, что ему скажут: ты ведешь себя как ребенок. Девушка покосилась на них и тут же отвернулась, заметив, что они тоже смотрят на нее. За все то время, что мертвецы провели в лечебнице, она не сумела заставить себя сказать им хоть слово. Когда заявился пьянчужка, она лишь отчаянно замахала руками, прогоняя их в дальнюю комнату.

Она юркнула в аптеку, пробираясь ощупью в темноте и стараясь не задеть пустые коробки, которыми сдуру загромоздила полки. Одна стопка чуть не рухнула, но аптекарь успела ее подхватить. Сердце у нее колотилось. Она кралась по комнате, ощупывая ногой пол, и остановилась, уткнувшись в каменное возвышение. Глаза ее уже привыкли к темноте; девушка взяла в руки стоявшую на камне плитку и легонько ее встрихнула. Керосина внутри еще оставалось достаточно. Аптекарь открыла стоявшую у стены бутылочку со спиртом, принялась дрожащей рукой наливать его в емкость под горелкой и немного разлила. Первая спичка сломалась в ее пальцах, вторая и третья никак не желали загораться; с четвертой спички аптекарю удалось поджечь спирт. В горелке под почерневшим медным кольцом вспыхнул огонек; девушка подкачала чуть-чуть керосину.

Наконец керосин нагрелся достаточно, вспыхнул, и над плиткой взметнулись язычки синего пламени.

Горелка негромко гудела; аптекарь сидела, смотрела на кольцо огня. В темноте казалось, будто оно висит в воздухе. Даже не верилось, что такая красота способна обжечь. Так и хочется зачерпнуть пламя ладонями, спрятать в карман, подумала девушка.

Аптекарь нашарила под плиткой миску с крышкой, которую спрятала там днем. В миске еще оставалось немного бхинди⁸. Девушка набрала половину медной мисочки, поставила на огонь. Остальное — сагибу: вдруг тоже проголодается. Как хорошо, что она догадалась напечь к обеду побольше чапати. Она развернула две лепешки, хотела намазать сливочным маслом, но не сумела вспомнить, куда поставила банку, а свет включить не решилась, чтобы не привлекать внимание мертвцев.

Она положила чапати без масла к бхинди и усилась на пол, скрестив ноги. В проникавшем из коридора лучике света ей была видна миска. Некогда дед учил аптекаря пережевывать каждый кусочек тридцать два раза, по одному на каждый зуб. На такие церемонии есть время разве что у стариков, но сейчас можно было и попробовать. Чем дольше она жевала бхинди, тем более липким и безвкусным оноказалось. Чего-то в нем недоставало — то ли соли, то ли имбиря, хотя днем было

⁸ Блюдо из обжаренной бамии с различными добавками.

вкусно. Но девушка была голодна, а потому доела все, что лежало в миске, и вытерла ее куском чапати, после чего тихонько ополоснула под краном.

Аптекарь подумала, что заснуть ей вряд ли удастся, как ни пытайся, вышла в коридор, уселись на скамью напротив отца с сыном и зажала руки между коленками. Мертвые смотрели на нее; у лампы дневного света над их головами жужжали насекомые.

— Я... я бы вам тоже предложила поесть или хотя бы чаем напоила, дала бы вашему сыну печенье. Но сагиб сказал, что в вашем положении нельзя...

— Мы не едим, — перебил учитель. — И не нуждаемся в пище. Но все равно спасибо. Поедим, когда будем живы, — и он похлопал сына по плечу.

— Если вам что-нибудь нужно, зовите, я буду...

— Извините меня за... за то, что я сделал.

— За что же?

— За то, что я схватил вас и зажал вам рот. Я не хотел причинить вам боль. Испугался, что вы закричите.

— Я и кричала. Только молча.

Мужчина кротко улыбнулся.

— Надеюсь, вы нас больше не боитесь.

Аптекарь крепче прижала друг к другу ладони.

— Нет, уже не боюсь.

Больше ей сказать было нечего, да и учителю, видимо, тоже. Она встала.

— Вы в городе учились?

— Я?

— На аптекаря. В университете?

— Да я, в общем, никакой и не аптекарь. Образование у меня среднее, специального не получала. Просто сагибу нужен был помощник, а кроме меня, в деревне никого не нашлось. Вот мы с мужем ему и помогаем. Сагиб записал меня аптекарем, чтобы контора выплачивала мне зарплату.

— Правда? Никогда бы не подумал. Вы так уверенно ассистировали ему во время операции, мне показалось, вы знаете все инструменты, сагибу даже ни разу не пришлось ничего вам объяснять. Сколько же вы с ним работаете?

У аптекаря горели уши. Она села обратно на скамью.

— Два с половиной года. С тех самых пор, как вышла замуж и переехала в эту деревню. Сагиб искал помощника, который умеет читать и писать. Английского я не знаю, но сагиб научил меня, как называются лекарства и инструменты. Он записывает названия, а я каждое утро их повторяю. Сразу после молитв.

— Давно здесь сагиб?

— На полгода дольше, чем я.

— Всего-то? А до него кто был?

— Да никого. То есть был врач, но сельчане говорили, мол, что он есть, что его нет. Приезжал два раза в месяц, записывал что-то в бухгалтерских книгах и уезжал. И так много лет. Власти это не волновало. А потом тот доктор исчез, уж не знаю, что с ним случилось, и прислали сагиба. Он просиживал в лечебнице дни

напролет, даже если не было пациентов. Сельчане сперва не знали, что думать. Боялись, что он обманом вырежет у них органы и продаст богатым. А зачем еще доктору переезжать из города в глухую деревню? Сагиб платил моему мужу за то, что тот чинил трубы и проводку, а когда после свадьбы я перебралась сюда, нашел работу и для меня. Раньше-то здесь было пустым-пусто, голые стены да паутина. А теперь красота, — девушка указала на потолок, приглашая мертвых убедиться, в какой чистоте она содержит лечебницу.

Раздался пронзительный свист, аптекарь подпрыгнула и едва не упала со скамьи. Но это был всего лишь автоклав. Учитель с сыном тоже вздрогнули; мальчик первым оправился от испуга, рассмеялся и шлепнул отца по руке — мол, трусишь, как мышь. Аптекарь невольно уставилась на их подошвы.

Учитель пошевелил пальцами ног:

— Нет, мы не ходим пятками вперед.

Девушка смущенно прикрыла рот рукой:

— Я ничего... мне просто мама говорила, много лет назад...

— Да-да, я тоже слышал такие истории. Якобы призраки ходят пятками вперед. И боятся зеркал, потому что не отражаются в них. Можно подумать, жизнь и смерть настолько просты: переверни любую мелочь вверх ногами, и живое становится мертвым. Все эти байки про призраков — самые обычные рассказни.

— Смейтесь, если хотите, но наверняка в них есть и правда. Я собственными глазами видела привидение. Неподалеку от деревни моих родителей стоял полуразрушенный дом. Крыша провалилась внутрь, лианы опутали стены. Раньше там жил мужчина, который обманул многих женщин: он женился на них, а в первую брачную ночь убивал, можете себе представить? И каждый раз брал себе новое имя. Говорят, он успел погубить десять женщин, но в конце концов его поймали и повесили. Жены же его остались в том доме, хотя трупы их давно сожгли, а прах развеяли. Их души искали невинных жертв, чтобы отыграться за зло, которое причинил им тот демон. Честное слово, я сама с ними сталкивалась. Как-то раз, несколько лет назад, я поздно вечером возвращалась домой и услышала такой вопль, что у меня потом несколько дней звенело в ушах. Я увидела женщину в красном сари, очень бледную... лицо ее было белее молока и раздулось, как воздушный шарик. Она парила в воздухе над крышей и прыгнула на меня. Я так припустила, что даже не заметила, как порезала ногу стеклом — вот до чего испугалась. Мама говорит, в мире полно вещей, которые никто не может объяснить.

Аптекарь примолкла, спохватившись, что вряд ли стоило рассказывать такие ужасы при ребенке, но мальчик, похоже, ничуть не испугался. Он ковырял деревянную скамью ржавым гвоздем, который неизвестно где нашел. Наверное, ему доводилось видеть и не такое. Странно, подумала

девушка, приходится убеждать мертвецов в том, что призраки существуют. Когда она договорила, учитель кивнул с серьезным видом, точно был согласен с ее матерью. Есть многое на этом свете — а впрочем, и на том, кто знает? — чего никто не может объяснить.

— Вы уж не сердитесь, что вам приходится с нами возиться, — сказал учитель. — Что мы явились к вам в таком состоянии.

— Нет-нет, я вовсе не это имела в виду. Вы не такие призраки, я же понимаю. И за меня не беспокойтесь. Подумаешь, одну ночь не посплю: ничего страшного. Иногда приходится, если у нас тяжелые пациенты.

Сквозь открытые двери в лечебницу влетело пепрышко; ветерок отнес его к самым дверям операционной. Учитель проводил его глазами.

— Бог даст, все будет хорошо, — утешила его аптекарь.

— Надеюсь. Теперь все в руках доктора-сагиба.

— Сагиб что угодно вылечит. Сколько людей к нам приходило, совсем больные, с такими распухшими ногами и животами, что стоять-то не могли. А сагиб принимался за дело, и через несколько дней они уходили от нас на своих ногах. Ему под силу вылечить что угодно.

Мужчина печально улыбнулся.

— А мертвецов лечить ему доводилось? Возвращать к жизни трупы?

— Не теряйте веры. Вы уже наполовину живы. А сагиб позаботится о другой половине.

Учитель уставился на свои ладони, точно хотел разобрать начертанное на них, и аптекарь, улучив минуту, сменила тему:

— Вы узнали, кем были в прошлых жизнях?

Учитель не ответил, и она добавила:

— Наш семейный астролог говорил, что, когда мы рождаемся, наши души обо всем забывают и мы каждый раз живем как впервые. Но на самом деле у нас было много жизней. Сотни. И когда мы умираем, вспоминаем их все. Это правда?

— Как вам сказать. Не уверен. Может, конечно, и так, но мы ничего не вспомнили, по крайней мере, я не помню прежних жизней.

— Правда? Может, память возвращается не сразу.

— Вполне возможно. Как знать?

— Наш астролог говорил мне, что в прошлой жизни я была преданной женой. В той жизни мой муж тяжело болел, был с детства прикован к кровати, и я ухаживала за ним день и ночь, мыла его и до последнего чистила его раны. Я, разумеется, ничего этого не помню, но астролог составил для меня карту и там все прочел. Он сказал, что, поскольку я верно служила мужу и никому не делала зла, в следующих жизнях буду пожинать плоды своих добрых дел. Все это он рассказал мне перед помолвкой, я тогда еще и лица мужа не видела. Астролог сравнил наши гороскопы и сообщил моему отцу, что мы с мужем созданы друг для друга и в этой, и в следующих жизнях. Я обо всем об этом позабыла и вспомнила лишь теперь,

когда мы прятались от пьянчуги. Я лишь хочу вам сказать, что сегодня поняла, почему астролог отвел меня в сторонку и все это рассказал, хотя я ни о чем его не спрашивала. Должно быть, он увидел в моей карте, что однажды мне будет очень страшно и захочется убежать, но это окажется испытанием, которое посыпают мне боги, чтобы проверить, сумею ли я служить другим и в этой жизни, как в прошлой. Астролог хотел, чтобы я знала: благодаря моим добрым делам ничто не сможет причинить мне зла. И я решила, что мне нечего опасаться. Я помогу вам вернуться к жизни, сделаю все, что в моих силах, чтобы сагиб закончил работу. Теперь я понимаю, что мне не надо бояться ни за себя, ни за мужа.

Лицо учителя исказила гримаса, у него задрожали губы. Аптекарь не поняла, что в ее словах так его взволновало. Мужчина хотел было что-то сказать, но тут лязгнула задвижка, и дверь операционной отворилась. Аптекарь вскочила на ноги, а за ней и учитель с сыном. Учитель уставился на нее, и взгляд его она разгадать не смогла. Странный он все-таки, подумала девушка, но учитель уже отвернулся от нее и бросился к дверям операционной, откуда вышел хирург, а за ним и жена учителя. Оба двигались неуклюже, точно картонные. Аптекарь едва не ахнула, увидев забинтованную шею женщины.

Учитель взял жену за руку.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — лицо женщины оставалось совершенно бесстрастным.

— Точно? Тебе не больно?

— Нет. Не больно.

— Осторожнее, — предупредил хирург. — Другой конец трубки у нее в трахее: утром это поможет ей дышать.

Наверное, ей будет больно, подумала аптекарь. Ведь даже взрослый человек падает на колени и заходится кашлем из-за попавшей в дыхательное горло крошки, а тут целая пластмассовая трубка. И сагиб словом не обмолвился, как прошла операция. Не сказал, выживет ли пациентка. Они провели в операционной три часа, а он упомянул лишь о трубке да о повязке на горле.

— Тебе не больно из-за трубки? — снова и снова спрашивал учитель, на что жена его каждый раз отвечала, отводя глаза: «Нет, не больно». Мальчик теребил мамины пальцы, но и на него она старалась не смотреть. И тогда аптекарь, как ни боялась прикасаться к мертвым, дотронулась до плеча мальчика. Под его футболкой прощупывались кожа, кость, мягкая плоть, совсем как у живого ребенка. Девушка задержала пальцы на его плече, набирайась смелости, чтобы положить на плечо всю ладонь, успокоить мальчика, но тот обернулся и взглянул на нее с таким гневом и возмущением, так сердито стряхнул ее руку, будто готов был влепить ей пощечину. И аптекарю тотчас же показалось, что после их разговора с мертвецом прошло уже много лет, больше,

чем после того случая, когда она увидела парящий над домом призрак женщины. Тут хирург велел убрать инструменты и заменить их на чистые, и аптекарь радостно воспользовалась предлогом уйти из коридора.

Она натянула перчатки, взяла стерилизационный барабан и вошла в операционную, готовясь увидеть там бог знает что. В животе у мальчика было столько крови, что к концу операции на подносе высилась горка сгустков. Словно тут резали коз и цыплят для жертвоприношения и разбрасывали их внутренности по всей комнате.

На этот раз простыни остались чистыми. На скальпелях, зажимах, лотках виднелись редкие следы крови. Аптекарь всегда полагала, что количество крови на инструментах свидетельствует о том, как проходила операция. Видимо, с мертвыми это правило не действовало, как и остальные.

Она собрала инструменты и простыни, ополоснула под краном и сложила слоями в барабан. Взглянув на мертвых сквозь щель в двери, на цыпочках подошла к автоклаву. Стоявший внутри барабан почти остыл, она вынула его и заменила на новый. Тут из приемной вышел хирург с узко-горлой стеклянной банкой, накрытой резиновой крышкой; банка была наполовину наполнена водой. Аптекарь видела ее и раньше в шкафу, не раз вытирала вокруг нее пыль, но теперь банка выглядела как-то иначе. Ах да, сагиб проделал в крышке две дырочки и сунул в них пластмассовые трубы.

Хирург забрал у нее стерилизационный барабан, ногой открыл дверь операционной и замер на пороге, спиной к остальным.

— Моя очередь, — сказал учитель жене и сыну, последовал за хирургом, и дверь операционной закрылась за ними.

На скамье под лампой дневного света остались только мать и сын. Аптекарь стояла на другом конце коридора. Лампочка у нее над головой перегорела. Девушка и сама чувствовала себя призраком, вот так затаившись в тени и следя за мертвыми.

Мальчик разглядывал торчашую из маминой шеи трубку.

— Доктор-сагиб сказал, она поможет тебе дышать. Это правда?

— Раз он сказал, значит, правда.

— А почему тебе он поставил трубку, а мне нет?

— Потому что меня ранили в шею. Воздух, которым мы дышим, проходит через горло, вот здесь.

— И у папы будет трубка?

— Не знаю. Вот закончится операция, тогда и увидим.

— То есть ты без трубки не сможешь дышать?

— Сагиб поставил ее на всякий случай.

— Она хорошо держится?

— Наверняка.

Ее ответы, похоже, не убедили сына, он скрестили руки на груди и надул губы.

Аптекарь так крепко прижималась к стене, что у нее заныли плечи. Автоклав за ее спиной не посвистывал, как обычно, а шуршал. Может,

она неплотно закрыла крышку? Девушка послюнила палец, дотронулась до автоклава, и ее как то-ком ударило: он оказался раскаленным.

Аптекарь подавила крик, рвавшийся из груди, и так сильно сжала кулак, что обожженный палец онемел. Из глаз у нее брызнули слезы.

Ребенок что-то говорил: мертвецы так ее и не заметили. Аптекарь прислушалась, не обращая больше внимания на ожог.

— Ай⁹, я хочу снова почувствовать вкус еды, — мальчик приник к матери.

— Да, — у женщины осекся голос. — Я и сама хочу тебя накормить. Когда мы все выздравеем, я приготовлю тебе лучшее блюдо.

— Ты приготовишь мне барашка?

— Да, сыночек, приготовлю. Как ты любишь — острого, в кокосовом молоке.

— И солкадхи¹⁰ сделаешь?

— Конечно, сделаю. Кислый-прекислый, как ты любишь.

— И манго будем есть?

— Да, свежие манго. Ты наешься ими до отвала и заснешь прямо за столом, а я вымою тебе рот и руки и отнесу тебя в кровать.

Женщина обняла сына и уставилась вдаль, в открытые настежь двери лечебницы. Казалось, она молится то ли богу, то ли звездам.

Мальчик положил голову на ее округлившийся живот.

---

⁹ Мама (на языке маратхи).

¹⁰ Солкадхи — напиток из кокосового молока и гарцинии индийской.

- А вдруг мы оживем и снова умрем?
- Почему ты об этом спрашиваешь, сынок? —
Она вынула веточку, застрявшую у него в волосах.
- Вдруг на нас снова нападут и мы опять умрем?
- Не нападут, я обещаю. Те люди были плохие, но они сейчас далеко.
- А если в этой деревне тоже живут плохие люди? Вдруг они не захотят, чтобы мы здесь жили.
- Не говори так, сынок. Не все люди плохие. В основном они добрые, стараются помогать другим, даже незнакомым.
- Но ведь есть и плохие. Как мы узнаем, кто плохой, кто хороший?
- Бог позаботится о нас. Он защитит нас.
- А ангел тоже нас защитит?
- Обязательно. Папа ему очень верит.
- Женщина перевела взгляд с лица сына на деревню у подножия холма.
- Это, кажется, школа, — сказала она. — Там ты будешь учиться, а папа работать.
- Мы не вернемся домой?
- Ты же знаешь, нам запрещено уезжать из этой деревни. Подрастешь, поймешь, а пока поверь нам с отцом на слово. Выходить за пределы деревни нельзя ни в коем случае, ни на секунду. Даже если увидишь гору золота и бриллиантов.
- Но где же мы будем жить?
- Сагиб добрый человек, он нам поможет. Да и сельчане нас не оставят. Конечно, нам будет непросто, ведь денег у нас нет, на первых

порах придется жить чужой милостью. Но ты уже большой мальчик и не станешь капризничать, если не получишь всего, что хочешь. Когда-нибудь у нас будет свой дом. Вот здесь, у подножия холма.

— А это храм? — мальчик указал в темноту; со своего места аптекарь разглядела в лунном свете трепещущий над храмом флаг. У мальчика зоркий глаз.

— Наверное. Похоже на то, — ответила мать. — Каждое утро мы будем ходить туда молиться. Сплетем венки из твоих любимых белых цветов. Интересно, какие там статуи. Хорошо бы каменные: железные мне не очень-то нравятся...

Мальчик вскочил, подошел к матери, прильнул сперва лбом к ее лбу, потом левой щекой к ее правой щеке:

— Я буду за тобой ухаживать, ай. Я понимаю, тебе больно, но я буду за тобой ухаживать.

Мама взяла его лицо в ладони.

— Знаю, миленький, знаю, — с этими словами она прижала сына к груди.

Наблюдавшая за этой сценой аптекарь заметила в лице женщины нечто странное, неестественное, хотя сперва и не поняла, что именно. Тут по ее собственной щеке скатилась капля, и девушка догадалась: глаза несчастной были сухими, как пергамент. Они оставались сухими, пока женщина укачивала сынишку, хотя грудь ее сотрясали рыдания. И аптекарь позволила себе расплакаться, дать волю слезам, которые

покойница и рада была бы пролить, да не могла, поскольку мертвые лишены не только крови, но и слез.

ОДИННАДЦАТЬ

Даже в операционной за закрытой дверью учитель не задал вопрос: «Она будет жить?», так что хирургу не пришлось отвечать: «Не думаю». Мертвец снял рубашку, уселся на операционный стол, хирург вставил в уши стетоскоп.

С правой стороны грудной клетки, в том месте, где виднелась рана, легкое не наполнялось воздухом. Хирург пальцами постучал мужчину по груди; звук был глухой, как будто он постучал по камню.

— У вас кровоизлияние в грудной полости. Какой длины было лезвие?

Учитель развел большой и указательный палец дюймов на шесть. Хирург перевел взгляд на рану, и мертвец тут же поднес вытянутые пальцы к груди. Большой палец касался разреза со стороны ребра, указательный уперся в грудину. Если нож с таким длинным лезвием всадили по рукоятку, могли задеть любые органы. Хирург почесал щетинистый подбородок, потер вспухший на скуле желвак.

Он велел учителю лечь на бок, спиной к нему, и заложить правую руку за голову. Взял бритву, которую оставил на полке. К ней прилипли длинные тонкие пряди волос с затылка женщины. Хирург разобрал бритву, вымыл, вставил

новое лезвие и аккуратно побрил мужчине подмышку и правую часть грудной клетки, оставив вокруг раны широкую броволосую полосу. Потом смазал кожу йодом, прикрыл пространство сверху и снизу от раны простыней, оставив лишь сам разрез.

— Задержите дыхание.

Грудь под простыней замерла. Хирург поднес скальпель к коже и расширил рану в обоих направлениях — к грудине вдоль ребер и в обратную сторону, под лопаткой, потом вверх, вдоль позвоночника. Поскольку учитель заложил руку за голову, натянувшаяся кожа мгновенно разошлась под скальпелем.

— На ярмарке был хиромант, — сказал учитель; грудная клетка его не шелохнулась — получается, он тоже мог говорить, не дыша.

— А?

— Извините. Если хотите, я буду молчать...

— Нет-нет, продолжайте. Так вы говорили?

— На ярмарке, в тот день, когда это случилось, мы пошли к хироманту.

— Неужели вы верите в эти вещи?

— Я-то нет, сагиб, что вы. Но жена раньше верила. А может, верит и сейчас, даже после всего.

— И что вам сказал хиромант?

— Что у нас троих прекрасные линии жизни, длинные, непрерывные до самого запястья.

— Попросите его вернуть вам деньги.

— Он сидел на циновке, сагиб, под потрепанным зонтом от солнца. Вокруг него лежали

пыльные картонки с нарисованными ладонями, линиями и числами.

— Вам стало его жаль?

— Он был в обносках, старый, усталый... может, не ел с утра. Люди проходили мимо, не глядя на него. Мы и дали-то ему всего ничего, несколько рупий. Он говорил с моим сыном ласково, будто с собственным внуком.

— Да уж, главное — декорации, — процедил хирург. — Посади старика на циновку, никто на него не посмотрит. Посади его в лечебницу, и ангелы направят к нему пациентов.

Он закончил резать подкожный жировой слой, отодвинул мясистую мышцу, что пересекала грудную клетку, а другие разрезал, стараясь не повредить нервные окончания. Потом разрезал мышцы, которые держали ребра вокруг раны, до плевры внутри ребер. Раньше у него был ранорасширитель, но где-то с год назад аптекарь его уронила, и он разился, а покупать новый хирург не видел смысла. Сейчас он раздвинул ребра руками, словно разъял костлявые губы утробы. Внутри грудной клетки все оказалось именно так, как он и предполагал.

— Тут полно крови.

— Это можно исправить?

— Пока не знаю.

Если задето сердце или одна из окружающих его артерий, пиши пропало: под рукой нет ничего, чтобы исцелить такую рану. Но крови слишком много. Не один литр, оценил он на глаз. Она мешает обзору.

Лицо учителя прикрывал край простыни; лежавший спиной к хирургу мертвец явно не чувствовал боли. Интересно, ощущает ли он хоть что-нибудь, подумал хирург, сохранилась ли чувствительность в органах, которые сейчас рассекает скальпель, или можно вырезать любой орган, разъединить кости, оставить от мертвеца одну лишь голову, да и ту расчленить — щеки, губы, язык. Будет ли и тогда череп разговаривать?

— Вашим сельчанам очень повезло, сагиб.
— Почему это?
— Немногие деревни могут похвастаться тем, что у них есть хирург такого уровня, как вы. В городе платят куда больше, а вы все равно приехали сюда, чтобы служить беднякам.

Хирург принялся очищать внутреннюю часть грудной клетки; удерживать ребра и одновременно удалять сгустки крови без ранорасширителя или ассистента оказалось не так-то просто. Можно, конечно, удалить одно ребро, но не стоило возиться. Слава богу, что мертвец худой: хоть не пришлось пробиваться сквозь слой жира.

— Мало кто, как вы, сагиб, готов пожертвовать собственным комфортом ради других. Все заняты своими делами и интересуются только наживой. Сплошь эгоизм и жадность.

Учитель примолк, задумался над собственными словами.

— Но кто я такой, чтобы судить других? Я ведь и сам хочу жить. Жить на земле, даже после смерти. Единственное, чего не получить никому. Может,

это как раз и есть самая настоящая жадность, хуже, чем жажда славы или наживы.

Хирург улыбнулся.

— Оставьте философию старикам. А вы еще слишком молоды для подобных мыслей. Оставьте их таким, как я.

— Знаете, как говорят: философия для тех, кто сражается со смертью. А раз так, то я в этом смысле, как никто другой.

Манжеты и рукава хирургического халата были в крови. Края разреза смыкались вокруг запястья врача всякий раз, как он запускал руку в грудную клетку пациента и с хлюпаньем извлекал оттуда очередную пригоршню сгустков, блестящих темных комков и нитей, так и норовивших выскользнуть из его рук, затянутых в перчатки. Как ни старался хирург, что-то все равно падало. Надо будет потом вымыть пол, подумал он, иначе наследим по всей лечебнице.

— У сына разболелись ноги, — продолжал учитель. — Он хотел поехать домой с ярмарки на рикше, но я пристыдил его: «Ай-яй-яй, такой большой мальчик может и пешком дойти, не так уж тут далеко».

— Не говорите так. Вы ни при чем. Не вините себя.

— Если бы я только его послушался, сагиб, если бы остановился и подумал. Ведь уже темнело, да и жене моей не следовало бы идти пешком, в ее-то положении. Но я не подумал. Не подумал, и все тут.

Хирург смекнул, к чему он клонит, и решил, что велит учителю замолчать — дескать, нельзя болтать во время операции. Но момент для этого был упущен, и мертвец продолжал говорить. Рукой в окровавленной перчатке хирург взял его за плечо, хотя прекрасно понимал, что тот не чувствует его прикосновения, как не почувствовал, когда хирург разрезал его кожу и копошился во внутренностях.

— Они заломили мне руки, сагиб. Удерживали меня шутя, как малого ребенка. И стали нас грабить. «Берите все, — взмолился я. — Берите ее мангалсугту и браслеты. Берите мое кольцо и часы. В моем кошельке жалованье за неделю. Возьмите его. Мы не будем сопротивляться, не издадим ни звука». А они все равно пырнули нас ножом. За что, сагиб?

Я видел, как они скалили зубы. Улыбались. А потом боль... мне еще никогда не было так больно. С каждым вдохом мне казалось, будто у меня вырывают ребра. Одежда жены пропиталась кровью. Сын лежал на земле, держась за живот: «Папа, больно, больно». Те люди уже убежали. А я пытался вдохнуть, пытался остановить кровотечение у жены. Представляете, сагиб? Но ее кровь текла сквозь мои пальцы, обжигала, как кипяток. Представляете, сагиб? Лицо ее покраснело, глаза закатились, и мой ребенок... наш ребенок, наш малыш, который вот-вот должен был родиться... мы ведь даже придумали имена — и для мальчика, и для девочки... он умирал у нее в животе, а я ничем не мог

помочь. Даже не мог опуститься на колени и заплакать. Сын закричал, и я оставил ее. Она умерла. Я ничем не мог ей помочь, и я оставил ее.

Футболка его была насквозь мокрая. Я схватил его за руки, попытался поднять моего мальчика — раньше-то я с легкостью сажал его к себе на спину, а тут едва сумел оторвать от земли. Кто знает, сколько времени мы так просидели... было очень темно, улица качалась перед глазами, словно мы шагали по канату. А потом я упал, обнял сына и прошептал ему на ухо: «Не бойся, подмога близко, я с тобой». Да, сагиб, я был рядом с ним, но что мне оставалось, кроме как наблюдать? Мальчик мой уже не дышал у меня на руках, а я ничего не мог поделать. Не дай бог ни одному отцу пережить такое, сагиб, чувствовать то, что чувствовал я. Я попытался крикнуть, но в легких не было воздуха. Да и кто бы нас услышал? Я ощущал лишь ненависть, ничего, кроме ненависти. И сильнее всего ненавидел даже не наших убийц, а хироманта с ярмарки. Этот бедный старик ничего нам не сделал, но когда грудь мою так сдавило, что невозможно стало дышать, я думал лишь о его обещаниях, о том, как он уверял, будто бы у нас длинные линии жизни. А потом я умер.

Голос мертвеца звучал глухо, точно учитель старался подавить охватившие его чувства. Лица хирург толком не видел, только ухо да край щеки: остальное скрывали тень и простыня. Слов утешения у него не нашлось, и в операционной повисла тишина. Слишком уж мучительной и страшной

была исповедь, и хирург не отважился нарушить молчание: казалось, любые слова лишь разбередят душевные раны.

— Мы столько перестрадали, сагиб. Мне очень стыдно, что мы доставили вам массу хлопот, и этой девушки, и ее мужу, но поймите, ради бога, мы столько перестрадали.

Хирург выпустил плечо мертвеца и снова сунул руку в его грудную клетку. Скопившиеся в ней сгустки крови производили впечатление столь же жуткое, как и его рассказ, но хирург, по крайней мере, знал, что с ними делать. Он вынимал их и стряхивал на поднос.

— Я приехал сюда не для того, чтобы служить беднякам, — признался он наконец.

Учитель чуть повернул голову, луч торшера выхватил из темноты его ресницы.

— Я в этой деревне уже три года и каждый день подумываю собрать вещи и уехать. С моей стороны нечестно было бы делать вид, что это не так.

Учитель покосился на хирурга, не поворачивая головы.

— Я раньше работал в большой городской больнице. У нас там были все удобства — настоящая роскошь по сравнению с этой дырой, — и я воспринимал их как должное. Новые инструменты, импортная техника, опытные медсестры. Я полагал, что до самой пенсии все это будет к моим услугам, стоит только пальцами щелкнуть.

А потом состояние одного из моих пациентов неожиданно ухудшилось после операции. Я сделал

что мог, но лучше ему не становилось; родные пациента потребовали перевести его в больницу на другом конце города. Вечером его отправили туда; скорая довезла его живым.

Наутро я сразу же позвонил в ту клинику узнать, как дела. Мне ответили, что пациенту как раз делают вторую — срочную — операцию. Я спросил, кто оперирует, мне назвали имя хирурга.

Десять лет назад мы с ним работали в одной больнице. Точнее, он был моим подчиненным. Хирургом он был никудышным: ленивый, нетерпеливый, — только и ждал, как бы поскорее отделаться от пациентов, дотянуть до конца смены и уйти домой. Постоянно упускал какие-то мелочи, из-за чего ставил под угрозу жизни больных. Мне регулярно приходилось исправлять его ошибки, так что в конце концов я настоял, чтобы его уволили. И все эти годы даже не вспоминал о нем. Теперь же он оперировал моего пациента.

Когда операция завершилась, меня соединили с ним. В голосе его звучало ликование: я понял это с первого же слова, по тому, как он со мной поздоровался. Он спросил о нашей больнице, о том, как идут дела, как поживают доктора, медсестры и санитары, — можно подумать, не догадывался, зачем я звоню. Он оперировал с раннего утра, но, судя по тону, совершенно не устал.

Некоторое время мы с ним болтали, и наконец я осведомился о пациенте. «Он умрет», — как ни в чем не бывало ответил мой бывший коллега, точно речь шла о сущей безделице.

И сообщил, что в ходе операции обнаружил мою ошибку. Якобы я что-то не то разрезал и перевязал какой-то не тот сосуд.

Я порылся в памяти, постарался восстановить операцию минута за минутой, каждый шов, каждый узелок, но так и не сумел поверить в то, что совершил такую ошибку. Тогда я принялся его спрашивать, уточнять подробности, надеясь, что он окажется неправ. Попросил позвать к телефону хирурга, который ему ассистировал, и спросить, согласен ли он с мнением коллеги. Тут он сменил тон:

— Некогда мне, — отрезал он, — не хватало еще тратить время на дураков, неспособных признать собственную ошибку.

Теперь-то я понимаю, что он задумал мне отомстить. А я, глупец, попытался его урезонить. Мы же вместе работали. Он знал меня, знал, что я внимательный и аккуратный. Я заявил, что это исключительный случай.

— Исключительный, говорите? — повторил он. — Что ж, значит, в ваших интересах приложить исключительные усилия. Я готов переписать отчет. Если, конечно, вы согласны пойти на уступки. Пять лакхов¹¹ рупий, и наличными, а не чеком: не мне вам объяснять.

Признаться, до той поры мне везло: меня за всю жизнь ни разу вот так не загоняли в угол. Я готов был ждать полгода, чтобы мне наконец провели телефон, и плевать, что прочие дают взятку, дабы

---

¹¹ Лакх — сто тысяч.

ускорить процесс. Но я и представить себе не мог, что такое случится... что меня будут шантажировать из-за ошибки, которую я, насколько мне помнится, не совершил.

Я заорал в трубку, проклял его и таких, как он, — термитов, подтачивающих государственные институты. Но каждое мое слово, казалось, давало ему еще большую власть надо мной. Он ответил, что всего лишь хотел мне помочь. И это проще простого. Мне всего-то надо наведаться с портфельчиком в свой банк, а потом принести этот портфельчик ему.

— Не усложняйте, — сказал он. — И не пытайтесь сбить цену. Я вам не торгаши.

— Ты торгаши самый настоящий, — крикнул я, — нашарил на трупе бриллиант и решил его прикарманить. Небось, новый «мерседес» купить хочешь? И скольких же ты обобрал, чтобы денег хватило? Надеюсь, твоя мать до этого не дожила. Если бы она знала, какой ползучий гад из тебя вырастет, не стала бы раздвигать ноги перед твоим отцом.

Он швырнул трубку. Я звонил ему несколько раз, но он не отвечал, а вечером медсестра мне передала, что пациент скончался...

Тут хирург почувствовал, что у него промокло запястье, вытащил руку из грудной клетки учителя, развязал пояс, стащил халат. Предплечье над перчаткой окаймляла кровавая полоса. Он выкрутил кран над раковиной на полную, но потекла лишь слабая струйка. Намылил руки, взбивая

розовую пену. Напор был настолько слаб, что вода едва касалась его рук, и приходилось подносить ладони под самый кран, чтобы мыльная пена стекала в слив.

Кровь, это же всего-навсего кровь. Подумаешь, чуть-чуть испачкал рукав. Кровь не опасна. Это не кислота, не разъест кожу. И не дьявольские чернила, которыми мертвые пометили его как своего собрата. Хирург сжал мокрыми руками край раковины, чтобы мир перестал раскачиваться перед глазами. Вода тонкой бесшумной струйкой лилась на дно. Время от времени безмятежную эту картину прерывало бульканье, доносившееся из крана, и брызги рассеивали поток воды, прозрачный и ровный, как стекло.

Хирург дождался, чтобы стук сердца выровнялся. Закрыл кран, снова надел халат и перчатки, вернулся к операционному столу. Лицо учителя оставалось бесстрастным. Не говоря ни слова, хирург снова запустил руку в его грудную клетку, на этот раз стараясь не замарать халат. Учитель словно и не заметил. Он явно ждал продолжения рассказа.

Хирург вздохнул.

— Я часто вспоминаю тот разговор. Вдруг коллега действительно обнаружил мои ошибки, а мне гордость помешала их признать? Ведь операция-то рядовая, ничего серьезного, в остальном пациент был совершенно здоров. Может, я и правда ошибся и меня следовало оштрафовать?

Однако вышло гораздо хуже. Тот хирург подготовил обличительный отчет и, не стесняясь в выражениях, отзывался о моих профессиональных навыках и прочем, что явно не имело никакого отношения к делу. Кто же остановит автора, который вознамерился написать трагедию? Но это еще не самое страшное. Он позвонил журналистам и сказал, будто я пытался его подкупить.

В ту неделю не случилось ни голодовок, ни бунтов, и все новостные агентства ринулись к нему в клинику. И этот подонок наплел им, что я предлагал ему деньги за то, чтобы он держал язык за зубами. Но его нельзя купить, он не такой, его совесть омыта молоком. Я даже «мерседес» ему обещал, он все равно не согласился. Он про этот «мерседес», похоже, говорил каждому репортеру, потому что это слово было в каждой статье. Наверное, хотел убедиться, что я уж точно прочту.

Его обвинения сломали мне жизнь. Телефонная компания опубликовала списки моих звонков — доказательство, что я отчаянно пытался с ним связаться. Хирург, который ассистировал ему на операции, оказался совсем молодым и робким — на допросе в полиции он послушно повторил слова старшего коллеги. Все газеты города смешали мое имя с грязью. Заголовки, новости, сплетни... мою фотографию печатали рядом со снимками насильников и убийц.

А через две недели меня вызвал главврач.

— Сочувствую вашему положению, — сказал он, — пациенты порой умирают из-за наших

ошибок; нам, врачам, приходится признавать, что такое возможно. Но общественность считает иначе. Ей хочется верить в нашу безупречность. И неподкупность. В общем, мы обязаны быть идеальными гражданами. И так далее.

Главврачу уже было плевать, правдив ли отчет моего бывшего коллеги. Действительно ли я пытался его подкупить. Он отвечал перед членами правления больницы, а те — перед обществом. Кем-то надо было пожертвовать, и уж точно не им. Я подписал заявление об увольнении, и он спросил, почему я раньше к нему не пришел. У него есть знакомые в газетах, сказал он. Можно было заплатить им за молчание.

Все мои сбережения ушли на компенсацию, которую меня обязал выплатить суд. И не только за врачебную халатность, но и за попытку дать взятку, а штраф за это в десять раз выше. До сих пор удивляюсь, как моему адвокату удалось спасти меня от тюрьмы. После такого можно было даже не мечтать, что меня возьмут в другую больницу. Коррупцию, тайную союзницу всех и каждого в этой цепочке, тут же объявляют смертельно опасной, едва общество обращает на нее внимание. Денег на то, чтобы открыть собственную клинику, у меня не было. Ни один банк не одобрил бы мне кредит, никто из пациентов не захотел бы у меня лечиться. И я уехал из города, в моем-то возрасте, отправился работать в этой вот государственной лечебнице. Сельчане меня уважают,

они ведь не знают моего прошлого. Начальство, разумеется, в курсе, но лучше уж пусть в лечебнице будет доктор, покрывший себя позором, чем пустота и паутина.

И вот я здесь. Долгая история, но после всего, что вам пришлось пережить, вы заслуживаете правды. Я хочу, чтобы вы поняли главное: я не святой и уж точно не бог. И если вы считаете иначе, уверяю, горько разочаруетесь во мне.

Лишился договорив, хирург осознал, что рассказал о своих злоключениях не просто пациенту, но еще и такому молодому. Однако пропасть между живым и мертвым уже обессмыслила все мирские иерархии.

Учитель долго молчал. Раз-другой порывался что-то сказать, но не говорил ни слова. Наконец дрожащим голосом произнес:

— Какая разница, доктор-сагиб, кем мы считаем вас, богом или человеком. Когда мы подыхали на обочине, никто не пришел к нам на помощь. Ни бог, ни человек. И вы для нас больше, чем тот и другой. Мы благодарны за все, что вы для нас делаете, и не будем жаловаться, чем бы ни кончилось. Мне остается лишь извиниться за то, что мы доставили вам столько забот.

Наконец в грудной клетке учителя не осталось ни сгустка крови. Легкое съежилось, опало. Позади него испуганным зверьком в норе пряталось сердце. В отсутствие кровотока наполнить его было нечем, и все-таки хирургу показалось, что оно бьется — точнее, дрожит. Сердце

встрепенулось под его пальцами — то ли испуганно, то ли с надеждой, что вскоре ему вернут жизнь.

В операционной было темно. Даже раздвинув ребра импровизированным ранорасширителем, в тусклом свете торшера хирург сумел разглядеть лишь очень немногое, большую часть грудной клетки скрывала тень. На подоконнике лежал маленький фонарик на батарейках, но он был нестерильный. Может, протереть его спиртом и, взяв в одну руку фонарик, другой исследовать содержимое грудной клетки, подумал хирург, но тут же отказался от этой мысли. Все равно фонарик толком не стерилизуешь. Лучше уж продолжить пальпацию, дюйм за дюймом ощупать все органы, которые могли стать источником кровотечения.

— Скажите, а почему вы решили вернуться? Ведь все мы рано или поздно попадем в мир иной. Зачем же по доброй воле терпеть страхи и тревоги этой ночи?

Учитель смотрел в стену, казалось, он следит глазами за ползущим по плитке муравьем. Получается, толку от дезинсекции было чуть. Но сейчас черная точечка не раздражала хирурга. Даже у жалкой букашки есть право на жизнь в ночь, когда мертвецы тайком пробираются с того на этот свет. Муравей пересек потрескавшуюся плитку и юркнул в щель на краю.

— Нас убили. Мой сын вправе прожить целую жизнь.

— Да-да, вы это уже говорили, но ведь дело не только в этом? Вы явно что-то скрываете.

Ребра учителя шевельнулись — впервые за долгое время. Хирургу это не мешало: пусть себе дышит.

— Я не все рассказал вам о загробном мире, сагиб, кое о чем умолчал. Ради сына. Мне хочется верить, что он все еще ребенок, а значит, я решаю, что ему нужно и чего не нужно знать. И во что верить.

— Да, но сейчас его здесь нет. Можете говорить откровенно.

— Нельзя, сагиб, живым не положено знать о загробном мире. Поймите, пожалуйста, я не хочу ничего от вас скрывать, но некоторые вещи вам лучше не знать.

— А с чего вы взяли, будто имеете право решать, чего мне не надо знать?

Этот вопрос явно задел учителя. Он убрал руку из-под головы, вытянул ее из-под простыни за край операционного стола.

— Загробный мир — пустынное место. Там нет ни холмов, ни долин, глазу не за что зацепиться. Куда ни глянь, всюду одно и то же. Можно бродить туда-сюда целую вечность — многие умершие так и поступают, хотя сами не знают зачем. Кому же захочется оставаться в таком месте, сагиб? Это же все равно что очутиться в изгнании в пустыне. Даже хуже. Там нечего делать, кроме как идти вперед, надеясь, что еще немного — и наступит облегчение, покажется чудесный оазис.

Ноги не устают, нам не нужен ни сон, ни пища. Устает душа: ей хочется чувствовать хоть что-то, пусть даже боль.

— Вы не ответили на мой вопрос. Допустим, вы трое доживете здесь до глубокой старости, но потом-то все равно окажетесь там. Стоит ли все это, все муки, что ждут вас с рассветом, такого конца?

— Стоит, сагиб, уж поверьте мне на слово. Муки не вечны, они пройдут, и мы снова будем всё чувствовать, все мелочи, доступные лишь живым. Если бы вы знали, сагиб, как мне хочется снова напиться воды! Порой я представляю, как перекаиваю воду во рту, по языку и зубам, ледяную, аж голову ломит, чувствую ее запах — я ведь раньше и не замечал, что у воды тоже есть запах, — потом глотаю, она обжигает горло, грудь, холодит ребро за ребром до самого желудка... Вы, наверное, решите, что я лишился ума, раз так говорю, но это-то и отличает жизнь от смерти. И пусть мне однажды все равно придется вернуться на тот свет, но пока я здесь, на земле, все будет иначе. Теперь-то я буду ценить каждый вдох. Я всех и каждого научу дорожить жизнью, покажу, как всё исправить. Может, стану крестьянином, буду сам выращивать себе еду, чтобы понять, каково это — засевать землю семенами жизни. И тогда, наверное... накопленный опыт поможет мне легче переносить тяготы загробного мира.

Хирург поморщился. Ну что за наивность. От человека, чье знание жизни превосходило его собственное, он ожидал совершенно другого.

— Ну допустим. Но почему не дождаться перерождения? Не явиться на свет из женской утробы? К чему все эти затеи с возвращением среди ночи?

— Не верю я в это, сагиб, — сухо признался учитель; восторг, с которым он живописал мечту напиться воды, совершенно испарился. — По-моему, никакого перерождения и нет вовсе. В загробном мире только и разговоров, что о перерождении. Но я... в это не верю.

— Вы же говорили, вам об этом сказал ангел? Неужели вы мне соврали?

— Не соврал, сагиб. Пожалуйста, поймите: я так сказал ради сына. Хоть и не верю, что это подействует. Слишком уж многое повидал мой мальчик: мгновение в загробном мире — и он уже не ребенок. Но что еще я мог сделать как отец?

— Ближе к делу.

— Ангел никакой не ангел. Это загробный чиновник.

Хирург осталбенел.

— Чиновник?

— Да. Их там множество. Они управляют загробным миром.

— Ничего не понимаю. Чиновники? Загробным миром управляют чиновники?

— Да. Вся их власть держится на обещании перерождения. Надежда всем нужна, сагиб, и живым и мертвым. Вот мертвые и молятся чиновникам, так называемым хранителям врат.

— Что вы такое говорите?

— Так все и начинается, сагиб: просьбы и отказы, снова просьбы и снова отказы. Для перерождения чиновники выдвигают массу условий. Одни утверждают, будто бы важно, как мы прожили жизнь, другие — как мы умерли. Одни прошумывают списки наших прегрешений, другие рассуждают о покаянии. Нам приходится отчитываться буквально за все — за каждую мысль, слово, дело, за то, что натворили в детстве, когда еще не понимали, что хорошо, что плохо. Где уж тут сохранить достоинство. А чиновникам все мало. Они отвечают: мол, мы подумаем, посоветуемся с начальством и сообщим вам о принятом решении. И исчезают навсегда, только мы их и видели.

За окном закричала ворона — может, прежняя полуночница; ставни негромко постукивали на ветру.

— То есть в загробном мире сплошь бюрократия, как в правительстве?

— Гораздо хуже. Тамошняя бюрократия не снилась ни одному земному правительству. Ей конца-краю нет. Чиновников больше, чем покойников. Мы и попали-то сюда по одной-единственной причине: нам посчастливилось наткнуться на того, кто оказался не таким, как все, иначе, сагиб, я бы вам все это не рассказывал. Наша история его растрогала, уж не знаю почему. Нам нечего было ему предложить, и все равно он решил ради нас нарушить закон. Только сыну моему не говорите, сагиб. Он ведь еще ребенок. Пусть растет

с мыслью, что жизнь — а может, и смерть — не-
безнадежна.

Хирург стоял как вкопанный. Как ни пытался он продолжить операцию, ничего не получалось: руки опускались. Неожиданный оборот, который принял рассказ учителя, мешал сосредоточиться, вдобавок навалился сон, подернул веки патиной. Может, учитель ничего такого не говорил, это ему почудилось от усталости? Пальцы его ощупывали бесконечную сеть сосудов в груди мертвеца, и все равно хирург не был уверен, что ничего не задето. Стены операционной словно потемнели, и казалось, что заперты окна и дверь никогда уже не отворятся: оба они, и мертвый, и живой, будут продолжать этот разговор, пока плитка на стенах не почернеет и не осыплется.

— Бог есть? — спросил хирург.

Учитель отвернулся к стене.

— Отвечайте на мой вопрос. Вы рассказывали о чиновниках, но не о богах.

— Очнувшись в загробном мире, мы снова и снова взывали к богу, — наконец тихонько и хрипло проговорил учитель, будто бы старея с каждым словом. — Повторяли все молитвы, которые выучили при жизни. Мы так отчаянно искали его, что любой бог, в ком есть хотя бы капля доброты, давным-давно явил бы нам себя... ну или хотя бы дал знак. Но он не ответил нам. Бог так же прячется от мертвых, как и от живых.

Тут хирурга пробрал озноб, но вовсе не от услышанного: он вдруг нашупал отверстие в полой

вене, в том самом месте, где сосуд входит в сердце. Не может быть. Он же проверял. А вдруг он сам, пальпируя сосуды, случайно проткнул дыру? Нет-нет, совершенно исключено. Должно быть, нож задел сосуд: тот как раз в месте удара. Дырка не рваная, лоскута нет, пришить нечего. Хирург вынул руку из грудной клетки мертвеца, чтобы туда заглянуть. А учитель продолжал:

— В загробном мире тоже есть религии, сагиб. Но не такие, как на земле. Даже самые истые верующие диву даются: получается, их священные книги ложь, а пастыри заблуждались. Так появляются новые религии, спшитые из обрывков старых. Некоторые мертвецы объявляют себя пророками и мудрецами — в общем, святыми. Они-де слышат глас божий и несут его слово всем, кто жаждет перерождения. Уж не знаю, какая им от этого корысть. Там ведь нет ни земельных владений, ни денег, ни золота. Может, просто любят власть.

Никакая это не дырка, а всего-навсего сгусток крови — прилип к стенке полой вены, и хирург принял его за часть сосуда. Хватит паниковать. Если пугаться каждой тени, недолго и самому отправиться на тот свет. Все крупные сосуды целы.

Но тогда откуда в грудной клетке столько крови? Не из-за прорехи в легком же?

Сосудики в углублении под ребром осмотреть было сложно: свет падал неудачно. Лезвие вплотне могло их задеть, но хирург тщательно пропальпировал эту область и не заметил ничего подозрительного. Переставить торшеры ближе

не получалось, и он попросил учителя перевернуться на бок, выгнуться влево и набрать в грудь как можно больше воздуху, чтобы углубление под ребром оказалось на свету. Учитель повернулся, обрамленная зеленою простыней рана раскрылась и закрылась, точно зев хищного растения, обагренный кровью жертвы. Наконец, пусть и не с первой попытки, но учитель все-таки принял позу, обеспечивающую лучший обзор.

Артерия и вена сдулись под ребром, толком не разглядеть, где что. И кровь, которая могла бы указать на место надреза, не текла. Хирург провел пальцем по внутреннему изгибу ребра, но ничего не нащупал. Пожалуй, следовало предположить, что поврежден один из сосудов, да и перевязать их вслепую по обеим сторонам от раны. Он принялся отделять предполагаемую артерию и вену от того, что походило на нерв.

— И что вам сказал тот ангел, то бишь чиновник? Вы спрашивали его о боге?

— Спрашивал, но он ничего не ответил. Он о таких вещах старался не рассуждать.

— Неужели вы его не спросили, как возник мир? О загробной жизни? Об их чиновничьем аппарате?

— Об этом наш чиновник тоже умалчивал, но я там встретил одного скитальца, сагиб, очень странного человека, так вот, он утверждал, будто некогда был чиновником. И он сказал...

— Был чиновником? Почем вы знаете, что он не соврал?

— Не знаю. Я упомянул о нем потому лишь, что кое-какие его слова, быть может, ответят на ваш вопрос. Так вот, он говорил, что в качестве чиновника надзирал за одной провинцией. Следил за положением дел, вел списки рождений и смертей. Работа скучная, и он решил поиграть со своими подданными. Принял облик небесного посланца, спустился на землю...

— То есть во плоти?

— Именно. Кожа его сияла, как светлячок. Для небожителя это пара пустяков, но люди, завидев его, хлопались на колени. Он явился нескольким людям и сказал, что Бог дарует им великое могущество, если они докажут Ему свою преданность. Все эти люди бросили жен и детей, удалились в пещеры, питались кореньями и семенами, проводили дни в медитации. Особо рьяные едва не заморили себя голодом.

Чиновник подумал: к чему останавливаться на этом? И наделил их обещанным могуществом. Одному даровал силу десятка слонов. Другого научил заклинанию, чтобы вызывать огонь из воздуха. Третьему дал способность одним лишь взглядом насылать агонию. И такая началась жуть! Чиновник же смотрел и веселился.

Но он оказался слишком беспечен. Те люди сперва отомстили соседям, а потом принялись запугивать жителей других городов: мол, преклонитесь перед нами, а не то убьем вас и ваших детей. Тут-то другие чиновники и заметили этих чудовищ, наделенных нечеловеческими способностями.

Мой знакомец в спешке разделался со своими творениями, чтобы замести следы, но было поздно. Правда выплыла наружу. Начальство признало его вину, отняло у него власть и силу и пригово-рило к худшему наказанию из возможных — веч-ному изгнанию на равнину смерти, причем обыч-ным скитальцем.

Уж не знаю, так ли все было или мне попался полуумный, который и при жизни был не в себе (а может, тронулся умом после смерти). Он говорил, что обдумал свои проступки, переменился и раска-ялся. И теперь желает лишь одного — нести в мир правду. Он-то мне и сказал, что даже чиновники не знают, есть ли бог. У них там своя иерархия, похожая на лестницу, ступени которой уходят все выше и выше: нижестоящие отчитываются перед вышестоящими и так далее. А что на самой вер-шине, никто не знает. Неизвестно даже, существует ли эта самая вершина.

Хирург завязал узелок под ребром учителя и сде-лал два надреза ножницами. Выудил кусок тка-ни, растянул между пальцами, повернул к свету. На стенке одного из сосудов — видимо, артерии — был надрез, как раз в том месте, где, скорее все-го, и прошло лезвие ножа. Надрез был крошечный, но при определенных условиях и этого бы хватило, чтобы кровь залила всю грудную клетку. Хирург по-ворачивал ткань и так, и этак, разглядывал акку-ратный квадратик в бликах света, пока не убедился, что действительно зашил смертельную рану. Поис-кал в душе хотя бы след облегчения, но не нашел.

На прореху в легком хирург наложил два шва. Нужно будет проделать отверстие в ребрах, чтобы вставить дренажную трубку. Он надрезал кожу вдоль нижнего ребра и углубил разрез, стараясь при этом не повредить диафрагму. Вставил трубку между ребрами и легким, так что внутренний конец оказался в грудной клетке, и петлями прикрепил к коже внешний. Убедившись, что трубка установлена как надо, соединил ребра и зашил мышцы между ними. Настала пора вернуть на место прощие слои грудной клетки — мышцы, соединительную ткань, кожу. Наконец он закончил, приподнял простыню — с левой стороны груди изгибался шов, точно губы, растянутые в жуткой улыбке. Хирург забинтовал его, закрепил лейкопластырем.

Он помог учителю сесть. Их взгляды встретились, и хирург прищурился, отвернулся, прикинувшись, будто осматривает шею мертвеца. Хирург позабыл, куда поставил стеклянную банку, и обшаривал глазами палату, пока учитель не указал ему на каменную полку. Хирург поправил торчавшие из крышки трубочки, чтобы внутренняя часть одной из них уходила под воду, а вторая на дюйм торчала над поверхностью. К внешнему концу погруженной в воду трубки он присоединил гибкую трубку подлиннее, а к той — внешний конец дренажной трубки, расположенной между ребер учителя. Трубки плотно вошли друг в друга. Убедившись, что крышка крепко закрыта, хирург попросил учителя покашлять. В трубку поступил воздух, и вода в банке вспузырилась.

— Носите банку с собой, и смотрите не уроните: она, конечно, прочная, но мало ли что. Да старайтесь не наклонять, чтобы не разлить воду — конец трубки всегда должен быть под водой. В течение часа подносите ко рту эту перчатку и надувайте, как воздушный шар. Под давлением легкое распрямится. У вас в грудной клетке, там, где была кровь, скопился воздух, но как только легкое вернется к обычным размерам, он уйдет.

Перед операцией он не снял наручные часы, и сейчас они подсказали, что уже пятый час утра. До рассвета менее двух часов. И все же за те полтора часа, что они провели в операционной, учитель не задал единственный вопрос, которого боялся хирург. Теперь, спустившись со стола, он наконец спросил:

— Она будет жить?

И хирург ответил единственное, что мог: «Не думаю».

Учитель закрыл лицо руками. Даже сквозь стены комнаты хирург ощущал, как давит на них тяжелое небо и все, что выше.

ДВЕНАДЦАТЬ

Аптекарь прислонилась к двери лечебницы, прислушиваясь, не раздастся ли шуршание колес велосипеда, не вернет ли ночь ей мужа. Сидевший на ступеньках крыльца мальчик разглядывал стоявшую чуть поодаль стопку коробок. Оттуда доносился шорох. Мальчик кинул камешком в коробку, из-под нее выскочила крыса с добычей — комочком ваты — и юркнула в трещину в стене лечебницы.

Мама мальчика сидела на скамье, прижавшись спиной к стене и держа голову очень прямо. Она так и не сняла зеленый хирургический халат, в котором была на операции. Горловина халата была сколота безопасной булавкой; над ней белела толстая повязка.

— Перестань, — не оборачиваясь, велела женщина сыну. — Коробки помнешь.

— Ничего страшного, — вмешалась аптекарь. — Я все равно хотела их выбросить. Пусть играет, если хочет.

Мальчик выбрал коробку из пенопласта.

Аптекарь опустилась возле него на колени.

— Ты ходишь... ходил в школу?

— Да. — Мальчик принялся ковырять ногтем коробку.

— И в каком ты классе?

Мальчик спустился во двор, подобрал в грязи какие-то прутики, вернулся на крыльцо.

— В третьем.

— Надо же, совсем большой! Папа учил тебя?

— Нет, он учит девятые и десятые классы. —

Мальчик вставил прутики в дырки, которые проковырял в пенопласте.

— Какой красивый домик! — всплеснула руками аптекарь.

— Это не домик. — Ребенок опустил коробку на пол дном вверх. В окнах и дверях торчали прутики. — Это тюрьма.

Аптекарь изумленно взглянула на маму мальчика — та косилась на поделку сына, потому что из-за тугой повязки не могла повернуть голову. Вид у женщины был покорный и угрюмый.

— Это для тех людей, кто сделал с вами такое? — уточнила аптекарь.

Мальчик ничего не ответил, лишь поправил прутики.

— Плохие люди никогда добром не кончат, — продолжала девушка. — Рано или поздно они получат по заслугам. Я в этом даже не сомневаюсь.

— Это не для них.

— А для кого же?

— Для нас.

Мальчик перевернул коробку и поставил ее так, что дверца смотрела на вход в лечебницу, а стекла были параллельны стенам коридора. Аптекарь невольно потянулась к мальчику, но потом

вспомнила, как возмущенно он отпрянул от нее в прошлый раз, и убрала руку.

— Иди сюда, — мать поманила сына к себе, тот подполз к ней на коленях, прижался щекой к ее ноге. Женщина взъерошила ему волосы, спрятала вихры за уши. Аптекарь заметила, что пациентка снова взглянула на часы, стрелки которых ползли так медленно, будто от присутствия мертвецов в них сели батарейки.

Дверь операционной скрипнула, и вышел учитель. Внешне он почти не изменился, разве что в руках у него теперь была стеклянная банка, а из-под рубашки торчала трубка. Но лицо словно одеревенело. Мальчик бросился к отцу, прижался лицом к его боку. Учитель погладил сына по голове, отодвинул от трубки.

— Что это? — мальчик потрогал банку.

— Мне надо с тобой поговорить, — сказал учитель жене.

— Операция прошла благополучно? — Она встала, оттолкнувшись руками от лавки и стараясь не двигать шеей.

— Да, все хорошо.

— Тогда в чем дело?

— Сейчас все объясню, — он указал на дальнюю комнату.

— О чем вы будете говорить? — всполошился ребенок. — Я тоже хочу с вами.

— Мы сейчас вернемся. Побудь тут.

— Но почему? Что случилось? Почему мне нельзя пойти с вами?

— Нам с мамой надо поговорить. Обсудить кое-какие вопросы. Мы скоро вернемся.

— Посиди со мной, — предложила аптекарь мальчику. — Я принесу тебе клей и ножницы. Сделаем с тобой красивый домик.

— Это не домик.

Мальчик с силой наступил на коробку, прошуринув пяткой дыру в пенопласте и расплющив стены, после чего пнул ее так, что та вылетела во двор.

Мать хотела наклониться к нему, но вспомнила о трубке, прижала сына к своему животу и с любовью принялась ему выговаривать:

— Это еще что такое? Разве можно так себя вести при сагибе и этой доброй госпоже? Она хочет тебе помочь. Зачем ты кричишь на нее?

Мальчик вцепился в материнский халат:

— Почему вы не сказали мне, что происходит? Зачем папа хочет с тобой поговорить? Вечно вы что-то скрываете.

— Да зачем нам что-то от тебя скрывать, мой принц? Нам скрывать нечего. Наверняка тут что-то самое обычное и скучное. Как когда папа читал газету, а тебе лишь бы смотреть картинки, помнишь? Вот и сейчас папа, скорее всего, хочет поговорить со мной о чем-то таком, что тебе совсем не интересно.

Аптекарь внесла в коридор раздавленную коробку и проговорила, улыбаясь через силу:

— Мы сейчас все починим. Сделаем из нее что пожелаешь — тюрьму, полицейский участок,

что угодно. Коробок у меня много. Идем, посиди со мной, а родители поговорят.

Учитель с женой оставили сына с аптекарем. Она всячески старалась отвлечь мальчика, но он то и дело оборачивался на закрытую дверь.

Сагиб медленно опустился на деревянную скамью в коридоре, морщась и опираясь на руку. Аптекарь знала, как сильно у него порой болит спина — то ли из-за позвоночной грыжи, то ли еще из-за чего. Усевшись, хирург поднес к глазам палец: на кончике его выступила маленькая красная капля. Скамья была шершавая, аптекарю и самой не раз доводилось вытаскивать у себя занозы. Сагиб отсутствующим взглядом смотрел на кровь.

— Сейчас принесу лейкопластырь, — сказала аптекарь.

Хирург вздрогнул, покачал головой и растер каплю меж большим и указательным пальцем.

Девушка отыскала в аптеке ножницы, клей, цветную бумагу, разложила обломки раздавленной мальчиком коробки на полу в коридоре и принялась склеивать стенки «тюрьмы». Закончив, нарезала из картонной коробки длинных полосок для изгороди. Мальчик безучастно наблюдал за ней.

— Они говорят про еще одну операцию.

Ребенок не сразу понял, что сагиб обращается к нему.

— Еще одну операцию? Когда?

— Сейчас, пока не взошло солнце.

— Зачем?

Ножницы замерли в руке аптекаря. Сагиб разговаривал с мальчиком как с большим. Даже, пожалуй, терпеливее, чем со взрослыми. Ребенок слушал, не перебивая, а когда сагиб договорил, забросал его вопросами. Хирург сумел ответить лишь на очень немногие. Никогда еще аптекарь не слышала, чтобы сагиб так часто повторял «не знаю».

Наконец дверь дальней комнаты отворилась, и учитель с женой вышли в коридор. Мужчина кивнул сагибу.

Хирург прикрыл глаза, встал, расправил спину.

— Мы скоро вернемся, — сказал он мальчику, — а ты пока побудь с ней.

Аптекарь улыбнулась и округлила глаза, хотя боль сдавила ей грудь. Мальчик покорно понурил голову. Мать его отвернулась; глаза ее по-прежнему оставались сухими, абсолютно сухими.

***

Хирург снова вошел в операционную, на этот раз с учителем и его женой. Он был совершенно измучен. Опираясь на его руку, женщина забралась на операционный стол.

— Доводилось ли вам после того самого вечера чувствовать, как шевелится плод?

— Нет. Я помню лишь, что на ярмарке он пинался, за несколько часов до того, как на нас напали.

— А после вашей смерти? И сегодня вечером?

— Ничего.

— Ваш чиновник не упоминал о нем? — спросил сагиб учителя.

— Нет. А я, если честно, не додумался спросить. Решил, что как только она оживет, то оживет и младенец в утробе. Ведь пока не перережут пуповину, у них одна жизнь на двоих, одна кровь, разве не так?

— Это было бы слишком просто. — Хирург приложил стетоскоп к животу женщины, прослушал в нескольких местах. — Сердце не бьется, — сообщил он и, заметив, как вытянулись их лица, добавил: — Но я и не ожидал, что у плода будет биться сердце. Я надеялся, что он будет пинаться, двигаться, как движетесь вы.

— Что это значит, сагиб?

Хирург снял очки, потер виски большим и средним пальцем, стараясь унять боль.

— Не знаю. Не могу знать. Все, чему я выучился, долгие годы разрезая и шивая людей, не поможет мне ответить на ваш вопрос. Сейчас любые ваши догадки, пожалуй, окажутся разумнее моих.

Учитель был на грани отчаяния. Жена его испуганно обхватила живот, словно надеялась разбудить младенца, заснувшего вечным сном.

— Вы же понимаете, почему я рекомендую провести эту операцию?

Оба кивнули.

— Вы понимаете, что ни один из нас не может предвидеть, что будет утром? Если мне придется в срочном порядке принимать у вас роды, это может быть опасно для матери и для младенца.

Лучше сделать все сейчас, пока ситуация под контролем. Вы же это понимаете, правда?

— Да. — Вид у них был несчастный: сейчас, перед рассветом, они почему-то казались мертвее, чем ночью.

Хирург нацепил очки на нос.

— Вы верите, что чиновник, который послал вас сюда, поступил мудро?

— Да.

— Вы верите, что он желал вам добра?

Учитель переглянулся с женой и ответил, потупясь:

— Да.

— Так положитесь на его мудрость и доброту. Поверьте в то, что, решив направить вас сюда, он подумал обо всех жизнях, даже самой маленькой. И давайте начнем, хотя должен вас предупредить, что ребенок, возможно, не подаст признаков жизни прямо сейчас. Как бы тяжело вам ни было, придется дождаться зари.

Учитель помог жене раздеться, уложил ее на операционный стол, поддерживая за голову, чтобы трубка не выскочила из горла, и уселся на табурет. Хирург приступил к осмотру.

По округлившемуся животу женщины змеились растяжки, свидетельствующие о долгих месяцах, когда она вынашивала плод, который, пока она была жива, был одной плотью с ней и умер с ее последним вздохом. Единственный из всей семьи, кто вернется с того света целехоньким. Обойдется без лекарств и операций, лишь бы ему даровали

жизнь. И будет бороться со смертью, как обычный младенец, явившийся на свет из материнской утробы.

Хирург принялся пальпировать живот беременной. Плод лежал головой вниз, как и предполагалось. В левой части матки там и сям прощупывались бугорки — ручки, ножки, коленки, — а в правой — аккуратный твердый изгиб спинки. Всё на месте. Хирург обрил женщине верхнюю часть лобка, обработал кожу, с обоих боков подложил валики из ткани.

Последний раз кесарево сечение он проводил много лет назад и сейчас пытался вспомнить, как это делается. В принципе, ничего сложного тут не было. Аккуратный горизонтальный разрез, дюймов шести в длину, в нижней части живота. Он рассек кожу, соединительную ткань, жировой слой, фасцию, покрывающую вертикальную мышцу посередине живота, развел в стороны две полосы мышцы. Еще несколько движений скальпелем, и он отделил мочевой пузырь и складку брюшины от нижней части матки.

— Наденьте перчатки. И возьмите чистую простыню. Только больше ничего не трогайте: все стерильно.

Учитель сделал, как велено, и хирург занес скальпель над маткой. Лезвие без труда вошло в рыхлую мышцу, оставляя чистый бескровный разрез. Сагиб уже привык к тому, что кровь у мертвцев не течет. И слава богу, что хотя бы

не приходится то и дело тампонировать и отсасывать кровь, ставить зажим на сосуды.

Он нащупал круглый твердый череп плода, покрытый мягкими влажными волосками. Растворил края разреза, как на иллюстрациях в старых учебниках.

— Пора, — сказал он, обращаясь скорее к самому себе, чем к кому-то другому, запустил правую руку в матку, взял плод за череп и потянул.

Хлынула околоплодная жидкость, в которой младенец плавал даже в таком неестественном состоянии, и показалась головка. Лежащая на столе женщина вскрикнула, но не от боли — хирург понял это по ее глазам. Обеими руками он взялся за шейку ребенка и потянул на себя. Младенец не шелохнулся: казалось, он застрял. Хирург дернул — сперва легко, потом сильнее, но пальцы его были слишком слабы, вдобавок он боялся повредить тонкую шейку младенца. Что, если рассвет застанет его в таком вот положении? Мать и дитя дружно закричат, одна голова выше, другая ниже, двуглавое орущее чудовище в струях крови. Уставшие пальцы его соскальзывали; он ухватился крепче, согнул руку в локте:

— Ну давай, не упрямься, — сказал сагиб.

Наконец, когда силы уже почти оставили его, плод вдруг подался, плечики проскользнули в разрез, и младенец так проворно выскочил из матки, что хирург еле успел его подхватить. Остатки околоплодной жидкости промочили простыни, брызнули на халат хирурга, и в операционной едко

запахло утробой. Сагиб зажал и перерезал пуповину, с концов которой, как он и ожидал, не пролилось ни капли крови.

Кожа у ребенка была голубоватая, но, в отличие от родителей, он не казался выходцем с того света. Ручки и ножки с тоненькими пальчиками, точеное лицико, словно вырезанное рукой мастера, поднаторевшего в этом ремесле благодаря бесчисленным повторениям. Но, как и боялся хирург, лежавший у него на ладонях ребенок не шевелился. Ручки и ножки бессильно висели, глаза и брови не шевелились, ротик замер в зевке, и в горле скопилась жидкость, откашлять которую малыш и не пытался. В любую другую ночь все эти признаки значили бы лишь одно, поскольку земные законы не допускают воскрешения мертвых. Но сегодня все было иначе: смерть становилась предтечей жизни, предвестием дыхания и кровотока. Кто мог знать наверняка? Как ни собирался хирург с духом перед этой минутой, при виде мертворожденного на глазах его навернулись слезы. Отсосать скопившиеся в горле ребенка околоплодные воды было нечем, и сагиб перевернул малыша вверх ногами, похлопал по попке, чтобы из ротика вышла жидкость. Потом вытер ребенка и передал отцу.

Учитель принял обмякшее тельце в шершавой зеленой простыне и поднес младенца к лицу жены.

— Это девочка, — сказал он. Оба глядели сокрушенno, словно сам облик смерти пугал их не менее, чем сама смерть. Наверное, по-своему они были правы, поскольку теперь хирург понимал: никто

не в силах обещать чудес ни на том, ни на этом свете, разве что в очень редких случаях, и признаки смерти не пропадают без веской на то причины. Мертвцы обнимали, целовали синюшного младенца и, кажется, молились, хоть и непонятно, кому — то ли мудрому и милосердному богу, то ли мудрому и милосердному его чиновнику.

Хирург уже не помнил, когда молился в последний раз. Когда всю жизнь провел без молитвы, не так-то просто подобрать слова. Он неслышно пробормотал: надеюсь, малыш не мертв, а просто еще не родился, но с зарей в нем потечет кровь, утренний воздух наполнит легкие, и ребенок издаст свой первый крик. Одной рукой учитель прижал к себе невесомое тельце дочери, а другой гладил по щеке жену, и кто знает, за кого он тревожился больше, за первую или за вторую.

Хирург отвернулся: пусть себе молятся и плачут спокойно. Он отошел к операционному столу, удалил из утробы бескровленную плаценту и аккуратно зашил все, что разделил скальпелем.

ТРИНАДЦАТЬ

Хирург вышел в коридор и увидел, что аптекарь с мужем выкладывают на скамью сдержанное пятыи больших сумок. Мужчине удалось раздобыть все, что велели: антибиотики, обезболивающие, успокоительные, бинты и вату, перчатки, иглы, шприцы, нить, катетеры, трубы для внутривенных инфузий, а физраствора он достал даже больше, чем надеялся хирург.

— Кровь я тоже привез, сагиб, — муж аптекаря открыл контейнер со льдом и показал шесть красных пакетиков, на которых блестел иней.

Рубашка его промокла насеквоздь. Волосы и лицо запылились. Аптекарь смущенно вытерла мужу лоб носовым платком, пытаясь хоть как-то привести его в порядок.

— Я уж боялся, не случилось ли чего, — ответил хирург. — Даже пожалел, что вас послал.

— Нет-нет, сагиб, я цел и невредим. Дорога прошла спокойно. Ах да, и пока не забыл: вот сдача.

Он выудил из кармана несколько купюр. Ростом мужчина был гораздо ниже хирурга, чуть выше собственной жены, и сейчас казался школьником, который вернулся из лавки и возвращает родителям мелочь.

— Оставьте себе.

Муж аптекаря уставился на свою ладонь.

— Не могу. Вы и так добры к нам. Слишком добры.

Слишком добр? Этот человек съездил в город и обратно, на велосипеде и на поезде, глухой ночью, когда весь честной народ спит и лишь сомнительные типы рыщут по улицам. Он вез в кармане крупную сумму, из-за которой на него вполне могли напасть, а потом в одиночку, обливаясь потом, без чьей-либо помощи тащил на себе тяжелую поклажу. И вот теперь отказывается от награды. Слова застряли у хирурга в горле: он так и не сумел выдавить их из себя. Почему ему так трудно благодарить, говорить искренне, может, дажепустить слезу при виде подобного рвения?

Придется довольствоваться деньгами. Левой рукой хирург сжал ладонь мужчины в кулак, а правую положил на голову аптекаря. Молодая пара стояла, точно во время бракосочетания, торжественно потупив головы, как в храме, где священник благословлял их союз. Всей душой хирург желал им не ведать зла, страданий и мук. Он был бы рад даровать им здоровье, мир и процветание. Он знал, что это не в его власти, однако же благословлял их от всего сердца, мысленно посыпая им все, что мог и чего не мог даровать.

— Вы, наверное, устали. Идите домой.

— Нет, сагиб. До рассвета считаные минуты, — возразила аптекарь. — Мы побудем с вами.

И правда, ночь была на исходе. Темнота на востоке понемногу светлела. На краю ночи затеплились первые искры зари. Птицы уже проснулись;

с деревьев доносился щебет и карканье. В деревне тихонько звенели колокольчики на шеях коров.

— Я вам сделала чай, сагиб. Крепкий-прекрепкий.

Хирург силился улыбнуться, но то, что ему предстояло, было слишком тяжело.

— Налейте мне чашечку, выпью чуть позже.

Из операционной вышли учитель с женой, мальчик отшвырнул ножницы и бросился к родителям. Увидев у матери на руках сверток, мальчик вытянул шею, стараясь разглядеть лицо спеленатого младенца. Мать отогнула край простыни:

— Это твоя сестра.

Мальчик впился долгим взглядом в новорожденную, потом пальчиком коснулся ее носа.

— Почему она не двигается? Почему не открывает глаза?

— Спит.

— А когда проснется?

— Скоро. Она скоро проснется.

— Как мы ее назовем?

Учитель с женой переглянулись, и женщина сказала сыну имя. Мальчик шепотом окликнул сестру.

— Просыпайся давай, — он легонько встрихнул сверток, словно теперь, вооруженный именем, мог выманить младенца в мир живых. Но девочка не шевелилась. Щеки ее оставались синими.

— Тише ты. — Мать прикрыла новорожденную краешком простыни.

— Пора, — сказал хирург.

Они молча и мрачно последовали за ним в дальнюю комнату. Он включил свет и увидел на полу застеленный матрас, а подле него — прочную коробку, в которую положили одеяло, чтобы она послужила колыбелью. Аптекарь сама обо всем по заботилась, ему даже не пришлось ее просить. Учитель с женой сели на койку, их сын лег на матрас на полу. Хирург заметил, что они стали очень осторожно обращаться с трубками, торчавшими из их тел, и повязками. Наверное, тоже чувствовали, как близок тот миг, когда каждый шов пройдет испытание на прочность. Аптекарь с мужем застыли в дверях, хирург стоял посреди комнаты, в центре импровизированного круга.

— Я делаю то, чего не делал никогда. Я столько лет готовил живых к смерти, и вот теперь мне выпало готовить мертвых к жизни. Скоро рассвет; ни вы, ни я не знаем, что будет. Ангел обещал вам жизнь и кровь, и у меня нет ни малейшей причины сомневаться в нем, но сколько именно жизни и крови он дарует вам, я сказать не могу. Надеюсь лишь, что достаточно.

Мы со своей стороны сделали, что могли. Но вы сами видите трещины в стенах и эти ржавые койки. Вы понимаете, куда попали. Вы не можете покинуть деревню: отныне ваша жизнь связана с этой лечебницей. Я сделаю все, что в моих силах, но помочь мне некому: других врачей тут нет. А я уже немолод. Я буду бодрствовать, покуда хватит сил, но в какой-то момент мне нужно будет остановиться и отдохнуть.

Я говорю это не для того, чтобы вас напугать. А для того, чтобы вы трое — да, мой мальчик, и ты тоже — поняли или хотя бы дали себе труд задуматься о том, какие трудности нас ожидают. С рассветом к вам вернется не только жизнь, но и все, что с ней связано, — воспаление, боли, страдания. Ваши раны будут кровоточить, и хотя я зашил их, как умел, не могу обещать, что каждый завязанный мною узел выдержит.

Положите младенца в колыбель, лягте на спину и не вставайте. Я не могу допустить, чтобы вы упали, потеряли сознание и получили новые травмы. Как только у вас возобновится кровоток, я вставлю вам в вены канюли, мы дадим вам физраствор и антибиотики. Благодаря этому человеку — ради вас он всю ночь провел в дороге — у нас теперь есть лекарства, чтобы купировать боль, и успокаивающие, чтобы при необходимости вы могли подремать. Но кроме этого мне особо нечего вам предложить. У меня нет ни навыков, ни техники, чтобы ввести вас в искусственную кому. Возможно, кому-то из вас будет трудно дышать. У меня есть два кислородных баллона, оба наполовину пусты, но если вдруг состояние ваше ухудшится, никакой аппаратуры для реанимации в лечебнице нет. Поэтому я вынужден попросить вас смириться с тем, что, возможно, возникнет ситуация, в которой я окажусь бессилен. И вот еще что: я понимаю, вы и сами это знаете, однако же повторю. Я самый обычный доктор, и ничего сверхъестественного от меня не ждите. Если умений моих

не хватит, чтобы вам помочь, значит, вы умрете. С того света мне вас не вытащить.

Я сделал все, что в моих силах. Надеюсь, это поможет вам справиться с тем, что вас ждет.

Хирург замолчал, зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что учитель стоит на коленях и его бьет крупная дрожь.

— Доктор-сагиб, вы к нам очень добры, я и надеяться не мог на такое. Вы, все вы, наши спасители. Пока мы живы, да и потом тоже, мы будем петь вам хвалу перед каждым, кто согласится нас слушать. Как нам отплатить вам за доброту, сагиб? Я сделаю для вас все, что захотите, буду работать на вас день и ночь, и вам не нужно будет платить мне ни пайсы. Я помогу вам лечить сельчан. Надеюсь, они понимают, как им повезло, что рядом с ними живет такой святой. Я знаю, вам не нравится, когда я так говорю, но вы и правда святой. И даже больше, чем святой. Мне остается лишь припасть к вашим ногам.

С этими словами учитель распростерся на полу. Хирург отскочил:

— Это еще что такое? Нет-нет, не делайте так, — он жестом велел учителю лечь на койку и во избежание дальнейших церемоний отвернулся, стараясь не встречаться глазами с мертвыми.

Аптекарь с мужем стояли на пороге.

— Смотрите в оба, — велел им хирург. — Если вдруг что, зовите меня.

На столе в приемной дымилась чашка чая, который налила ему девушка. Хирург взял чашку

и вышел на крыльцо лечебницы. Заря разгоралась все ярче, но солнце еще не прорезало горизонт. Хирург сел на ступеньку и застонал: колени пронзила боль.

Деревня у подножия холма гудела, словно только что заведенный примитивный двигатель. Даже если мертвые каким-то чудом удержатся от стона, когда к ним вернется жизнь, рано или поздно в лечебницу нагрянет кто-нибудь из сельчан. Даже если аптекарь и ее муж поклянутся молчать (а сагиб верил, что они будут держать язык за зубами), долго ли получится прятать пришельцев? У сельчан возникнут вопросы, и вполне обоснованные. Откуда взялись эти люди? Откуда у них эти раны? Кто-нибудь обязательно поставит в известность местную полицию. Начнется расследование.

Как ни бился хирург, но так и не сумел придумать объяснение, которое удовлетворило бы самого тупого констебля. Вот как об этом напишут в газетах: «В деревенской лечебнице обнаружены три трупа. Молодая семья. Вскрытие пролило свет на страшную тайну: у всех троих установлены катетеры, у мальчика вырезаны внутренние органы. Женщине располововали шею, после чего снова все зашили сикось-накось. Также ей распороли живот, вынули мертвого ребенка и положили в стоявшую рядом с ней колыбель. По-видимому, все манипуляции проводились без анестезии. Следов крови в окрестностях лечебницы не обнаружено. Никто не слышал звуков борьбы. Жертвы явно пришли сюда сами, живыми и здоровыми.

Очевидное преступление, чудовищное в своем безумии, было замышлено и совершено в стенах этого дома исцеления. Хирург оборотился мясником, заморочил своим суеверным помощникам головы сказками о перерождении и превратил лечебницу в бойню».

Маленькими глотками он прихлебывал чай и дивился хладнокровию, с которым размышлял о случившемся — точно о злоключениях незадачливого дурака, запутавшего в безумном лабиринте. Именно безумном: иначе и не назовешь. Безумном, как орудие пытки, изобиловавшее ловушками, замками и всяческими уродствами... удивительном, если задуматься. Эти мысли вымотали его до предела, выжали до последней капли, кожа свинцовой тяжестью обвисла на костях.

Хирург посмотрел на руки: как же они болели после зажимов, пинцетов, скальпелей. В них еще теплилась жизнь, пусть малая толика драгоценной жизни, но все же. Покров, разделявший мир мертвых и мир живых, так истончился — дотронься, и он порвется. По эту сторону покрова сагиб чувствовал, как дергает пальцы, как в них пульсирует кровь — боль и кровь не разделить, ведь, как он узнал от мертвых, одной без другой не бывает. Руки, так долго пребывавшие в мучительной праздности, только что выполнили задачу, с которой не доводилось сталкиваться ни одному хирургу, даже самому опытному и располагающему лучшей аппаратурой. И пусть пока ничего не решилось, но этой заслуги у него не отнять: она

никуда не денется, даже если некому будет вспомнить о ней.

Высокопарные мысли, но он не стал их отговаривать. Небо на востоке светлело с каждым мигом; мир готовился к тому, чего еще не бывало и впредь не случится. И если какая историческая минута заслуживала философских размышлений, так именно эта.

«Будь что будет».

С этой мыслью он попытался было встать, но груз воздуха придавил его к крыльцу. Веки тоже отяжелели, стали тяжелее земли. Он позволил себе на мгновение смежить их, чтобы потом, моргнув, открыть глаза, и почувствовал, как чашка выпала из его пальцев.

Перед ним росло дерево. Сперва беззащитный росток, потом тонкий побег, взошедший на влажной почве. Потом дерево взметнулось ввысь, пестрый узловатый ствол вознесся над землею, и листья, точно мотыльки, вспорхнули и бросились врассыпную, волоча за собой ветви и сучья — и вот, наконец, перед ним под пасмурным небом замаячили знакомые очертания баньяна. Хирург сразу узнал далекого старого друга.

По дереву легко и беспечно карабкался мальчик. На плече его висел мешок, пустой, только несколько газетных страниц на дне. Ветки оставляли на руках мальчика сухие царапины. Тапочки шлепали его по пяткам, цеплялись за листья, и он скинул их на землю. Жучки, сверчки, гусеницы выползали из коры, облепляли бесконечные сучья.

Дерево пыталось сбить его с толку, прятало гнездо в лабиринте ветвей. Дерево было умным, но мальчик умнее — он непременно его перехитрит.

В том гнезде много дней лежали яйца, и сейчас из них уже должны были вылупиться птенцы. У будущего умелого хирурга чесались руки: еще немного — и птенцы его. Сперва он обездвижит их в формалине, потом распластает на доске для препарирования, приколет крылья и лапки булавками. А потом скальпелем обнажит легкие, печень и сердце. Зарисует в тетрадку, обнаружит органы, которых не знает наука. И эти органы назовут в его честь. Его имя войдет в учебники. Студенты будут заучивать его наизусть перед экзаменами. Но дерево ревниво: оно так просто не отдаст свое богатство. Оно отводит ему глаза зелеными пеленами. Раз-другой он сбивался с пути, оказывался в тупике, оступался, но старался удержаться на ветке и упрямо полз вверх.

И вот наконец показалось гнездо. Мальчик так торопился, что едва его не проглядел. Яйца выпустили своих наследников в мир. Снаружи скорлупа была зеленой в крапинку, внутри — белой, точно слоновая кость. В гнезде копошились голые птенцы. Ветки царапали их лишенные перьев бока, пытаясь предупредить: вы уже не в утробе, смотрите по сторонам, будьте осторожны. Но птенцы еще были слепы, их лиловые веки пока не открылись. Мальчик забрался на ветку. Тонкая, но его выдержит. Зажав в руке обрывок газеты, он потянулся к гнезду.

И увидел ворону. Не обращая на него никакого внимания, птица порхнула мимо самых его пальцев и уселилась на край гнезда. Услышав это, птенцы подобрались, раскрыли клювы, вытянули шеи. Мальчик убрал руку. Небеса разверзлись, из клюва матери в гнездо упала личинка. Птенцы принялись клевать, качая головами и перебирая лапками. А мальчик просто сидел на ветке и любовался ими: большего ему было уже не надо. Каждый из птенцов казался ему чудом: уничтожить его можно одним взмахом скальпеля, а вот создать такое не хватит и тысячи швов.

Тут нависшее над деревом облако уплыло прочь, унося с собой и тень. Солнце уставило на гнездо свое недреманное око. Листва потемнела, испуганно заголосила. Огонь обуглил ее, обнажил сокровенные прожилки. В них таились узоры жизни, излучавшие невиданное сияние. Гнездо было лишь прикрытием, уловкой, с помощью которой дерево отвлекало внимание мальчика от листвьев. Он поспешил прочесть их, чтобы собрать воедино части великой головоломки, но солнце выжгло все.

На голом дереве осталась одна-единственная ветка с гнездом. Мальчик очутился в западне. Некуда поставить ногу. Нет земли, куда можно спрыгнуть. Птенцы в обугленном гнезде ослабли, иссохли, истончились до скелетов, и мать их бросилась на битву с мучителем. Острым клювом ударила солнце, расколола его скорлупу и проглотила каплю его расплавленного желтка. Он обжег ей зоб; глаза вороны вылезли из орбит, крылья

затрепетали, как плащ на ветру, на горле открылась страшная рана, которую не зашить никакой нитью. Ворона испустила крик.

Но крик этот был не вороний, а человечий. Крик изумления или боли, может, даже первый крик новорожденного. Дерево, гнездо, ворона, птенцы — все обратилось в пыль, и взгляду снова предстала деревня у подножия холма. А в небе над нею — желтый край древней бессмертной звезды, ползущей вдоль земли.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Хирург проснулся неожиданно, точно вдруг наткнулся на стену. Сколько же он пропал? Вряд ли долго — только что солнце было за горизонтом, и вот уже взошло, — но так глубоко, что сейчас чувствовал себя ныряльщиком, который сilitся выплыть на поверхность. Он дернулся, ударился голенюю о скамью, кости пронзила боль, но хирург упрямо поднялся и ощупью побрел вдоль стены.

Коридор казался непривычно длинным. Звуки не умолкали — не то стон, не то плач, да, вот что это такое, пронзительный крик. Кто-то позвал его по имени, кажется, аптекарь. Муж ее стоял, вцепившись в дверной косяк, она пряталась за ним. Хирург завернул за угол, вошел в дальнюю комнату, и едва он показался на пороге, как все стихло.

Он зажмурился, опустил голову, покачал ею туда-сюда, отгоняя тени, застилавшие глаза. Учитель стоял возле своей койки. В глазах его читалось замешательство — а может, испуг; он вытянул перед собой руку, растопырив пальцы, точно отмахивался от съевшего в лицо снега. Лежавший на полу мальчик приподнялся на локте. Хирург взглянул на него, и мальчик тут же опустился обратно на матрас, как будто вспомнил, что вставать им запретили.

Женщина тоже стояла. Лицо ее исказила гримаса — но не боли, а гнева; если бы не торчавшая из горла трубка, хирург нипочем не узнал бы свою пациентку. Она оскалилась, стиснула зубы. Не ее ли крик он слышал? Сейчас женщина молчала, но дышала так тяжело, что воздух со свистом выходил из трубки.

В остальном же все трое ничуть не переменились. Не корчились от боли, не хватались за бока. Не теряли сознание, не падали. Кровь не лилась рекой. Малыш в колыбельке лежал так же неподвижно, как в утробе.

Хирург вошел в комнату, и учитель попятился, взмахнул рукой, словно хотел защититься. Сагиб схватил его за запястье. Рука у хирурга онемела, точно ее накачали анестезией, но это были всего лишь остатки сна, текшего по его венам.

— Не двигайтесь, — велел он, пытаясь нащупать пульс на запястье учителя. Отыскал нужное место, сжал.

Но пульса не было.

Хирург выпустил руку учителя, потрогал его шею под самым подбородком. Никаких признаков жизни. Другой рукой хирург пощупал собственное горло, и под пальцами его забился частый сильный пульс.

— Как же так? Ведь уже рассвело. Почему же вы не...

— А вы спросите его, доктор-сагиб, спросите его, — так резко перебила женщина, за всю ночь произнесшая от силы несколько тихих слов, что хирург только диву дался: она ли это?

Ее муж поежился.

— Давайте подождем еще чуть-чуть, сагиб. С минуты на минуту мы...

— Не лги! — гневно прикрикнула на него жена.

Мальчик дернулся от материнского вопля, прижал колени к животу, обхватил их руками.

— В чем дело? Что происходит? — растерялся хирург.

Учитель отвел взгляд.

— Он мне только сейчас сообщил, сагиб, — женщина ткнула пальцем в мужа, — только сейчас, когда я спросила, почему ничего не получилось. Только сейчас, в эту самую минуту, и это после всего, через что мы прошли...

Мужчина съежился от упрека.

— Простите меня, сагиб, я не думал, что так выйдет, вот и не стал вам говорить.

— О чем говорить?

— Тот ангел из загробного мира предупредил меня, что могут возникнуть проблемы. Он не мог нам гарантировать, что все сложится благополучно.

— Проблемы? Какие? Повторите в точности, о чем он вас предупредил.

— Ангел сказал нам...

— Не нам, а тебе, — отрезала жена. — Мне он ничего не сказал. Он разговаривал с тобой.

— Ангел сказал мне, что состояние, в котором нас отправят обратно, состояние между жизнью и смертью, в общем... возможно, нашим телам не так-то просто будет ожить. У нас повсюду

тромбы — в каждом кровеносном сосуде, в сердце, в мозгу. Ему придется их разжижить, разбить свежей кровью. Запустить кровоток. И оживить все органы одновременно, в один и тот же миг, или мы умрем на месте. Он полагал, что все должно получиться, хотя прежде ему такого делать не доводилось и это очень непросто. Он пытался мне объяснить, но я почти ничего не понял. И поверил ему на слово.

— А мне ты, значит, не доверяешь, — взвизгнула жена. — Раз ничего не сказал.

— Если бы я тебе сказал, ты бы отказалась и никуда не пошла.

— Да как ты смеешь! Это мое дело. Я имею полное право отказаться. Это моя жизнь. И мои дети. Ты же клялся, что все пройдет гладко.

— Неправда, никогда я такого не говорил. Я всего лишь... я не хотел, чтобы ты испугалась и отказалась.

Хирург поднял руку, призывая обоих успокоиться.

— А теперь еще раз и помедленнее. Что именно сказал ангел? Что произойдет, если на рассвете по вашим венам не потечет кровь?

— Он предупредил, что тогда мы оживем не сразу.

— А когда же?

— Не сказал.

— Ну хоть примерно? Через несколько часов? Дней?

— Не знаю, сагиб. Не знаю.

— То есть, может, и месяцев? В таком вот состоянии?

— Нет, что вы... ангел никогда бы этого не допустил.

Хирург лишь покачал головой. Проделать этакий путь, вернуться с того света и умолчать о самом важном. Что тут скажешь? Глупость, да и только.

— Но он хотя бы упомянул, каково вам будет? Всем одинаково? Или кому-то вернуться к жизни окажется сложнее, чем остальным?

Мальчик сполз с матраса, прижался спиной к материиной койке.

Учитель зажмурился.

— Ангел предупредил, что кто-то может ожить раньше, кто-то позже, и он не знает, кто из нас когда воскреснет. Я подумал, речь о считанных минутах, и не придал этому значения, не догадался его расспросить.

Раздался пронзительный визг, и хирург вздрогнул: женщина резко опустилась на койку, ржавые ножки скрипнули по плитке. Но в женщине никакой перемены не произошло — она лишь схватилась за щеки и ошеломленно уставилась в пустоту.

Дыхание хирурга участилось; горячий воздух щекотал ноздри.

— Вы мне всю ночь талдычили о рассвете. Ни о чем другом. А об этом и словом не обмолвились.

— Простите, доктор-сагиб, мне... очень стыдно.

— То есть вы решили, что я не заслуживаю знать всю правду?

— Я не хотел усложнять, сагиб: надеялся, что все пойдет по плану.

— И вы решили сообщить мне ровно столько, сколько было нужно, чтобы я начал работу и выполнил, что от меня требовалось.

— Нет, сагиб, пожалуйста, не говорите так. Я доверился ангелу. Что мне еще оставалось?

Тут женщина рывком встала с койки, разгладила медицинский халат, топорщившийся вокруг ее шеи.

— Я ухожу, — с каменным лицом сообщила она. У ее мужа от испуга перехватило дыхание:

— Куда?

— Обратно. — Она схватила лежавшего в колыбели ребенка. Голова его бессильно запрокинулась, ткнулась в ладонь матери. Другую руку женщина протянула сыну:

— Идем.

Мальчик прижался к кровати.

— Идем, — повторила она, но мальчик застыл на месте и лишь таращился на мать.

Женщина сделала два шага к сыну. Новорожденная девочка бессильно повисла на ее руке. Из-за спины хирурга вышла аптекарь и протянула руки, точно готовясь подхватить младенца, если тот вдруг упадет.

Несмотря на все запреты, женщина наклонила голову, нагнулась и попыталась схватить сына. Мальчик стиснул кулаки, спрятал их за спину. Мать несколько раз попробовала взять его за руку, а потом, отчаявшись, подхватила

под мышку и потянула мальчика вверх, вынуждая подняться.

— Куда вы собрались? — удивился хирург.

— Прочь из деревни.

Учитель словно обезумел.

— Нет. Не надо. Не делай этого.

— Это еще почему? Все лучше, чем так: сидеть и ждать незнамо чего.

— Но тогда зачем мы вообще пришли сюда?

— Потому что ты нас обманул. — По лицу женщины рассыпались волосы, она попыталась убрать их, но не сумела, поскольку одной рукой держала младенца, а второй вырывавшегося сына. — Ты ведь ни о чем другом и думать не мог с той самой минуты, как мы очутились на том свете. Я-то еще пыталась найти утешение, уговаривала тебя и себя: нужно смириться с тем, что мы здесь оказались, не так уж все и плохо, как ты говоришь, мы должны принять свою участь, довериться богу, раз такова его воля. Тебе же втемяшилось в голову, как бы вернуться в мир живых. И для чего? Чтобы кто-то из нас ожил, а кто-то снова умер? Там мы хотя бы не разлучались.

Она дернула сына за руку.

— Папа, папа! — мальчик вцепился в раму кровати.

— Хватит. Перестаньте сейчас же, — потребовал хирург, но и ему не удалось ее успокоить. Женщина тянула сына, пока тот не выпустил железную перекладину. Сколько же сил придало ей отчаяние! Хирург преградил ей путь.

— Пожалуйста, остановитесь, подумайте хорошенько.

— Сагиб, я знаю, каково это, когда тебе перерезали горло. Каково умирать. Когда он только заикнулся об этом, об этой новой жизни, я испугалась того, что нам придется перенести, но все-таки согласилась. Я ведь как думала: ну ладно, потерплю одну ночь, а там будь что будет. А что же нам теперь остается? Только страх. Уже утро. Скоро будет день, потом ночь. И что прикажете делать, сагиб? Ждать боли? Лежать тут, пока наши повязки не пропитаются кровью? Нет, я так жить не хочу. Это не жизнь. Это хуже смерти. На том свете, конечно, плохо, но все лучше, чем так мучиться. Я не допущу, чтобы дети мои страдали.

Учитель протиснулся к жене.

— Умоляю, послушай. Я хотел, как лучше. Для нас всех.

— Так идем с нами. Вернемся вместе.

— Ты решила себя убить? Убить наших детей?

— Убить? Это каким же образом? Тут уже и убивать-то нечего.

Мальчик вывернулся из материных рук, бросился обратно. Она попыталась схватить его, но лишь царапнула ногтями его кожу.

— Иди сюда, сынок, возьми меня за руку. Идем со мной.

Мальчик пополз на четвереньках прочь от нее, забился в угол комнаты, прижался к стене, заскулил, испуганно покачал головой.

— Подумайте сами, — сказал хирург. — Подумайте о том, что вы делаете.

Лицо женщины исказилось: она зажмурилась, раскрыла рот в страшном беззвучном вопле, потянулась к сыну.

Аптекарь на цыпочках подкралась к женщине, одной рукой подхватила забытого всеми младенца под голову, второй — под попку, и женщина выпустила свое дитя, осела на кровать, закрыла глаза растопыренной пятерней, так что казалось, будто она смотрит из-за тюремной решетки, впилась ногтями себе в лоб. Аптекарь дрожащими руками положила девочку в колыбель и тихонько отодвинула подальше от матери.

Чудо, что на этот шум еще не сбежалась вся деревня. Хирург выглянул в коридор, но увидел только стоявшего у стены перепуганного мужа аптекаря. На склоне холма, насколько его было видно из окошка дальней комнаты, царила утренняя свежесть и безмятежность.

Учитель уселся на койку, отвернувшись ото всех, оперся на согнутую руку, другой прикрыл глаза.

— Что-то еще? — спросил хирург.

Учитель по-прежнему закрывал лицо ладонью, чтобы никто не заметил гримасы стыда.

— О чем еще вы мне не сказали?

В банке, которую учитель прижимал к груди, громко забулькал воздух. Во время бурной ссоры этот человек не забывал оберегать сосуд.

— Вы ведь о чем-то умолчали, верно? Положите руку на голову сына.

— Ради бога, сагиб, пострайтесь меня понять, пожалуйста, не надо...

Веки хирурга снова налились свинцовой тяжестью. Несмотря на окружающую суматоху его неумолимо тянуло в сон, в туманную бездну. Все заволакивалось болезненной тенью: и стены, и солнце, и мертвцы. С каждым взмахом его ресниц они темнели, тускнели. У него не осталось сил выносить эту мерзость. Хотелось рухнуть на кровать и погрузиться в забытье.

— Поклянитесь головой сына. Поклянитесь жизнью, которой вы ему желаете, что ничего не скрыли от меня.

Учитель походил на преступника на допросе. У него вдруг словно заострились скулы, запали глаза.

— Мне не следовало соглашаться, доктор-сагиб, надо было отказаться сразу же, как только ангел сказал мне об этом.

— О чем?

— Теперь-то я понимаю, что надо было отказаться сразу же, сию минуту...

— Перестаньте вилять, черт вас побери, говорите как есть!

Учитель вжал голову в плечи и поднял руки, словно ожидал, что его следующие слова вызовут вспышку гнева.

— Ангел сказал, если все кончится плохо и возникнет реальная опасность, что наша тайна выплынет наружу, ему придется забрать нас всех на тот свет. А вместе с нами и всех живых, кто нам помогал.

В ушах у хирурга зазвенело, словно от оглушительного взрыва петарды. Он силился понять слова учителя, но, как ни пытался, не мог отыскать в них смысл.

- Что...
- Сагиб, я не подумал...
- Всех живых? То есть...
- Вы хорошие люди. Я не имел права...
- Вы играли с нашими жизнями. Даже не зная, что мы за люди.
- Нет, сагиб, нет, пожалуйста, вы всё не так поняли. Я был в отчаянии. Я был готов на что угодно, лишь бы спасти семью. Тем более что нам никто и никогда уже не сделал бы такого предложения. Я вынужден был решить: теперь или никогда. Я не подумал, не учел, как это повлияет на других, сагиб. Я поступил очень дурно, но ради бога, не вините мою жену, моего сына. Они об этом ничего не знали.
- И вы... вы смели рассуждать о справедливости, о том, как нечестно, что вы погибли...
- Я полагал, что все пойдет по плану, сагиб. И не ждал беды. К тому же ничего плохого еще не случилось. Мы можем воскреснуть в любую минуту, и все будет как надо.

Вопиющая наивность, подумал хирург. На него вдруг навалилась страшная тяжесть, разболелись все кости, но сильнее всего — голова. Он услышал, как ахнула аптекарь, но не сумел заставить себя обернуться к ней. Хирург вцепился в дверную филенку, чтобы не упасть, но дверь распахнулась,

глухо стукнула о стену, и он качнулся вслед за нею. Учитель дрожал всем телом — наверное, от рыданий, — но глаза его оставались сухи, по искаженному лицу не текли слезы, и выглядело все это слишком жутко, чтобы иметь хоть какой-то смысл. Хирургу вдруг показалось, будто ночь началась с начала: мертвецы только-только явились в лечебницу, рассказали о своих злоключениях и сделали его заложником этой ситуации.

— Вызывайте вашего ангела.

Учитель сперва будто бы не расслышал, а потом изумленно уставился на хирурга.

— Он ведь откликается на ваш призыв, так? Вот и зовите его.

— Но это было там, в загробном мире. Сюда-то ему не попасть.

— Вы же сами говорили, что при желании ангелы это могут.

— Поймите, пожалуйста, доктор-сагиб, ангел не может... не придет в эту деревню.

— И что прикажете нам делать? Никто из вас не знает, что будет дальше. Только ангел.

— Но ведь он...

— Хватит со мной спорить, идиот вы этакий! Вы и так уже наломали дров. Давайте зовите своего ангела.

От этой гневной тирады учитель словно сделался меньше ростом. Он медленно поднялся с койки, сложил дрожащие ладони и прижал к губам. Потом закрыл глаза и забормотал молитву на незнакомом хирургу языке, не прерываясь ни на секунду.

Ну разумеется, зачем ему передышки, он способен продолжать, пока солнце не погаснет и луна не рассыплется в прах. Хирурга вдруг пробрал озnob при мысли, что в его лечебницу и впрямь заявится небожитель, сияя, как светлячок. И что тогда делать? Умолять оставить жизнь ему и прочим, молить о милосердии существо, для которого он не ценнее таракана?

Но ничего не изменилось. Даже воздух не шелохнулся. Хирург оглянулся и заметил, что мальчишка по-прежнему жмется в углу, подтянув колени к груди. Мальчик испуганно посматривал на всех исподлобья; каштановые волосы застилали ему глаза. Мать его отвернулась лицом к стене — то ли от злости, то ли от горя, то ли от стыда. А может, ей невыносимо было видеть мужа, униженно возносящего бесполезную молитву. Учитель бубнил монотонно, жалко; неразборчивые звуки поднимались и опадали волной.

Хирург обернулся. Аптекарь спряталась за спину мужа. Оба были бледны и смотрели на него с упреком: по крайней мере, так ему показалось. «Это вы втянули нас в это, сагиб», — услышал он, хотя никто из них не раскрыл рта. Утешить их было нечем, он отвернулся и вышел в коридор.

На полу валялись шприцы — новые, в упаковке. Наверное, выпали из коробки, когда хирург ударился ногой о скамью. При воспоминании об этом у него снова заныла голень, он наклонился, ощупал ее. Штанина в этом месте промокла. Кровь утром все-таки пролилась, но не у того

персонажа этого фарса. Предвестие гибели. Значит, жить ему осталось недолго. Считаные часы. Каково-то будет умереть по прихоти бюрократа? Душа отлетит, и тело рухнет; наверное, он сломает себе что-нибудь, ну да уж какая разница: умер так умер, и неважно, кто тебе чего обещал. Но эта девочка и ее муж... нет, слишком мучительно думать о том, что и они погибнут. Если ему суждено умереть, пусть он сам умрет трижды, но только не они, боже, не они.

Под веками его копилась влага, но он так устал, что даже слезы не текли из глаз, как он ни тер их ладонями. Бормотание в дальней комнате не смолкало. Оно продолжалось даже после того, как он вышел в коридор. Глупо, невыразимо нелепо ожидать, что чиновник из загробного мира явится по вызову к земным букашкам. Хирург поковылял на крыльце: может, там будет легче дышать.

И увидел стоящего на гравийной дорожке чиновника. Того самого, который днем ранее привез в лечебницу вакцины от полиомиелита.

ПЯТНАДЦАТЬ

Yхирурга душа ушла в пятки. Невероятно, подумал он, наверняка я обознался, — но сомнений быть не могло: это тот же самый чиновник. И даже синяя куртка-сафари на нем была та же, что и вчера.

Чиновник тоже его заметил, и хирург перевел взгляд на небо, притворившись, будто залюбовался утренним пейзажем, потом неслышно развернулся и ушел в дальнюю комнату.

У двери плечом к плечу сидели аптекарь с мужем. Учитель по-прежнему молился, закрыв глаза. Женщина, мальчик, новорожденная — все были такими же, какими он оставил их.

— Слушайте меня внимательно, — выдавил хирург. — Повторять не буду. Запритеся, и чтобы ни звука. И не показывайтесь, пока не позову, что бы ни случилось.

Учитель замолк и уставился на хирурга — сперва недоуменно, потом изумленно.

— Но как же... — начал он и осекся. Ладони его по-прежнему были молитвенно сложены у груди. Он никак не мог сообразить, в чем дело; жена его поднялась с кровати, закрыла створки двери и задвинула засов.

Аптекарь потянула мужа в аптеку, но хирург остановил их:

— Не сюда, — и указал на открытое окно в передней стене.

Аптекарь с мужем на цыпочках прокрались мимо автоклава в операционную. Хирург не помнил, выбросил ли лежавшую на столе плаценту, но сейчас уже думать об этом было поздно. Дверь за ними закрылась.

Лучше встретить чиновника сидя, решил хирург. Не дай бог, ноги подкосятся. Он машинально взглянул на автоклав, заметил мигавший на его крышке красный огонек, догадался, что тот вот-вот закончит работу, повернул выключатель и выдернул вилку из розетки, чтобы автоклав не напугал его неожиданным пронзительным писком.

Хирург вышел в коридор, направился было в приемную, но тут снаружи раздался хруст гравия, и он застыл лицом к выходу, расправил плечи, сцепил пальцы за спиной, прикусил изнутри нижнюю губу, чтобы не дрожала, и попытался придать лицу подходящее слушаю равнодушно-удивленное выражение. Не успел он собраться с духом, как на пороге лечебницы показался чиновник. За спиной его синело небо.

— Доброе утро, доктор-сагиб. Я смотрю, вы всё хлопочете.

Чиновник шагнул в коридор.

— И кто только придумал строить лечебницу на холме? Очень странное решение: чем хуже пациенту, тем меньше вероятность, что он сюда доберется. Получается, лечебница только для здоровых.

Чиновник, казалось, ничуть не запыхался от крутого подъема. Может, потому что сегодня не принес никаких коробок. Он окинул взглядом коридор, сложенные на скамье медикаменты, упаковки со шприцами на полу.

Хирургу следовало что-то ответить, изобразить гостеприимного хозяина; утро обещало оказаться абсурднее предшествовавшей ночи. Расцепив переплетенные за спиной пальцы, он жестом привгласил чиновника в приемную.

— Хотите чаю? Я недавно заваривал, — у хирурга дрогнул голос, но чиновник словно и не заметил.

— Почему бы и нет.

Держась так же прямо, как в минуту встречи, хирург провел чиновника в приемную. Аптекарь оставила чайник на столе, как всегда. Он налил чиновнику чаю.

— У вас усталый вид, сагиб.

Хирург с прошлого утра не смотрел на себя в зеркало, но догадывался, что после бессонной ночи у него под глазами наверняка чернеют круги.

— Вчера вы меня встретили не так тепло, — заметил чиновник.

Хирург поставил перед ним чай, хотя тот наверняка уже остыл: над чашкой не поднимался пар, — и вспомнил, что собственную чашку забыл во дворе. Стул привычно скрипнул под ним, на стеклянной столешнице расплылись влажные полукружия от кончиков пальцев. Под стеклом хранилась всякая всячина: пожелтевшие

рецепты, записки на клочках бумаги, цветки с растопыренными пыльниками.

— Как все прошло, сагиб?

— Что именно?

— Прививки. Все вакцины использовали?

— Да, все.

— Вот и славно. Восхищаюсь вами: большое дело здесь делаете, да еще при таких скучных средствах.

— Стараюсь.

— Немногие хирурги согласятся работать в таких вот лечебницах.

— Гм.

— Трудно вам тут, наверное.

— Да, трудно.

— Еще и из своего кармана лекарства покупаете.

— Увы.

— Очень жаль, что вам приходится жертвовать собственными нуждами во благо лечебницы.

— Делаю, что могу.

Чиновник устроился поудобнее, сложил на брюшке мягкие пухлые ладони. Ногти на руках у него были маленькие, округлые, аккуратно подстриженные. Когда он говорил, у него появлялся второй подбородок. К чаю чиновник так и не притронулся.

— Вы же знаете историю о брахмане и Ганге, доктор-сагиб?

— Э-э-э...

— Наверняка вы ее слышали, может, просто забыли. А история такая: жил-был бедный брахман,

и никого у него не было. Шли годы, спина его согнулась от старости, волосы побелели, и он понял, что скоро умрет. Лишь одного хотелось брахману, прежде чем он навсегда закроет глаза, — окунуться в воды Ганга.

Но наш брахман за всю жизнь ни разу не покидал своей деревеньки. Что он знал о мире? Кто-то сказал ему, что Ганг на севере. И вот этот бедняк продал все, что имел, раздал долги, взял посох, увязал в узелок припасы и отправился в путь.

Через полдня брахман очутился на берегу ручья. Он бросил узелок на землю, зачерпнул из ручья пригоршню воды и вылил себе на голову.

Мимо проходил крестьянин из деревни неподалеку. Он узнал брахмана и спросил:

— Одежду стираешь?

— Нет, очищаю себя, — ответил брахман. — Эта вода, текущая из Ганготри, смоет мои грехи, и я смогу умереть спокойно.

— Это не Ганг, — возразил крестьянин, — это просто ручей. Ганг гораздо дальше.

Как ни ослабел брахман, а пришлось ему собирать пожитки и снова отправляться в путь. Раскаленная земля обжигала его подошвы. После каждого часа ходьбы он на два часа делал привал.

Через два дня он вышел к реке. Помолился, поклонился богу и вошел в воду.

— Почему ты здесь молишься, дедушка? — спросил его случившийся на берегу пастушок.

— Грехи смываю, сынок, — ответил брахман. — К смерти готовлюсь.

— Грехи смываешь? В этой-то воде? Но это же самая обычная речушка, дедушка. Она питает наши поля, и только. Если ты ищешь Ганг, так он дальше.

Брахман совсем обессилел, но что еще ему оставалось? Он снова тронулся в путь, по дороге просил еду, чтобы душа не рассталась с телом. Теперь ему приходилось останавливаться и давать отдых костям каждые пять минут — под деревьями, большими камнями, где находилось mestечко.

Наконец он вышел к широкой могучей реке и со слезами ступил в нее. Радость его была так велика, что даже боль оставила его. С воодушевлением и верой он вознес последние молитвы, окунулся в реку и очистился.

Проплывавший мимо на каноэ рыбак окликнул брахмана:

— Эй, осторожнее, стариk, смотри не утони!

— Все мы однажды умрем, — улыбнулся в ответ брахман. — И я намного раньше тебя. Утонуть в Ганге — блаженство: я пряником попаду на небеса.

Рыбак так расхохотался, что едва не перевернулся каноэ.

— В Ганге? Вот дуралей беззубый! Да кто тебе сказал, что это Ганг? Это всего лишь его приток. А тебе через мост и на север.

К тому времени брахман уже едва дышал; от каждого шага у него кружилась голова, его била лихорадка, в горло не лезла ни пища, ни вода. Он понимал, что смерть близка.

Мимо него по дороге прошли веселые люди в нарядных одеждах.

— Чему вы так радуетесь? — спросил брахман мальчишку из толпы.

— Мы идем окунуться в Ганге, — ответил тот, — до него отсюда рукой подать.

Отчаяние наполнило душу брахмана: он чуял, что уже не дойдет, и все-таки побрел вперед, опираясь на посох и стараясь не отставать от остальных, но путешественники обгоняли его один за другим. Ноги его отяжелели, как жернова. На горизонте замаячил Ганг — на этот раз настоящий, голубой, полноводный. Но брахман весь горел, боль теснила грудь. Псох выскоцкъзнул из рук брахмана, и он замертво рухнул в грязь.

Душа его оставила тело и устремилась в мир иной. Он предстал перед Читрагуптой¹² и его книгой добрых и злых дел.

— Великий боже, — воскликнул брахман, — я не сумел очиститься. Я исполнен греха. Отправь меня в преисподнюю, если хочешь, ведь я не сумел омыться в Ганге.

— Ошибаешься, сын мой, — ответил Читрагупта и открыл брахману дверь на небеса.

Такая вот история, доктор-сагиб. Трогательно, не правда ли? Как вам кажется, в чем заключается ее мораль?

В обычный день манера, в которой была рассказана эта притча, привела бы хирурга в ярость.

---

¹² Читрагупта — бог кармы, писец Ямы, бога подземного мира. Ведет список хороших и дурных поступков.

Даже сейчас ему не верилось, что он вот так покорно сидит и слушает снисходительную нотацию. Но злиться не было сил; хирург открыл рот и пробормотал:

— Мораль? Любая речушка... может стать такой же священной, как Ганг... если есть вера. Вы это хотели услышать?

Чиновник воздел указательный палец к потолку, точно лектор.

— Вот и все так думают. Вы не единственный, кто предлагает такое оптимистическое истолкование. Я же, признаться, держусь иного мнения. Я много думал об этой истории и понял, что истинная ее мораль в другом. В том, что нет никакого Ганга.

— Как это — нет Ганга?

— Ну то есть, конечно, существует река, которая берет исток в Ганготри, сливается с Ямуной и впадает в океан. А того Ганга, который искал брахман, чтобы омыть грехи, нет в природе. И вода в нем течет самая обычная, никакая не волшебная. Вы знаете это не хуже меня, сагиб.

— Так в чем же тогда здесь мораль? В том, что грехи не смыть, как ни старайся?

— Не совсем. Грех ведь штука неоднозначная: зависит от того, как вы на него смотрите. Брахман верил, что смывает грехи, пусть даже в речушке. Это был компромисс, но это было лучшее, что он мог сделать, и, как оказалось, Читрагупте этого хватило. Вот что я хочу сказать: наши с вами возможности небезграничны, и мы вынуждены идти

на компромисс. Нет никакого Ганга. Выбираешь любую реку, убеждаешь себя в том, что ее воды священны. А об остальном лучше не думать.

От ощущения нереальности происходящего хирурга охватил такой ужас, что даже кошмары предыдущей ночи померкли перед ним. Наверное, поэтому приговоренным к казни надевают мешок на голову: чтобы избавить их от мучительного последнего разговора с палачом, пока им ладят ве-ревку.

— Скажите, сагиб, какую реку вы выбрали в жизни?

— Я... пытаюсь по мере сил помогать людям. Помогать тем, кто приходит ко мне.

— И какой вы ждете отдачи? Для самого себя?

— Да, в общем, никакой. Лишь бы мне жить не мешали. И не причиняли вреда тем, кто со мной работает.

— Только-то? То есть вы всего-навсего ищете равновесия?

— И рад бы жить иначе, но как уж сложилось.

— А что бы вы сделали, если бы для спасения собственной жизни вам пришлось пожертвовать чужой?

— Поступил бы по справедливости. Надеюсь, мне хватило бы мужества на это.

— И как же именно вы поступили бы?

— А это уж зависит от обстоятельств.

— То есть каждый раз выбирали бы новую реку?

— Да, если угодно.

— А как бы вы решали, какую выбрать?

— Вы же сами только что сказали: выбираешь любую реку, убеждаешь себя в том, что ее воды священны, — мрачно ответил хирург, но чиновник развеселился и даже хлопнул себя по бедру.

— Блестящий ответ, доктор-сагиб. Побили меня моим же оружием. Остроумно.

Даже в такую минуту сон сжимал кольцо вокруг хирурга, окутывал его мышцы, туманил мозг. Будь что будет, решил он, пусть даже самое страшное, лишь бы поскорее. Но чиновник все не унимался:

— Скажите, сагиб, вы верите в бога?

— Я? Нет. Я никогда не... не отличался богобоязненностью.

— Богобоязненностью? Гм... Казалось бы, самое обычное слово, однако, если вдуматься, уж очень странное. Ведь бог везде и во всем — в земле, в небе. Но люди же не боятся неба и земли.

— Может, и зря.

— Видите ли, в чем дело: небо и земля убивают кого попало и без злого умысла. Бог же наделен разумом: он думает и выбирает, потому-то его и боятся. Кто знает, что у него на уме. Вот и приходится играть с ним в игры, пытаться разгадать его замысел.

— Играть в игры с богом? Как же это?

— Ну, с самим-то богом никак. Если поставить на улице шахматную доску и пригласить бога сыграть, он не спустится с небес, не станет двигать фигуры. А вот какой-нибудь прохожий запросто согласится. Так и начинается игра. И ведь каждый прохожий уже играет в другие игры. Делит

с братом отцово наследство, пытается взять кредит в банке, мечтает ласкать груди какой-нибудь женщины, не повесив предварительно между них мангалсугру. Все эти мелкие игры — части большой игры, а самая большая, та, что вмещает их все, и есть игра, в которую мы играем с богом.

И этот-то сумасшедший чиновник держал в руках жизнь хирурга и всех, кто был сейчас в лечебнице. Хирурга не просто одолевала дремота, ему казалось, что он вот-вот провалится в небытие, мир и все сущее разлетится на куски, которые никто — даже бог — не сумеет собрать. А чиновник все распинался о глупости верующих: «Обвешаются священными шнурами¹³, в определенные дни едят только то, что предписано, мажут лбы пеплом», о том, что богу наверняка все это противно: «Как вы относитесь к сельчанам, которые лебезят перед вами, доктор-сагиб? Вы ведь их презираете, верно?», о разуме бога: «Он посыпает в мир загадки, чтобы лучше его понять». Хирургу всего лишь раз довелось испытать на себе воздействие анестезии, когда ему удаляли желчный пузырь. И сейчас он чувствовал ровно то же, что и после укола про-пофола в вену. Он отыскал глазами красное пятно на клочке бумаги, лежавшем на столе, и уставился на него так пристально, что эта краснота, казалось, вот-вот выжжет ему сетчатку. Он решил, что покуда видит эту красную точку, мир не растворится.

---

¹³ Речь об упавите, «священном шнуре», который получает мальчик в ходе обряда упанаяны и затем всю жизнь носит на левом плече. Этот обряд символизирует духовное рождение.

Один-единственный разум, если захочет, сумеет удержать все сущее с помощью красной точки.

— …ничего не остается, кроме как играть в его игры. Потому-то бог и не разрушает этот мир: чтобы увидеть, какой следующий ход сделают его творения. — Чиновник уселся поудобнее, усмехнулся в усы. — А смерть — самая гениальная из его игр. Вы в ней порядком продвинулись, не так ли, сагиб?

По лицу хирурга катился пот. Заметив, что чиновник перевел взгляд с его лба на щеку, хирург проворно вытер лицо ладонью. Чиновник же словно никогда и не потел. И кожа у него была невероятно гладкой.

— Что же вы чай не пьете? Даже не пригубили. Он уже остыл, наверное.

— Выпью, выпью, — заверил чиновник, но к чашке так и не притронулся. Волосы и усы у него были неестественно иссиня-черные.

— Вы сейчас тоже со мной играете?

— Вы имеете в виду мой визит, сагиб?

— Именно. Зачем вы пришли?

— Я имею такое же право быть здесь, как и вы. Скажите, а почему вы решили стать хирургом?

— Теперь даже не знаю.

— И все-таки — почему?

— Когда я был студентом, мне казалось, что вырезать больной орган — самый прямой и логичный способ сделать мир лучше.

— Что ж, в этом есть свой резон. А что вам больше нравится: разрезать людей или шивать?

- Что?
- Из всех тварей земных исцелять умеет только человек. А вот рвать плоть способен каждый зверь из джунглей. Наверное, есть в этом некое животное удовольствие. Как в процессе еды и питья. Или в сексе. Удовлетворение естественной потребности.
- Что за гадости...
- Ну да это так, к слову. Вы умеете то, чего мне не дано. Потому я и спрашиваю у вас: больше мне узнать неоткуда. Люблю, знаете ли, задавать вопросы, узнавать что-нибудь новое. Вот скажите, когда вы разрезаете пациента, вы чувствуете возбуждение?
- Сколько можно, в самом деле!
- Когда вы запускаете руки в чужое нутро, зная, что можете одним движением ножниц оборвать эту жизнь, вы же наверняка сознаете, до чего огромна ваша власть?
- Нет, нет...
- Что же вы тогда чувствуете во время операции? Ответьте мне.
- Страх, да и только. Сильнее всего именно страх.
- Ах, вот как! И чего же именно вы боитесь?
- Послушайте, что вам нужно?
- Нельзя же бояться просто так. Наверняка вы боитесь чего-то конкретного.
- Что вы от меня хотите?
- Довольны ли вы тем, что принесло вам мастерство хирурга?

Хирург облизал губы, и ему показалось, будто во рту у него наждак. Чиновник подался вперед:

— Понимаю ваши чувства, сагиб. Не так-то легко смириться с тем, что тот, кого вы прогнали вчера, как крысу, сегодня вдруг получил над вами такую власть, что вы и представить себе не можете.

Чиновник наконец взял чашку. Чай давным-давно остыл, но чиновник все равно подул на него, прежде чем сделать глоток.

— Видите ли, в чем дело. После нашей вчерашиней встречи я отправился прямиком в контору, чтобы взглянуть на ваше досье. Человек вы незаурядный, и я решил изучить ваше дело, выяснить, как вы тут оказались. Ну а там, сами понимаете, вереница комнат, шкафы до потолка. Весь вечер провозился, уже совсем было отчаялся, но нашел-таки, что искал.

Нервы у хирурга напряглись, волосы встали дыбом, точно медная проволока. Застилавшая глаза пелена неожиданно рассеялась.

— Вы, как никто другой, знаете, что такое компромисс, не так ли, сагиб? Такие, как вы, мнят себя лучше других, читают им лекции о честности, но как доходит до спасения собственной шкуры, вы мараете руки в том же деръме. Досье у вас пухлое; ну да это вы и без меня знаете. Вырезки из газет, судебные протоколы и прочее. Я, в общем, вас не виню. Каждому случается ошибиться. На вашем месте я бы тоже попытался подкупить этого хирурга. Если пациент скончался, что само

по себе неприятно, с этим уже ничего не поделать. Зачем еще создавать проблемы врачу? Но тут ведь как: ни почем не угадаешь, с кем имеешь дело. Вам не повезло, что ваш противник оказался последователем Ганди.

Хирург разглядывал распластанные под стеклом цветы, их сухие, коричневые, мертвые лепестки.

— Вчера в коридоре не было всех этих припасов. То есть вы их где-то прятали. Как прячете сейчас в дальней комнате торговца, который за ними пришел. Послушайте, я же все понимаю. Я знаю, что вам слишком мало платят. Все приторговывают медикаментами из-под полы, не только вы, и я вас не осуждаю. Но мне тоже мало платят. По крайней мере, недостаточно для того, чтобы я, обнаружив подобное, держал язык за зубами.

В горле у хирурга стоял ком, в груди теснило. Пухлое лицо чиновника сияло. Он допил чай, вытер капли с усов и откинулся на спинку стула.

— Решать вам. Если вы считаете, что я блефую, что ж, я позвоню кому следует, и мы с коллегами проведем в лечебнице тщательную проверку и инвентаризацию, поднимем всю отчетность, опросим сельчан, не замечали ли они чего подозрительного, ну и так далее. Я-то порядочный человек и умею молчать. Однако же не могу гарантировать, что мои коллеги не расскажут сельчанам о вашем прошлом.

Хирург сунул руку в карман:

— Вот.

Чиновник скользнул взглядом по протянутым к нему двум купюрам.

— У меня жена и дети, сагиб. Дочерей надо выдать замуж. Что бы мы ни думали об этом мире, все равно приходится в нем как-то жить.

Хирург моргнул, посмотрел на деньги, убрал купюры в бумажник и встал; спину прострелило, и он на несколько секунд замер в неловкой позе. Потом доковылял до сейфа, открыл дверцу — внутри оставалась одна-единственная пачка и рядом еще несколько банкнот. Он взял пачку.

Опыта в таких делах у хирурга не было, и он понятия не имел, насколько число купюр в этой пачке превосходило размеры обычной взятки. Чиновнику же явно было не привыкать, и он, не отрываясь, смотрел на пачку: казалось, начнись сейчас песчаная буря, он и тогда не отвел бы глаза. Он принял из рук хирурга деньги и принял грациозно, точно кассир в банке, пересчитывать купюры.

— Только обещайте, что я никогда вас больше не увижу, — сказал хирург.

Чиновник считал деньги, и с каждой новой купюрой взгляд его, казалось, смягчался все больше.

— Я и рад бы вам это обещать, сагиб, но меня приписали к этой лечебнице. И пока на мое место не придет другой, моя обязанность — время от времени проверять, как у вас идут дела. Вам еще повезло, что это я, а не кто-то другой: кто знает, кого пришлют на мое место? Но я могу вам обещать, что вы теперь долго меня не увидите — скажем, полгода. Я и сам к вам не приеду, и коллегам

не позволю вам докучать, но самое важное — я по-забочусь о том, чтобы медикаменты вам доставляли без проволочек. А вы уж делайте с ними что хотите, записывайте в ваши бухгалтерские книги любые цифры, я шлепну печать, не проверяя.

Закончив пересчитывать деньги, чиновник сунул их в карман брюк, сложил ладони, отвесил преувеличенно глубокий поклон и был таков. Хирург почувствовал, что к глазам подступают слезы, и отвернулся к стене.

— Чуть не забыл, сагиб.

На пороге снова стоял чиновник, он указывал на лежавшую с края стола ведомость с отметками о вакцинации от полиомиелита. Ту самую ведомость, в которую хирург до появления мертвецов вписывал номера и числа. Так вот зачем чиновник приходил — чтобы забрать ведомость и отправить в контору. Он не двигался с места, словно ожидал, что хирург встанет и передаст ему бумаги, но чуть погодя все же подошел к столу, взял документы, не удосужившись даже открыть и перелистать страницы, перешагнул через валявшиеся на полу в коридоре упаковки шприцов и вышел из лечебницы.

ШЕСТНАДЦАТЬ

В утренней дымке даже облупившаяся краска казалась чем-то нереальным, точно лечебница сбрасывала старую шкуру, надеясь переродиться. Самая крупная чешуйка краски свисала с потолка приемной, как сосулька. Хирург то и дело выглядывал в окно и каждый раз, поворачивая голову, натыкался взглядом на эту чешуйку. Смотреть вслед чиновнику было отчего-то так же больно, как на солнце: миг-другой — и он отводил глаза. Чиновник шагал беззаботно, будто хотел напоследок еще раз унизить хирурга: даже не обернулся ни разу, словно и лечебница, и все ее содержимое потеряли для него всякий интерес. У подножия холма дорога делала поворот, и чиновник скрылся за осыпающейся стенкой.

— Ушел, — крикнул хирург. Он ужасно устал от смерти, и от того и от этого света.

Первой открылась дверь операционной, и на пороге показалась аптекарь.

— Что он хотел, сагиб?

— Ничего. Забрал бумаги.

Аптекарь бросила на него такой странный взгляд, что хирург задумался, уж не пополнил ли он сам ряды мертвцевов, и незаметно под столом ощупал свое запястье — нет, пульс на месте.

Затем отворилась дверь дальней комнаты и, шаркая, вышел учитель. Казалось, его терзала боль, но не от ран: тут ничего не изменилось.

— Доктор-сагиб, я не знаю, как... у меня нет слов, умоляю, простите меня, поймите, пожалуйста...

Челюсть учителя двигалась, когда он говорил, как и мускулы на лице, — мертвые, разумеется, но имитировавшие жизнь с таким жутким талантом, которого хирургу не понять, сколько он ни проживи. Сколько ни задумывайся, сколько ни шарь в костях и кишках. Может, для того люди и умирают — чтобы наконец постичь тайну смерти.

— Закройте дверь, — перебил хирург.

Учитель захлопнул за собой дверь; аптекарь с мужем остались стоять в коридоре. Учитель упал на колени, и банка с трубкой, выходящей из его грудной клетки, брякнула об пол. Учитель ловил взгляд хирурга, надеясь увидеть в нем сострадание, но хирург, как ни старался, не находил в душе ни капли сочувствия.

— Чиновник, о котором вы говорили, когда я делал вам операцию, — не тот, который послал вас сюда, а другой, наказанный за то, что даровал людям сверхчеловеческие способности, — вы мне рассказали про него всю правду?

— Да, сагиб, чистую правду. Я передал вам то, что он сам мне сказал.

— А теперь подумайте хорошенъко. Не надо отвечать сразу. Быть может, вы все-таки меня

обманули? Быть может, тот чиновник, который послал вас сюда, и чиновник, который дурачил людей, одно и то же лицо, а второго вы просто выдумали, чтобы скрыть эти подробности его прошлого?

— Честное слово, они разные, клянусь вам. Совершенно разные.

Жаль только, подумал хирург, что я уже никогда не смогу поверить учителю, как бы искренне ни звучали его слова.

— Быть может, тот чиновник, который послал вас сюда, решил одурачить и вас, и меня? Что, если мы все — лишь марионетки, которыми он забавляется?

Учитель ответил не сразу. Эта мысль явно приходила ему в голову.

— Признаться, когда чиновник предложил нам помочь, я испугался, не ловушка ли это. Но зачем ему нас дурачить? Какая ему в том выгода?

— А разве у кукловода есть цель?

— Играть чужими жизнями, сагиб? Это было бы слишком жестоко.

— Вы когда-нибудь видели петушиные бои? У нас в деревне их устраивали несколько месяцев назад. Так вот, петухам к лапкам привязывают ножи.

— Уверяю вас, он ни за что бы так не поступил. Не такой он человек.

— Он вообще не человек.

Хирург взял чашку, из которой пил земной чиновник. На дне осталась мелкая заварка. Говорят,

по ней предсказывают будущее; по крайней мере, хирург об этом слышал. Он качнул чашку в пальцах. Интересно, подумал хирург, чье это будущее, мое или чиновника.

— Даже не знаю, что хуже, — сказал он, — бюрократия, которая вынуждает давать взятки, или та, в которой невозможно дать взятку.

— В загробном мире есть по меньшей мере один чиновник, готовый по доброте своей нарушить несправедливые законы, сагиб. А может, он такой и не один.

— Посмотрите, до чего вас довела его доброта.

— Она помогла нам встретить вас, сагиб. И даже если мы снова умрем в эту самую минуту, все равно будем благословлять небо, что провели время в обществе такого великого человека, как вы, — подобострастно выпалил учитель и вновь молитвенно соединил пальцы.

В душе хирурга вспыхнуло раздражение. С чашкой в руках он подошел к приставному столику. Если грохнуть ее об пол, аптекарю придется заметать осколки, подумал он, да и трусливо как-то срывать гнев на неодушевленных предметах. Хирург со стуком поставил чашку на поднос.

— Не несите чепухи, — оборвал он учителя, — а то у меня складывается впечатление, что вы пытаетесь умаслить меня лестью, а потом еще раз обмануть.

Учитель вздрогнул и страдальчески уставился на хирурга, отчего тот пуще разозлился.

— И как мне теперь быть: объявить обо всем на деревенской площади? «Подойдите ближе, селяне, и послушайте меня. Мертвые теперь будут жить — точнее, обитать, поскольку так и останутся мертвецами, — среди нас. Давайте же поприветствуем их в нашей деревне».

— Ну что вы, сагиб... по-моему, об этом и думать нечего. Ведь тогда чиновнику придется всех убить...

— Какая, к черту, разница? Все равно мы с вами рабы — и на этом свете, и на том. Да и не посмеет он убить целую деревню. Пожалуй, так я и сделаю: сперва поставлю в известность сельчан, и у чиновников в кой-то веки не останется другого выхода, кроме как...

— Пожалуйста, сагиб, не говорите так. Чиновник все слышит, я уверен...

Хирурга одолевала уже не сонливость, а какое-то густое, всепоглощающее оцепенение, в котором ни заснуть, ни проснуться. Он рухнул на стул.

— Так что прикажете с вами делать?

— Жена была права, — сокрушенно признал учитель. — Нам не следовало приходить.

— Да, не следовало. Лучше бы оставались, где были.

— Мы пойдем, сагиб. Не хотим больше вас беспокоить.

Хирург хлопнул ладонями по столу, уронил голову на руки и раздраженно выдохнул в стеклянную столешницу.

— Чушь какая, выдумали тоже! Даже если вам удастся незаметно уйти из деревни, трупы-то останутся. Причем со следами операций. Все следы приведут ко мне, и я сдохну за решеткой.

Воцарилось долгое молчание. Наконец учитель проговорил так тихо, что хирург едва его расслышал:

— Мы могли бы... вдруг где-нибудь неподалеку от деревни есть заброшенный колодец, сагиб... Ну или я ночью помогу вам выкопать яму. Вроде как могилу...

Хирург не поднял головы и не ответил. К его изумлению, у него язык не повернулся отказаться от такого предложения. Он и правда знал одно укромное местечко неподалеку от южной окраины деревни, за разрушенным храмом, куда никто не ходил, потому что тамошний идол якобы проклят. Из лечебницы туда вела вниз по склону холма неприметная тропинка, которая далеко огибала фермы и хижины.

Разумеется, вмешивать в это аптекаря и ее мужа он не собирался. Они и так много для него сделали и наверняка рады будут помочь, но он не имеет права просить их о таком. Это придется сделать ему одному. После полуночи он с мертвецами тайком проберется в чащу за храмом. Если соблюдать осторожность, вряд ли их кто-то увидит. Да, придется выкопать могилы. И поглубже, чтобы сохранили их секрет. Рыть будет учитель: он моложе и сильнее, ему и готовить яму, которая поглотит его семью.

А потом хирург выведет мертвецов за пределы деревни. Там они упадут. Снова примут истинный облик. Станут обычными трупами. И их придется тащить. Сталкивать в могилы. Забрасывать землей.

Хирург в ужасе, точно под гипнозом, пытался отогнать эти мысли, но они словно бы развивались сами собой, с ураганной силой сметая жалкие остатки его благоразумия и порядочности. С той самой минуты, как в лечебницу заявились мертвецы, он планировал каждый свой шаг. Каждый надрез, каждый шов, каждый хирургический инструмент: он все распределил и взвесил. Как отключить эту способность планировать? Особенно теперь, в самом конце?

И ведь действительно есть проблема с логистикой: как определить, где проходят границы деревни? Там-сям стояли каменные вехи — кончилась одна деревня, началась другая, — но где именно то самое место, на котором мертвые падут без сознания? В точности ли границы, очерченные государством, совпадают с теми, что установлены в загробном мире? Прежде чем копать могилы, надобно найти ответ на этот вопрос. Иначе поди знай, как долго придется волочить тела.

Значит, одному из мертвецов придется идти первым. Так канарейка задыхается в шахте. Негоже будет, если сын погибнет у матери на глазах. Да и мальчику не следует видеть смерть родителей. Учителю первым идти тоже нельзя: он должен рыть могилы. Лучше, если мать и сын пойдут

рядом. А новорожденную пусть несут на руках. Пусть шагают вперед по тропе при свете луны. В десяти шагах за ними — учитель. А следом хирург, чтобы не видеть лица учителя в тот миг, когда его родные падут на землю.

Хирург резко выпрямился. Стоявший на коленях возле стола учитель вздрогнул от неожиданности и с ужасом уставился на него. Неизвестно, был ли мертвец действительно готов к тому, что им придется покинуть деревню и вырыть себе могилы, когда заговорил об этом, но сейчас он явно понимал, что иного выхода нет. Наверное, догадался, что от него требуется.

И в этот миг хирург осознал всю глубину собственного падения. Как истрепался он душой, как время лишило его последних крупиц человечности, опустошило. Зря он пошел в хирурги. Надо было оставаться судмедэкспертом. Место его всегда было при мертвецах, которые остаются мертвецами. Молча лежат на столе, дожидаясь вскрытия. Ничего у него не просят, и он им ничем не обязан.

— С-с-сагиб, сагиб, — окликнули его из коридора.

Звала аптекарь. Ни хирург, ни учитель не шелохнулись. В дверь постучали, но они не отвечали. Стук раздался снова, громче, настойчивее. Тогда хирург встал и направился к двери; учитель отодвинулся и отвернулся. Хирург распахнул дверь и увидел удалявшуюся спину аптекаря: девушка бежала к дальней комнате.

— Папа, папа! — воскликнул мальчик; тут наконец учитель поднялся с колен и тоже вышел в коридор.

На полу в дальней комнате сидела жена учителя, подогнув под себя ноги. Трубка в ее шее не шевелилась. Мальчик примостился возле матери, держал ее за руку, целовал в плечо. Оба не сводили глаз с зеленого свертка, лежавшего на коленях у женщины. Сверток вздрогнул, аптекарь опустилась на корточки, сложила ладони перед лицом и принялась покачиваться взад-вперед.

Сверток вздрогнул второй, третий раз. Хирург видел это собственными глазами, но все равно не сразу сообразил, что — вероятнее всего — происходит. Женщина протянула ему младенца, точно подношение божеству. Он опустился на колени, взял у нее ребенка, уложил на матрас, развернул пеленки.

Локти девочки были плотно прижаты к телу, пальчики с мягкими ноготками медленно сгибались и разгибались, хватая воздух. На пухлых запястьях морщились складочки; новорожденная сучила ножками, пытаясь сбросить пеленку. Глазки были открыты; огромные черные зрачки двигались туда-сюда. Меж губ виднелись беззубые десны — гладкие, как у старухи, подумал хирург, и тут же одернул себя: обычно сравнивают наоборот. А впрочем, какая разница: по неизвестной причине в начале и в конце жизни рот лишен своего оружия. А в промежутке все слишком сложно. Ребенок был по-прежнему синий и холодный

на ощупь. Хирург положил ладонь на грудь новорожденной, ощупал грудную клетку — та чуть поднялась под его рукой.

— Принесите мне стетоскоп.

Кто-то вложил в его протянутую руку стетоскоп. Хирург велел всем замолчать: мертвцы галдели, перебивая друг друга, и громче всех тараторил мальчишка. Склонившись над девочкой, сагиб провел по ее груди головкой стетоскопа. Жесткие пластмассовые оливы больно давили на уши; в наступившей тишине в них раздавался быстрый глухой стук. Но стучало не сердце ребенка, а кровь у него в висках. Хирург вслушивался внимательно, чтобы удостовериться, что не ошибся, и наконец убрал стетоскоп.

— Она не... — начал было он, но слезы навернулись ему на глаза, и он понял, что не в силах выговорить «не ожила». Если уж эта девочка, которая сучит ножками на зеленой пеленке и под землистой кожей у которой с каждым движением, с каждым вдохом волнуются ребра... если этого младенца нельзя назвать живым потому лишь, что у него не бьется сердце, то виноват в этом язык с его предрассудками — их и следует исправлять. Взгляд ребенка оставался спокойным, даже серьезным, на переносицу набежали морщинки, и казалось, будто девочка глубоко задумалась — ни дать ни взять, древняя душа в очередном своем воплощении изучает мир и его обитателей, прежде чем окончательно принять облик младенца.

— Она не плачет, — сказал хирург, не в силах отвести глаза от новорожденной, — потому что ее не мучит ни голод, ни боль, ни жажда. Ни страх. Ваша дочь — первое на свете создание, которое по-настоящему знает, что такое покой, потому что ей ничего не нужно от этого мира.

С этими словами он поднял взгляд и хотел было вернуть ребенка матери, но ни ее, ни ее сына рядом не оказалось. Хирург оглянулся, но и учитель исчез. Хирург рывком поднялся с пола, едва не завалившись вперед, на девочку, и оперся на ладони, чтобы ее не придавить. Сил подняться из такого положения у него не было, и он подался назад, повернулся лицом к двери, сел на пол, оперся грудью на матрас, удерживая в согнутой руке младенца. В комнате, кроме хирурга с девочкой, оставались лишь аптекарь с мужем. Аптекарь по-прежнему раскачивалась туда-сюда, сидя на корточках, дышала мерно и шумно, поглядывала благоговейно то на сагиба, то на новорожденную, сложив ладони перед лицом. Муж ее, затаив дыхание, сидел, прислоняясь к двери и сжав кулаки, словно готовился отразить нападение невидимого врага, который вот-вот атакует с воздуха.

СЕМНАДЦАТЬ

Хирург несколько раз обошел все помещения, каждый раз меняя очередность комнат, словно бы три человека могли спрятаться от него в крошечной лечебнице, да еще при свете дня. Мертвых след простыл. Осталась только девочка. Органы, которые он вырезал у них ночью, по-прежнему лежали в кюветках в операционной. Медицинские принадлежности, которыми он снабдил их тела, — трубки, катетеры, повязки, баночки, — исчезли вместе с ними.

Проверив в четвертый раз все комнаты, хирург решил, что хватит попусту слоняться по лечебнице, и уселся на стул в приемной. Без чиновника из загробного мира тут явно не обошлось. Видимо, догадался, что ни один из трех не оправится от операции, и забрал их обратно, дабы избавить от повторной гибели.

Но к чему было забирать всех? Мальчик наверняка выжил бы. Рана у него не самая серьезная: подумаешь, удалили селезенку. Так почему бы не дать ему шанс? Наверное, чиновник не сумел запустить их кровоток. В конце концов, солнце взошло, и ничего не изменилось. А может, учителю так сильно хотелось вернуться на этот свет, что он пропустил мимо ушей еще какие-то предостережения чиновника? Будь у «ангела» хоть капля ума, он бы наверняка заранее подготовился к такому

развитию событий. Если уж ему не удалось запустить их кровоток, не мог же он бросить мертвецов в деревне: правда неминуемо выплыла бы наружу. Или хирургу пришлось бы пойти на чудовищные ухищрения, чтобы избавиться от трупов.

Да, но зачем тогда оставлять бескровленного младенца?

А что, если тот учителев чиновник не имеет к этому отношения? Вдруг тут замешаны другие чиновники? Может, чиновник из загробного мира, который решил помочь учителю, как раз принялся за работу, привел в движение сложный механизм своего плана и первым пунктом великого воскрешения даровал младенцу способность двигаться, но тут о его плане узнали другие и моментально забрали всех троих на тот свет, не догадываясь, что части их тел остались на этом.

Хирург услышал какое-то щелканье и не сразу сообразил, что это стучат его собственные зубы, соскальзывая с ногтя большого пальца. Он положил руки перед собой на стеклянную столешницу: пальцы дрожали. Позволено ли ему вообще размышлять о загробном мире и его чиновниках? Что, если они умеют читать мысли и в эту самую минуту как раз следят за ним? А если он догадается, что к чему, сочтут, что оставлять его в живых чрезвычайно опасно, и заберут на тот свет?

Несмотря на испуг, хирурга вдруг охватило отчаянное облегчение оттого, что мертвые исчезли. Отныне они не его забота: больше он за них не отвечает. Он стукнул кулаком по столу, и лежавшая

на краю столешницы ручка вздрогнула и упала на пол. Что же он за человек, раз позволяет себе так думать? Раз допустил подобные омерзительные мысли? Что за эгоистичная скотина...

— Сагиб!

На пороге приемной, на том самом месте, где он впервые увидел мертвецов, стояли аптекарь с мужем. Вид у них был странный, — впрочем, сейчас ему все представлялось странным. Хирург едва не бросился щупать у них пульс.

— Не спрашивайте меня, что происходит. Просто... не спрашивайте, и все. — Он поднялся из-за стола, подошел к окну. Ослепительное солнце было ему в глаза, и он воспользовался этим предлогом, чтобы прикрыть лицо ладонью.

***

Хирург велел аптекарю с мужем возвращаться домой. Муж явно был бы рад поскорее убраться из лечебницы, но жена увела его на крыльцо, и они заспорили шепотом, потом вернулись, очевидно, достигнув согласия, хотя говорила в основном аптекарь, а стоявший рядом с ней муж мрачно помалкивал. Они не могут бросить сагиба в таком состоянии, сказала она. Он устал. Кто знает, что еще случится? Негоже ему сейчас быть одному. И если на них обрушится несчастье, лучше, чтобы он был рядом. Да и не стоит идти днем домой. Все соседи с первого же взгляда на них догадаются, что стряслось неладное. И за девочкой нужен

присмотр, пусть даже она отличается от прочих младенцев.

Муж аптекаря смотрел угрюмо — слишком измучился, чтобы спорить, но решение жены явно его не обрадовало.

Хирург попросил дать ему время подумать. Аптекарь ушла в дальнюю комнату к девочке, муж поплелся за ней и застыл на пороге. Наконец они вернулись — в надежде, что сагиб придумал, как быть.

— Мы запремся в лечебнице, — сказал хирург. — Пусть все считают, что мы уехали в город за покупками. Увидят, что ставни закрыты, и оставят нас в покое, мы хоть поспим. А то у меня голова словно камнями набита. Ну да ничего: выплюсь и решу, как нам лучше спрятать ребенка. — Он хотел добавить «пока она тоже не исчезла», но счел эти слова излишне жестокими, тем более при аптекаре.

Хирург велел мужу аптекаря закрыть все окна лечебницы изнутри. Кое-где шпингалеты были отломаны, и пришлось связать створки веревкой. Почти все окна были забраны деревянными ставнями; а в операционной стекла были матовые, так что с улицы было не разглядеть, что творится внутри.

Сгустки крови, селезенку, плаценту и прочее нужно было поскорее выбросить, пока не началась жара и не налетели мухи. Мертвецы не обнаруживали признаков тления, пока были в лечебнице, но вдруг их внутренности, извлеченные из тела, лишились бессмертия? Аптекарь сложила

все в полиэтиленовые пакеты, и они с хирургом отнесли их к компостной яме. Хирург с аптекарем частенько возились во дворе, к этому сельчане привыкли и вряд ли что-то заподозрят. И все равно, вываливая содержимое пакетов в яму, хирург почувствовал, как напряглись плечи. Его мутило неприятное ощущение, будто бы он избавляется от улик. Казалось, вот-вот вся деревня бросит дела, уставится на них и запомнит каждый их шаг. Вспомнил он и терзавшие его мысли. Но ничего другого ему не оставалось. Спрятать останки можно либо в огне, либо в земле. Так прощаются с телами усопших: либо отправляют на небо в спирали дыма, либо прячут с глаз долой.

Компостную яму они забросали землей, чтобы до останков не добрались бродячие псы, и вернулись в лечебницу. Муж аптекаря запер входную дверь, повесил снаружи замок, залез внутрь через оконце в аптеке — единственное во всем здании, не забранное железной решеткой, — и закрыл его за собой. Хирург погасил свет. Сквозь щели в деревянных ставнях сочился свет, и им было видно друг друга.

***

Измазанные в крови перчатки аптекарь выбросила в компостную яму, а вернувшись в клинику, отмывала руки с мылом, пока те не начали саднить. Потом вытерла их о платье и пошла в дальнюю комнату. Девочка лежала на матрасе, как ее

и оставил сагиб. Кожа ее по-прежнему была синей, лицо умиротворенным, она сучила ножками, сбивая зеленую простыню. Аптекарь наклонилась, понюхала новорожденную, но та ничем не пахла. Пощекотала ребрышки и ножки, но девочка ничего не почувствовала. Глазки ее были открыты, аптекарь помотала головой; из-за закрытых ставен в комнате было темно, и хотя новорожденная водила глазами туда-сюда, время от времени даже ловила взгляд аптекаря, непонятно было, видит ее девочка или нет. Надо же, как редко моргает, удивилась аптекарь и поймала себя на том, что впервые на ее памяти младенец так долго бодрствует и совсем не хочет спать. Она взяла девочку на руки, так что головка новорожденной легла ей на сгиб локтя, несколько раз поцеловала в лобик, уложила в самодельную колыбель и вышла из комнаты.

В дальнем конце аптеки девушка вытащила из-под каменного помоста мешок риса, развела огонь, поставила на плитку кастрюлю с водой и высыпала в нее три чашки риса. Пока вода закипала, аптекарь порылась в корзине с овощами: не найдется ли свежих. Две картофелины, луковица, несколько помидорок, пакетик бобов, дюйм имбиря — по отдельности из этого ничего путного не приготовишь, и она порезала все овощи. Когда рис сварился, сняла кастрюлю с огня, на ее место поставила сковородку, влила ложку масла, оно почти сразу же забулькало; аптекарь добавила горчицу, зиру, куркуму, и они заскворчали.

Аптекарь вспомнила, как мальчик вырезал тюрьму из пенопластовой коробки, и с грустью осознала, что никогда уже его не увидит. «Надеюсь, там, куда он попал, ему хорошо, о нем заботятся, — подумала она. — Надеюсь, он сейчас вместе с родителями».

Девушка выложила нарезанные овощи на сковородку и закашлялась от вони раскаленного масла. Слила из кастрюли воду, высыпала рис на сковородку и закрыла крышкой. За спиной у нее раздался шум, она обернулась и увидела, что муж принес в аптеку коробки из коридора и расставляет на полках. Она поймала его взгляд, и он замер. Мужчина был мрачен, но вовсе не от того, что его вынудили поступить против воли, а от волнения, не окажутся ли ложными его надежды. В их юном браке надежда их не баловала. Он положил руку на плечо жены, она прильнула щекой к его ладони, но тут смесь на сковородке зашипела, аптекарь вернулась к плитке, а ее муж занялся коробками.

Сагибу она об этом не говорила, он в такое не верит, даже муж ее, человек набожный, испугался, не тронулась ли она умом. Аптекарь знала, что новорожденная девочка — не обычный ребенок, а воплощение какой-то богини. Им с мужем оказали великую честь, избрав для этого служения. Теперь-то она ясно все понимала — и почему это случилось с ними, и почему мертвцы явились на этот свет. Они пришли вручить младенца их заботам. Пусть сейчас им непросто, но ведь и Кришна

родился в темнице ночью, исполненной дурных знамений — лил дождь, и река вышла из берегов, и было много чего еще. А посмотрите, какого величия он достиг. Если она сделает все, что в ее силах, чтобы уберечь эту девочку, вырастит и воспитает ее, посвятит ей жизнь, кто знает, какие чудеса той суждено явить, какие несправедливости и злосчастья изгнать из мира?

Аптекарь разложила рис по двум тарелкам. Самой ей есть не хотелось: тянуло низ живота, подташнивало. Месячные еще нескоро: видимо, побаливают рубцы после туберкулеза яичников, из-за которого у нее в маточных трубах остались спайки. Сагиб уверял, что инфекция давно прошла, ведь аптекарь несколько месяцев пила антибиотики, а рубцы болеть не должны, хотя, конечно, теперь они останутся навсегда. Ну да что уж тут: приходится принимать волю бога и не задаваться лишними вопросами. В конце концов, если уж он создал этот мир и всё, что в нем, определил место для каждой звезды на небе и каждого камешка в реке, он, как никто, знает путь, предназначенный человеку.

Аптекарь унесла тарелки.

***

Хирург глотал еду, практически не жуя, хотя аптекарь и извинялась, мол, рис получился невкусный. Муж аптекаря сидел на полу, скрестив ноги, и тоже ел с аппетитом. Когда на тарелках ничего

не осталось, хирург вспомнил про пакетики с кровью в коридоре и переложил их из контейнера со льдом в холодильник. Кто знает, вдруг на днях заявится еще один крестьянин с рваной раной на руке, и тогда кровь очень даже понадобится.

Сагиб подождал в коридоре, пока аптекарь готовила постели. Девушка бросила на пол в аптеке два тоненьких тюфячка и сейчас стелила хирургу в приемной, стараясь устроить матрас как можно удобнее. В дальней комнате никто из них оставаться не захотел (они об этом не говорили, но всё и так было ясно), равно как и спать на койках, на которых лежали мертвецы.

- Мы как воздушные змеи, — сказал хирург.
- Змеи? — переспросил муж аптекаря.
- Да. Воздушные змеи на бечевках.

У хирурга затекла шея; чтобы облегчить напряжение, он запрокинул голову, уставился в потолок и почувствовал, как приятно сжимается кожа затылка. К его изумлению, муж аптекаря повторил его жест, точно надеялся увидеть на потолке воздушного змея.

— Интересно, — заметил хирург, — что бы думал воздушный змей, будь у него мозги. Наверное, решил бы, что его положение в небе — единственная устойчивая точка во вселенной, и постоянно беспокоился бы о том, как удержать на месте весь прочий мир. Он ведь тоже держится на одной единственной бечевке. На одном конце этой бечевки, точно на острие булавки, балансирует вся земля. Она полна опасностей: деревья с когтистыми

ветками, которые так и норовят проткнуть в змеевом полотнище дыру, дикие звери, которые рыщут повсюду, пытаясь схватить его и порвать, и еще вода — вокруг столько воды, а воздушному змею нужно во что бы то ни стало держаться от нее подальше, ведь, если он упадет в воду, ему конец. Из-за сильного ветра земля, куда ни глянь, трепещет вокруг змея, но он держится за бечевку, удерживая землю на безопасном расстоянии. На земле зло, грех и смерть, думает змей, а небеса чисты, и коль скоро ты управляешь своим клочком небес, тебе ничего не грозит.

Хирург заметил озадаченное лицо мужчины и махнул рукой:

— Идите отдыхайте. Оба. Выспимся, тогда поговорим.

Аптекарь принесла из дальней комнаты колыбельку и поставила рядом со своим тюфячком. Хирург опустился на колени возле младенца, осмотрел его еще раз, но девочка была по-прежнему бескровна и безмятежна. Он погладил ее по щеке.

— Будь это обычный ребенок, мы бы сказали всем, что ее оставили у нас на крыльце. Теперь же придется прятать. Как стемнеет, перенесем ее ко мне: туда никто не заглянет, там вы сможете за ней ухаживать. Посмотрим, долго ли нам удастся хранить тайну.

Хирург доковылял до приемной, закрыл за собой дверь. Взгляд невольно упал на приставной столик и чашку, которой касались губы чиновника. Он долго спокойно смотрел на нее, думал

об учителе, его жене и сыне, о месте, в которое они, скорее всего, вернулись. Вспомнил слова покойницы: мол, тот свет не так плох, как полагает ее муж. Она сказала это в порыве гнева, но хирург надеялся, что это правда. Отчего-то существование загробного мира пугало его куда меньше, чем он ожидал. Может, не будь он так вымотан, нашел бы в себе силы ужаснуться. Сейчас же, в этой каморке, в окружении примет бренного мира, одной из которых была приготовленная для него постель, загробная жизнь представлялась ему далекой угрозой: с ней ему предстоит столкнуться еще нескоро, — к счастью, он не ведает когда.

Он вспомнил последний разговор с учителем и как жалко тот выглядел, стоя на коленях. Вспомнил, как сурово с ним обошелся, как — без малейшей нужды — злобно и жестоко вел себя в последние их общие минуты. А сам бы он как поступил на его месте? Неужто отказался бы от возможности ожить? Даже более сильные духом люди не умели устоять и перед меньшими искушениями. Хирург понимал: раскаяние, которое он чувствовал сейчас, останется с ним до конца жизни. А может, и за ее пределами.

Вспомнил он и пачку банкнот, добрую часть всех своих сбережений, отданную чиновнику. При мысли об этом хирург вынул из ящика носовой платок, расстелил на столе, поставил чашку на середину платка и свернул узелок. Поднял его кончиками пальцев, поднес к глазам и разжал руку.

Раздался негромкий дребезг, но аптекарь в соседней комнате все же услышала и окликнула:

— Сагиб?

— Не беспокойтесь, — ответил он. — Я тут что-то уронил в темноте. Сейчас уберу.

Хирурга одолевала дремота. Он улегся на постель, даже не удосужившись выбросить в корзину платок с увязанными в него осколками. Наверное, не усну, подумал хирург, после всего, что случилось, но едва голова его коснулась подушки, глаза тут же плотно закрылись, точно заклеенные воском. Грудь его вздымалась и опадала. Хотя, конечно, признаком жизни это назвать нельзя. Лишь несколько капель пота, выступивших из пор и скатившихся по лицу, указывали, что он еще не покинул этот мир.

Живые спали так крепко, словно смерть начисто вымела все их мысли. В лечебнице было тихо, как в могиле. В коридоре зеленая ящерка, осмелив от тишины, выглянула из трещины в потолке, юркнула на стену и замерла в привычном карауле возле часов. Время шло, отмечаемое лишь медленным движением стрелок да редким промельком ящериного языка, как вдруг в выставленной простыней коробке, возле новой своей матери, погруженной в лишенное сновидений забытье, новорожденная засияла легчайшим румянцем. Девочка сжала кулачки, поморщилась, зажмурилась, открыла рот, обнажив беззубые десны, и сделала вдох, готовясь к первому крику.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я очень благодарен моим редакторам: Питеру Гельфанду — за то, что направил эту историю в нужное русло, и Миранде Оттуэл — за то, что помогла ей обрести голос. Спасибо Нику Ширину и команде издательства *Serpent's Tail* за то, что воплотили этот проект в жизнь в Великобритании, а также моим агентам Нилу Олсону (*Donadio & Olson*) и Мэтью Тернеру (*Rogers, Coleridge & White*) за их прозорливость и самоотверженность. Спасибо вам, Нейт, Шрути, Шалака, Кристина, Крис, Адам, Друв, Том, Томас и Брюс, за полезные обсуждения и комментарии, а также моим родителям — за то, что в детстве окружили меня книгами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Один	5
Два	22
Три	28
Четыре	34
Пять	39
Шесть	46
Семь	63
Восемь	71
Девять	80
Десять	98
Одиннадцать	117
Двенадцать	144
Тринадцать	156
Четырнадцать	168
Пятнадцать	182
Шестнадцать	199
Семнадцать	210
Благодарности	222

МИФ Проза

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО
МАСШТАБА

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

   mifbooks
 mif.proza

STONE HEDGE

Литературно-художественное издание

Паралкар Викрам

Ночной театр

Ответственный редактор *Надежда Молитвина*

Литературный редактор *Любовь Сумм*

Арт-директор *Мария Красовская*

Дизайн обложки *Наталья Байдуэжа*

Верстка *Радик Садыков*

Корректура *Наталья Небаева, Надежда Болотина*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

123104, Россия, г. Москва,

Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru

facebook.com/mifbooks

vk.com/mifbooks

instagram.com/mifbooks

instagram.com/mif.proza

STONE HEDGE

— Как же вы выжили?

— Никак.

Эта ночь станет для индийского хирурга абсурдным сном. Три года он работал в богом забытой лечебнице. Но встретил гостей, нарушивших его скромный покой. Жертвы таинственного происшествия без крови, без слез, без души... Как и зачем они вернулись на землю?

Всего несколько часов проведут среди смертных диковинные пациенты. Несколько часов будет у хирурга, чтобы испытать свое мастерство и вернуть мертвых к жизни. Или прогнать их туда, откуда пришли.

Писатель, врач и ученый, Викрам Паралкар родился в Индии, а позже переехал в США, где сейчас работает гематологом-онкологом в Пенсильванском университете. На его творчество повлияли Хорхе Луис Борхес и Франц Кафка, Орхан Памук, Альбер Камю и Эдгар Аллан По.

«Что, если вечность — не банька с пауками, как опасался герой Достоевского, а бескрайняя пустынная равнина, на которой царят нескончаемые сумерки и распоряжается небесный чиновничий аппарат? Похож ли мир этот на тот, и если да, то насколько и чем? Способны ли ангелы обмануть? Эти и многие другие вопросы автор ставит перед читателем — и ответы ошеломляют».

Юлия Полещук, переводчица

«“Ночной театр” Паралкара, чье действие разворачивается в индийской деревне, — драма, которая становится чем-то большим... Философия, магия, сложные факты из области современной медицины складываются в лаконичную и убедительную историю».

BuzzFeed

ISBN 978-5-00169-444-1

9 785001 694441 >

Максимально
полезные книги на сайте
mann-ivanov-ferber.ru

STONE HEDGE

издательство

МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР

facebook.com/mifbooks

vk.com/mifbooks

instagram.com/mifbooks